

ВИДИШЬ

СУСЛИКА ?

Annotation

Что нужно для крутого произведения для крутых мужиков? Конечно — оружие и девушки! Здесь, мой маленький сорокалетний дружок, ты найдешь и то, и другое в количестве. Секс, кровь и рок-н-рол на фоне японских пейзажей!

Комменты от бета-ридеров:

"Один нюня и соплежуй, впадающий в ступор перед девицами,

второй мужик и "сморчком" врага уложит. Общего ноль, но жить теперь в одном теле. Хорошо хоть тело это ещё можно подтянуть, да и японки вокруг с размерами от третьего. Но получится ли ужиться? Ведь вокруг все не так мирно, как кажется на первый взгляд."

"Если жизнь дает вам второй шанс, то вы можете использовать его, чтобы исправить все свои ошибки! Или сделать все ещё хуже..."

"Впопадун обыкновенный с необыкновенной тупизной. Да еще и с плохим зрением, из-за которого он не видит кто его враг.

— Но это уже не его проблемы!"

"Из танка ни хрена не видно, куда ты рулишь. Но есть нюанс. Ты в танке!"

Глава 1 «Ох, какая же ты близкая и ласковая!»

Щелкнул выключатель, и единственная лампочка тускло осветила узкую площадку перед дверью на чердак. Здание архива уже несколько лет числилось закрытым, и потому старшекурсники использовали его для тайных свиданий и грязных делишек. Верхний этаж был особенно привлекателен тем, что патрульные и сторожа ленились подниматься сюда.

Пятеро кадетов втащили по лестнице вырывающуюся фигуру. Издалека могло показаться, что они издеваются над девушкой. Но представительниц слабого пола в кадетской школе не было, за исключением медсестры и хранительницы библиотеки. А вести себя с ними столь фривольно не осмелился бы ни один учащийся — вездесущие офицеры пристально следили за моральным обликом подопечных.

Тщедушный Фудзивара Кадзуо, по прозвищу Суслик, сопротивлялся как мог. Получалось плохо, мешали небольшой рост, малый вес и наивная вера, что в любой чёрствой душе есть искра доброты. Так что Кагосима Сёго, которого все называли Хорёк, легко удерживал его за шкуру одной рукой.

Глупая надежда на справедливость умирала, сменяясь отчаянием. Руки Суслика беспомощно мутузили воздух. Он попытался лягнуть хоть кого-нибудь, но в очередной раз промахнулся. Со стороны Кадзуо напоминал жука в руках любопытного ребенка.

— Всё понял, бакайро? Завтра оба пишите отказ и катитесь куда подальше. Мне насрать, какие причины вы выдумаете, но они должны убедить начальство. А иначе, я твоего возлюбленного Хомячка...

Хорёк ещё разок тряхнул жертву, подкрепляя свои слова.

— ...опилками через жопу набью и на аллее Славы памятником поставлю, как раз рядом с твоим папашей! Будешь сразу двоим цветы по праздникам возлагать.

Прихлебалы одобрительно заржали. Суслик попытался извернуться и ударить Сёго, но попал только по стенке, что вызвало новый приступ хохота. Суслик был смешон и беспомощен. Конечно, такой балласт никому не нужен.

— Я... За что? Что я тебе сделал? — запал у Кадзуо кончился очень быстро. Казалось, он уже готов расплакаться.

— Тебя никто не просил лезть ко мне в команду в предстоящих соревнованиях!

— И ко мне! — рявкнул один из дружков Хорька, Оути Ёсио.

— К нам! — подытожил Хорёк — Император приедет сюда, чтобы смотреть на достойных, и мне стыдно, что он вообще увидит тебя!

Суслик не слушал рассуждения этого хулигана. Хорёк всегда говорит, что он просто лучше, а все остальные — хуже. Вместо этого Кадзуо решил использовать на Хорьке свой любимый приём из боевых искусств — изматывание противника бегом. Отступать было некуда, поэтому он решил проскользнуть мимо не по годам развитого амбала Сёго.

Хорёк подставил подножку, затем пнул упавшего недотёпу в живот. Суслик снова откатился к стене. Своё прозвище Суслик получил за то, что в любой сложной ситуации замирал столбиком, и ничего не мог сделать. Но сейчас он смог побороть себя и поднялся. Размахивая руками, будто ветряная мельница, он умудрился заехать в глаз зазевавшемуся Ёсио.

— Кисама! Ну, теперь держись, позор школы!

Все пятеро двинулись на смельчака. Стая хорошо тренированных старшекурсников могла уделывать любого одиночку своего возраста, даже опытного бойца, не то, что нескладного задохлика, путающегося в собственных конечностях.

Суслик отступил на пару шагов в сторону. Удар, толчок... Кажется, всё тело превратилось в один большой синяк.

«Бежать, бежать, бежать!» — единственная мысль звенела в голове Суслика.

И он снова рванул вперёд, отрикошетил от одного из хулиганов, толкнул другого, и стал пятиться в свободный проход. Глаза на затылке природа не предусмотрела, а жаль! Неосторожный шаг, нога потеряла опору. Суслик пошатнулся и вытянулся в струну, балансируя на самом краю лестницы.

«Спокойно! Надо быстро выбросить руку, вцепиться в перила. Перескочить через поручень, прыгнуть вниз. И не догонят! А там...»

— Лети, ахо! — со смехом сказал Ёсио, легонько ткнув балансирующего Суслика в плохо начищенную пуговицу форменной куртки.

Тонкие пальцы жертвы схватились за рубаху противника, ткань предательски затрещала.

— Совсем охренел?! Порвёшь, онорэ!

Ёсио отпрянул назад, с силой отпихивая Суслика. Тот замахал руками в напрасной попытке удержать

равновесие.

— Ёсио-кун, ксооо, кусотарэ, ты что творишь? — взвизгнул Хорёк.

Он попытался схватить дурня, но не успел. Оставалось только смотреть как Суслик считает ступени всем, чем только можно. Глухой удар, и он застыл на полу переломанной куклой.

— Ксооо!

— Потом разберёмся, — прервал главаря Хироки. — Нужно валить отсюда.

Распахнув чердачную дверь, он выволок оттуда ещё одного участника, изображавшего подвывания Хомячка.

— Пошёл вон!

— Да что у вас тут...

Хироки не дал ему договорить и потащил его за собой.

Остальные замерли на миг, а потом рванули с места, будто за ними гнался дух покойного. Никто не сомневался, что Суслик отправился к героическим предкам. Хорёк ругнулся, забежал в холл и отключил свет. Затем захлопнул дверь и на мгновение прижался к ней спиной, утирая холодный пот со лба.

— Ничего не было, поняли?! — зашипел он на своих прихвостней. — Никто ничего не видел!

Хорёк сурово глянул на соучастников. Те закивали. Проблемы никому не нужны.

— По комнатам, быстро! Бегом, бакаёро!

Всё стихло. Время словно остановилось. В полной темноте, будто из воздуха возникла молодая женщина. Она склонилась над телом и без видимых усилий подняла его. Голова парня бессильно свесилась, а лицо его было настолько бледным, что сливалось с белым халатом девушки.

— Потерпи, маленький, все будет тип-топ.

Медсестра Китано Юки, больше известная как Ласка, торопливо спустилась на первый этаж и покинула старый архив. Она двигалась почти бесшумно. По узкой темной аллеюшке она пошла к лазарету, словно бы не чувствуя ноши.

Пациенты в одиночной палате были редкостью. Обычно заболевшие или получившие травмы кадеты занимали помещения на три-четыре человека, так было проще присматривать за сорванцами. Однако сейчас Ласка уложила добычу именно в маленькой комнатке, скрытой от посторонних глаз.

Всё это время Суслик наблюдал за происходящим как в бредовом сне. Вот его тело лежит у подножья лестницы. Глаза закрыты, но он же видит всё происходящее! Абсурд! Пока он пытался понять хоть что-то, появилась медсестричка. Но не позвала никого на помощь, не вызвала дежурного офицера, а просто забрала главную улику. Она что, в сговоре с Хорьком?

«Боги! Неужели это конец?! Такой глупый, бесславный... идиотский?! Я же последний из рода! Отец мне этого не простит. Пожалуйста! Мама! Пусть это окажется просто сном! Я должен стать достойным предков и клана!»

Был ли услышан этот отчаянный зов? Суслик чувствовал себя потерянным. Где он? Ах, да, это лазарет. Он и не заметил, как Ласка успела добраться сюда.

Узенькая комната с застеленной казенным бельем койкой. Медсестра просто оставила его на постели и ушла. Ни врача, ни шума! Вообще ничего. Нет, это было непостижимо!

Суслик ничего не понимал — он не мог двигаться, но и боли не испытывал. Значит, все-таки умер? Нет! Пожалуйста! Мысль о смерти была слишком страшной, чтобы заикливаться на ней. А как же глупыш-Хомячок? Как он справится один? Его же весь курс терпеть не может за длинный язык и особое отношение учителей.

В комнату ворвался тёмный вихрь, небольшой, но яростный. Внутри него крутился какой-то сгусток. Это миниатюрное торнадо приближалось к телу Фудзивары Кадзуо. Сам Суслик, как зачарованный, наблюдал за процессом со стороны. Странное явление одновременно пугало и манило его. Как только новая сущность коснулась безжизненного тела, он ощутил, как его затягивает — сначала внутрь вихря, а потом и обратно в тело, следом за странным сгустком.

* * *

Склад взорвался. Красиво, громко.

Валентин жадно втянул воздух, в котором растекался аромат свежих денег. О да. За этот контракт очень хорошо заплатят. Даже удивительно, такое простое дело, и такой гонорар. За спиной ещё гремели взрывы, но Валентин дал приказ уходить к точке эвакуации. Склад на окраине города, а вокруг голая степь без единого деревца. Не нужно даже далеко идти, вертолёт сможет забрать их через десять минут.

Обычный марш-бросок на три километра в полной выкладке.

Вдали уже был слышан шум вертолёта, и Вал почти позволил себе расслабиться. Но всё же не совсем. Потому что когда он увидел, как из оврага в ста метрах сбоку высовывается пулемёт, а впереди поднимаются бойцы в

камуфляжных накидках, он успел лечь на землю прежде, чем по ним начали стрелять.

«Чёрт-чёрт-чёрт!!!» — звенело в голове.

Он скомандовал:

— Вали козлов!

Отряд попал в засаду. Валентин прицельным выстрелом завалил одного из врагов, а потом дал очередь в направлении остальных. Залегли все — и наёмники, прижатые к земле пулемётом, и их враги, осторожничающие под ответным огнём.

А вертолёт был уже совсем рядом! Вал увидел его и пополз назад, время от времени прижимая врагов к земле короткими очередями из «калаша».

— Ну давайте, ребята, уже скоро к мамке! — подбодрил Вал своих бойцов.

Димон дёрнулся и притворился спящим. Навечно. Залегший в землю противник вел методичный обстрел наемников. Врагов было неизмеримо больше.

«Что ж вас, уродов, так много?!»

Автомат Валентина выплюнул ещё несколько пуль и захлебнулся. Наёмник схватил другой, протянув руку к лежащему рядом товарищу.

«Вертолёт! Садись, мать твою!»

Подняв голову на летящую в небе машину, Вал увидел, что это вовсе не транспортник их ЧВК, а американский «Апач» с полным боекомплектом. Вертолёт завис в воздухе, наклонил корпус и начал стрелять.

Вспышка! На части разрывает не только тело, но и душу. Тёмный вихрь затянул в себя все осколки и понёс прочь. Валентин плыл в чёрной пустоте, он обретал покой. Свет в конце тёмного тоннеля как магнит тянул дух Вала к себе. Свет был ярче тысяч солнц. Он понял — это бог! Не бездушный идол, а живой, сверкающий поток.

Перерождение? Кармическое колесо? Нет! Вихрь усилился, и душа полетела прямо в руки этого Бога. Валентину пришло Знание. Трансцендентная сущность, которую люди называют богом, представилась, просто сделав Знание частью души Валентин. В местной части мультивселенной, в этот конкретный момент времени и пространства, его называли богом Смерти, Энма Дайо. И Энма затянул душу к себе.

— Пожалуйста! — услышал Валентин мальчишеский голос. Этот голос звучал рядом с Богом, но принадлежал не ему. Непостижимо, ведь у Вала нет ушей, чтобы слышать. Только обнаженная душа. Значит, мальчик тоже умер и это звучит голос его души? Бог сделал непостижимое для Вала движение, и под ними появилось пространство. Самое обычное. Вал увидел лестничную площадку, грязную, давно не крашенную. На площадке лежал мальчик со сломанной шеей.

— Пожалуйста! — повторил душа мальчика свою мольбу.

— Он не готов расстаться с жизнью, но слишком слаб, чтобы удержаться в своем мире — сказал Энма.

Валентин не ответил. Ему было немного жаль мальчишку, но гораздо больше его заботили обстоятельства собственной гибели. Внутри него вскипала ярость, он жаждал отомстить тем, кто предал его и весь отряд.

— Сущность бойца! Вот чего не хватает мальчонке. Ты отлично подходишь. — пояснил Бог Валентину.

Душа погибшего наёмника чуть посветлела, грязь и копоть слетели вниз, а сердцевина воспарила в уже знакомом чёрном вихре. Она полетела к духу Суслика, ещё не успевшему потерять изначальный свет.

— Да будет так! — провозгласил Энма.

* * *

Валентин вскочил и огляделся. Стены и потолок были покрыты причудливыми пляшущими тенями, в темноте угадывалось, что стены и потолок тут белые.

Вал повернул голову, и чуть не взвыл от боли. Тело моментально перестало его слушаться, рухнуло обратно на кровать, на мягкую подушку.

«Больничка, похоже... значит, ещё не помер. Новость неплохая...» — подумал он.

Валентин изумленно посмотрел на бледную плеть, находящуюся там, где должна была быть его рука. Матерная конструкция, произнесенная чуть хрипловатым фальцетом, ввергла его в полный шок.

«Мать, мать, мать...» — нервно метался Валентин.

«Надеюсь, я не стал великим танцором или этим... как его... Фаринелли».

Он с трудом приподнял простынь и заглянул под неё. Всё на месте, но...

«Сколько же я провалялся в чёртовой палате, что моё тело превратилось в это анатомическое пособие для лохов?»

Вокруг не было никаких подсказок, а любое движение отдавалось болью и помутнением сознания. А ещё Вал отлично помнил, как попал под взрыв реактивного снаряда с вертолёта, умер, и повстречался с богом смерти. Который решил подселить его к...

Тощему мальчишке с высоким голосом, точь-в-точь как у Вала сейчас.

Сердце застучало быстрее. Неужели он переродился в новом мире? В каком? Что здесь происходит? Как это тело оказалось в больнице?

Движение за дверью палаты он скорее почувствовал, чем услышал. Вскоре появилась узкая полоска света, и к Валентину зашёл посетитель.

— Суслик!

Худенький малёк с ангельской мордашкой одним прыжком оказался на кровати.

«Минамото Синдзи,» — всплыло в голове. Воспоминание отозвалось легким уколом головной боли. «Так же известен как Джунгарский Хомячок, Джунгарик, или просто Хомяк. Происхождение прозвища неизвестно. Гиперактивен, хитёр, коварен и пакостен!»

— Ты чего пропал? Я искал тебя. А ты тут!

— Да я... — начал было Суслик, но мальчишка, перебив, затараторил:

— Ты опять всё пропустил пока по библиотеке шарился. А там весь курс построили. Сам замначальника из гнезда своего выполз. Удав престарелый! И давай речь толкать. Типа, господа курсанты! Настал тот миг и час, когда вся школа смотрит на вас, и её тошнит от увиденного...

— Чё?

— Ну, это образно. Вы старший курс... наше будущее и прочее. Недолго вам осталось жить на этом свете...

— Чё?

— Ну а самые первые попадут в гарем Императора!

— Чё?

— Тебе энциклопедия на голову упала, что ли? Чё, да чё. Снимайся с ручника, к нам едет Император! Ну, или члены его семьи. Неважно!

— И чё?

— Нет, ты точно головой приложился. Ничего, это поправимо!

Хомячок схватил с тумбочки стальную кювету и занёс над головой Суслика.

— Не надо!

— То-то же! — Хомячок вернул оружие на место. — Тогда слушай и не тормози. Будут военные игры. Соревнование, так сказать. Лучшая команда — те, кто всех уделает — будет принята в Токийскую Императорскую Военную Академию. Твоя моя понимать?

— Понимать... Только при чём тут я?

— Ха! Ты забыл, кто мой папка?! Я точно участвую, а ты со мной. Мы ж попугайки-неразлучники.

На Валентина вдруг нахлынуло воспоминание. Хорёк снова поймал его, затащил в здание старого архива и требовал отказаться от участия в соревнованиях, а потом...

А потом он упал и свернул себе шею.

Валентин несколько раз моргнул. Получается, все эти неприятности произошли с Сусликом из-за вот этого пацана?

Но рассердиться на это весело подпрыгивающее на кровати существо он не смог. Хомячок безумно походил на какого-нибудь анимэшного принца или эльфа. Светлые волосы растрепались. Большие зеленые глаза припухли от слез, размазанных грязными дорожками по щекам. Валентин почувствовал непривычное умиление и испугался.

— Ты чего ревел? — спросил он.

И тут Хомячок затараторил со скоростью пулемёта:

— Тебя искал! Пробовал Хорька потрясти, а он сказал, что хана тебе! И мне заодно. Чуть позднее... А я его ногой. Хотел по шарам, но попал по пузу. А он мне подзатыльник отвесил. Тут медсестра шла. И вздрючила Хорька. А меня сюда послала. Сказала, что ты тут дрыхнешь.

Скороговорка мальчишки не позволяла сосредоточиться.

— Так ты... — начал было Суслик и замолчал.

Похоже, Хомячок ничего не знал о недавних событиях, в результате которых он попал в лазарет.

— В общем, мы оказались в одной команде с Хорьком. Он, конечно, гад и скотина. Зато будет весело! А ещё у меня есть такая задумка! Закачаешься! Но я пока не скажу. Потом. У меня ещё не все готово!

Подкравшаяся со спины Ласка сцапала Хомячка:

— Я разрешила прийти на минутку. А не скакать тут, как на батуте. Брысь к себе! Сейчас отбой будет! Такое стихийное бедствие я на ночь в лазарете не оставлю!

— До завтра, Чёкало! — мальчишка махнул рукой и лёгкой тенью исчез за дверью.

Суслик улыбнулся вслед уходящему другу. Валентин же поймал себя на мысли, что не может сфокусироваться на попке медсестры, которая уводит его из палаты.

«Что это со мной?»

Вал оказался во власти чужих эмоций. Его захлестнули тёплые, дружеские чувства. «Ты что? Там же! Такая девушка!» — прикрикнул Вал на своё тело.

«Это Ласка. Она красивая, но на меня никогда не посмотрит,» — вдруг ответило тело.

Валентин перепугался. Суслик тоже.

«Ты слишком легко сдаёшься,» — ответил наёмник школьнику — «Мы ещё всем им покажем».

«Нас что, теперь двое?» — робко подумал Суслик.

Примечание к книге

В книге используется большое количество прозвищ главных героев, которые взяты из животного мира — желание автора.

В Японии фамилия ставится перед именем.

В книге японские слова или имена даются в транскрипции Поливанова

В книге описывается альтернативный нашему мир. Из-за магии развитие техники замедлилось лет на 30-40

Примечание к 1 главе

Великий король Энма-Дайо (閻えん魔ま大だい王おう) — властитель и судья мертвых.

В главе используются ругательства на японском языке. В транскрипции Поливанова.

Неполный список таких ругательств:

Симатта (shimatta) — "Блин, черт, облом".

Симаймасита (shimaimashita) — Более вежливая форма с тем же смыслом. Используется в приличной компании.

Ти (chi) — "Черт". Произносится на выдохе, когда дела идут плохо.

Кусо/ксо (kusou) — "Дерьмо". Может использоваться фигурально. Часто — в форме восклицания.

Тикусё/тиксё (chikushou) — "Сука". Достаточно резкая форма. Часто используется не как оскорбление, а как восклицание.

Ати ни икёэ (Atchi ni ikeyo) — "Канай отсюда".

Дзаккэнаё! (Zakkenayo!) — "Пошел на...".

Удзаттэ! (Uzatte!) — "Пошел в...".

Синдзимаэ! (Shinjimae!) — "Убирайся к черту!"

Тимпункампун (chinpunkapun) — "Ни хрена об этом не знаю".

Бу- (bu-) — Глагольная матерная приставка. Скажем, "бу-ккоросу" примерно переводится как "убью на фиг".

Оскорбления

Киккакэ (kikkake) — "позер", человек, пытающийся казаться круче, чем есть.

Тикусёмо (chikushoumou) — "Сукин сын".

Ама (ama) — "Сучка". Буквально переводится как "монахиня".

Бака (baka) — "дурак". Не очень оскорбительное выражение. Часто используется детьми.

Бакаяро (bakaуаго) — Более оскорбительная и "крутая" форма предыдущего. Используется мужчинами и по отношению к мужчинам. По смыслу ближе к "ублюдок".

Ахо (аһо) — "Придурок, недоумок".

Тэмаэ/Тэмээ (temae/temee) — Оскорбительный мужской вариант местоимения "ты". Обычно по отношению к врагу. Нечто вроде "ублюдок" или "сволочь".

Онорэ (onore) — То же самое, но более грубо.

Кисама (kisama) — То же самое, но еще более грубо.

Коно-яро (kono-уаго) — "Сволочь".

Кусотарэ (kusotare) — "Идиот, дебил". Буквально — "голова из дерьма".

Рэйдзи (reiji) — "Псих".

Одзёсама (ojousama) — "Принцесса", испорченная девчонка из богатой семьи.

Хаппо бидзин (happo bijin) — Двуличный, ко всем подлизывающийся человек.

Яриман (yagiman) — "Шлюха".

Косё бэндзё (kosho bejjo) — "общественная уборная", девушка, которая никому не отказывает.

Глава 2 «Наших душ глубина»

Ни Суслик, ни Валентин не понимали, что произошло. Покинувшая своё уничтоженное пристанище душа отважного авантюриста не прошла незамеченной мимо Энма Дайо. Его божественная воля пришла на помощь балансирующему на грани жизни и смерти юнцу, соединив две сущности воедино. Бог смерти имел свой интерес в этом деле, но рассказывать о нём смертным не собирался.

Суслик резко перехватил управление у Валентина. Он вырубился на лестнице, а пришёл в себя в какой-то белой комнате. Огляделся: знакомый лазарет. Хотя в этой комнатёнке он был всего один раз, когда навещал загремевшего в медпункт Хомячка. Подумать только, он на спор сожрал полкило незрелых слив!

Хотя навещал — это громко сказано. Суслик сидел на кровати, а Хомячок весело проводил время за маленькой дверкой в углу палаты. Их разговор то и дело прерывали угрожающие звуки расстроенного кишечника.

Валентин хмыкнул. Да уж, Хомячок был из тех, кто может впихнуть невпихуемое. Ему точно хватит безрассудства объесться сливами на спор.

Дверь скрипнула. Пациент тут же притворился спящим — на всякий случай. В палату осторожно вошла Ласка, приблизилась к кровати, склонилась. Пышная грудь оказалась перед самым лицом. Суслик зарделся, а тело тут же заявило о своём пробуждении.

— Вот и умница! — сказала она, потрепав его по щеке.

Вал перехватил её руку, но Ласка без труда высвободилась.

— Все хорошо, малыш. Тебя немного потрепало, но опасность миновала. Так что мы никому ничего не расскажем, идёт?

— Не расскажем, — повторил за ней Суслик, шумно сглатывая.

Близость роскошных форм не позволяла сосредоточиться. Японочка была сногсшибательна. Рыжие волосы и зелёные глаза придавали ей особую экзотичность.

— До завтра спи тут.

— А...

— Об этом не думай. Скажу, что с температурой пришёл. А завтра вперед, в бой!

Суслик поёжился. Даже близкое присутствие красивой девушки не спасло его от погружения в мрачные воспоминания. Ласка тихонько ушла, закрыв за собой дверь, а Суслик заново переживал один из худших своих кошмаров.

Там, во сне, группа кадетов вышла к учебному автодрому. И Вал всем существом почувствовал, как на Суслика наваливается отчаяние. Вождение было его персональным проклятьем в этой жизни. Едва сев в машину, он терял ориентацию в пространстве, а «право» и «лево» становились непостижимыми понятиями. На какие только уловки он ни шёл, чтобы помочь себе: вешал бумажный браслет на левую руку, отмечал чернилами правую, надевал только один носок. Но стоило оказаться в кабине, руки и ноги становились чужими и лишались связи с мозгом.

Вал расхохотался, потом стал мысленно извиняться, а потом снова расхохотался.

«Во я шизик, твою-то мать!» — он уже не воспринимал себя отдельно от Суслика.

А Суслик совсем раскис на подходе к стоянке.

«Эй, парень, это всего лишь внедорожник, даже не грузовик! Смелее, братец Кролик!»

Он сел на водительское место, будто на электрический стул. Теория подло покинула голову, остались только верные приятели — маленький страх и большая паника. Ноги стали ватными. Попытался нащупать педали. Он твердо знал, что их три, но, казалось, будто под подошвами пианино.

Положил ладонь на рукоятку коробки передач, сжал её до хруста.

Рядом со вздохом пристегнулся инструктор. Суслик стал нервно искать свой ремень, долго не мог попасть пряжкой в замок.

«М-да! Невтыкание. Давай с девушками я буду главным? А то опозоримся!».

Другие машины уже благополучно выехали на круг. Было видно, как резво несется внедорожник Хомяка, нагло подрезая однокурсников. Суслик наблюдал за другими водителями, как будто это могло его спасти...

— Кадет, не спать! — окрик инструктора заставил его сжаться в комок.

— Сцепление! Нет, газ! Или все-таки сцепление? — причитал он.

Инструктор звонко приложил ладонь к своему лицу.

— Коробка передач заела! — чуть слышно пожаловался Суслик.

Инструктор со вздохом передвинул рукоятку на первую скорость. Машина задёргалась в мучительных судорогах, заглохла, потом снова забилась в агонии, и выползла на круг, время от времени подпрыгивая.

Вал потёр лицо. Он чувствовал, как стыдно мальку за его беспомощность.

«Не дрейфь, приятель! Мы перевернём грузовик с пряниками на нашей улице. Вот на таком же джипе,

протараним, и перевернём!».

Кажется, эти мысли скорее напугали Суслика, чем вдохновили.

Валентин почувствовал себя неловко. Ему хотелось показать Суслику, что всё не так плохо, как кажется. Но ничего умнее, чем по-отечески потрепать мальчика за волосы и сказать: «А вот когда я учился...», он не придумал. Суслик неожиданно заинтересовался. Он был убеждён, что хуже просто не бывает.

Валентину вспомнился университет. Самые дурацкие моменты. Как они чистили гуталином памятник Жукову, поскольку вместо дорогого гранита постамент изготовили из какого-то искусственного камня. Тот потускнел в первую же неделю, а затем стал подлю сыпаться. Университет — не совсем армия, но всё равно, недостаточно блестящая поверхность должна быть натёрта или покрашена. И студентов припахали чистить памятник сапожными щётками, то есть красить и натирать одновременно. Сначала эта повинность вызывала смех, а потом только раздражение. И вот, группами по пять человек, снежной зимой, они выходят на трудовой подвиг. Валентину нужно выучить текст на немецком, потому он прячет под курткой учебник. Темнеет рано, и в конце занятий уже совсем ночь. Под тусклым фонарём он смотрит в книгу, а видит фигу. Да ещё и на высокий постамент лазить каждые десять минут приходится!

Валентин назидательно подмигнул Суслику.

«Ну а что было потом?» — спросил кадет.

Вал расхохотался, вспомнив свой ответ у доски. Немецкий язык коварен. Всего одна буква перевернула смысл предложения из «Стой, а то буду стрелять!» в «Стой, а то обосрись!» Восторг малолетних дебилов был непередаваемым. Лишь трепетная Ия Сергеевна бледнела и краснела, призывая студентов к порядку.

А Суслик продолжил погружаться в меланхолию и самоунижение. Он продемонстрировал начало очередного учебного года. Вот поезд замедлил ход. Ох, с какой тоской смотрел Кадзуо на приближающуюся станцию. Ненавистная школа была уже близко. Ксо, каникулы пролетели одним мигом!

Парень вышел на платформу. Огромная сумка тянула вниз. Чуть пошатываясь, он двинулся к переходу, пытаясь вспомнить, что же такое увесистое напихал с собой.

Вчера он долго перебирал книжки, выбирая те, которые пригодятся на этот год и пройдут цензуру вредных замполитов. И вроде взял только самые необходимые, чуть ли не со слезами оставляя излишне увесистые тома по литературе и истории искусств.

Ах да, бабушка, не понаслышке знавшая о скудном меню школы, снабдила худышку банками варенья и сухофруктами. А чтобы стекло не разбилось о жесткие переплеты книг, переложила все запасным бельем, купленным у той же фирмы, что снабжала школу. Суслик из года в год был самым богатым в этом плане кадетом, за что и звался «принцессой в труселях». Но его называли Сусликом, потому что замирал столбиком он гораздо чаще, чем ходил за бельём в прачечную.

Внезапно мир потерял свою ориентацию. Грузный мужчина лет сорока, весящий раза в три больше тщедушного грызуна, не успел уклониться от столкновения с шустриком, отягощенным знаниями и бабушкиными гостинцами.

Разумеется, победила физическая комплекция сумотори. Ко всем сумотори Суслик питал особенное почтение и старался обходить их за версту.

«Ибо масса, помноженная на ускорение...» — захихикал Вал.

Обменявшись традиционными гоменнасаями и сумимасенами и поклонившись друг другу раз сто, Суслик и его визави наконец-то разошлись.

«Япона мать божья!»

Суслик продолжил свой скорбный путь на Голгофу. Школьный автобус ждать не будет.

Мальчишка вздохнул. Кадетская школа, в его понимании, была семейным проклятием. Хотя папа, да и дедушка, всегда восторженно вспоминали юные годы, Суслик ненавидел военизированный храм знаний всей душой. Он чувствовал себя несчастной мышью, которой готовы поживиться буквально все. Тут если не сожрут, то придушат, пока будут играть. Парень помнил слезы матери, когда она провожала его на вокзале, или уезжала в конце родительского дня. Он и сам рыдал, прижавшись к ней. Отца же это только злило.

«Будь достоин рода! Ты надежда клана!» — любое его обращение всегда звучало приказом.

Отец Валентина не был военным, но теплого отношения от него сын тоже не замечал.

«Наверное, мы родственные души. Не случайно же в одном теле оказались. Вот предки и похожи характером».

Он почувствовал, как защипало глаза, но не понял, тогда или сейчас, в лазарете. Не стоило вспоминать о родителях.

Сумка своим весом настойчиво предлагала остаться на платформе и не карабкаться по лестнице. Но отступить было некуда, учебный год протягивал свои жадные ручонки к жертве.

Внезапная преграда заставила Кадзуо окончательно вернуться в грешный материальный мир. Хоть и с некоторым опозданием. Суетливая натура Суслика, помноженная на собственный вес и бабушкину заботу, сыграла

роль шара для боулинга. Четыре рослых кадета будто кегли попадали на ступени лестницы.

«Страйк!» — хохотнул Вал.

Участников импровизированной партии в боулинг результат почему-то не обрадовал.

Кадет слева с диким криком «Аники!» бросился поднимать лидера группы. Тот среагировал мгновенно, вскочил на ноги и развернулся. Увидев обидчика, он нанёс удар ему в глаз, заслуживший бы одобрение инструкторов по боксу. Неуклюжего Суслика отнесло минимум на полтора метра, баул преданно следовал за владельцем и добавил ему инерции. Мир перед глазами завертелся. Парень потерял ориентацию в пространстве и отдался на милость мироздания. Первым на бетонный пол шмякнулся баул.

Дзыньк! — напомнили о себе бабушкины банки с вареньем.

Бздыщ! — не отстали от них банки с сухофруктами!

— Ксо-ксо-ксо! — воскликнули Суслик и Вал хором, живо представив себе, как носки и трусы заполняются вареньем, а книги, начинённые орехами и курагой, заливают карамельный соус.

Приземлившийся сверху мальчишка стал последним гвоздем в крышке гроба Сусликовых запасов.

Кадеты, с которыми ему повезло столкнуться, проявили чудеса армейской смекалки. Услышав трель полицейского свистка, а также стоны Суслика, уже успевшего открыть сумку и перемазаться в чем-то красном, отчего издали он стал напоминать смертельно раненого, хулиганы подхватили под руки своего, всё ещё горящего праведным гневом «аники», и спешно ретировались к отбывающему от станции автобусу.

Подоспевший полицейский со служащим станции застали картину, достойную пера Акутагавы Рюноскэ. Ей подошло бы название «Фудзивара Кадзуо в один из своих дней, ожидающий поезд из Ада у ворот Расёмона».

Суслик растерянно размазывал по лицу слёзы и варенье. Его костюм пока еще намекал на то, что несчастное создание учится в местной престижной кадетской школе.

Вал усмехнулся, глядя на растерянного полицейского. Наверное, тот мысленно проклинал всех и вся, представляя сколько бумаг придется заполнять. Конфликт между детками влиятельных кланов не сулил местному отделению полиции и вокзальным службам ничего хорошего. Звонки и письма из префектуры, жалобы от руководства школы. А если еще и визит разгневанных родственников, с родословной длиннее жирафьего хвоста. Аматерасу упаси от такого внимания!

Страж порядка вызвал такси. Осталось тайной, кто оплатил дорогу: японский городской, школа, или был задействован какой-то Суслячий счет.

«Ладно, потом разберусь в денежных вопросах».

В школе уже знали о происшествии и ждали появления героя. Дневальный сопроводил его к заместителю начальника академии по военно-политической работе. Кабинете был знаком и вызывал не самые радужные ассоциации.

«Чёрт. Знакомое чувство, чувак! Меня тоже песочили и в школе, и после. Все эти «замы» одинаковы».

Задерганный прибытием кадетов, а главное зачислением первогодок замполит хмуро уставился на Суслика. Потом устало буркнул:

— Пиши объяснительную. Опоздание на построение. И вот эта красота немереная. — Замполит кивнул на синяк, расплывавшегося под глазом курсанта.

Великолепие заляпанной формы он великодушно проигнорировал. Да и в дверь нетерпеливо заглядывал юный Минамото Синдзи, с чьим папашей никто не желал ссориться.

— Есть, господин полковник! — польстил замполиту Суслик, щедро повысив капитана в звании.

«А ты, братец, подхалим!»

Суслик трижды описывал произошедшее, меняя стиль от официально принятого в эпоху Хэйян, затем творчески переиначил изложение на стиль эпохи Эдо. Лицо замполита стало угрожающе багроветь от чтения очередного хокку, вроде:

Я в школе лишь сейчас,

Ничтожный опоздун,

В отчаянье пред вами...

Затем бумага комкалась и дрожащей от гнева рукой отправлялась в мусорную корзину, а перед недооцененным писателем появлялся новый чистый лист.

Столкнувшись с таким давлением обстоятельств и неприятием современниками гения, Суслик наконец остановился на текущей эпохе Рэйва и аккуратно поставил под своим творчеством печать клана Фудзивара.

Валентин с Сусликом вынырнули из воспоминаний.

«А ты пробовал что-то изменить?»

«Всё изменится. Последний курс, и я смогу...» — Суслик не стал продолжать.

«Что ты сможешь? Вернуться домой?»

Валентин уже видел множество воспоминаний о доме Суслика. О его дедушке и бабушке. Но не о родителях.

Кадзуо не хотел вспоминать своего отца и мать. Вместо этого его сознание соскользнуло на расположенные рядом со школой руины. Соскользнуло настолько привычно и плавно, что Вал понял: Суслик убегает сюда от самого себя не впервые.

Чтобы добраться до руин нужно было миновать все патрули, что требовало предельной концентрации и внимательности. Потом перелезть через забор — не очень высокий, всего лишь три метра. Валентин был очень удивлён возможностями Кадзуо. Хилое тельце было очень лёгким, так что при желании Суслик мог просто забежать по вертикальному забору после небольшого разгона.

А за забором начинались старые каменные бастиионы, разрушившиеся от времени. Суслик не знал, когда эту крепость решили забросить. Он просто использовал участок стены как скалодром, а внутренние пространства, иногда обвалившиеся до полной пустоты, а иногда заваленные до непроходимости — как полосу препятствий. Когда он карабкался, бежал и прыгал — всё остальное теряло значение. Оставалось только здесь и сейчас, стук сердца, сопротивление воздуха...

«Но у вас должен быть стадион» — напомнил Вал.

Суслик ничего не ответил, однако чувства, испытываемые им во время паркура по руинам, были прекрасно знакомы. Игра со смертью, упоение боем — то, чего не даст никакая тренировка в скучном зале.

«На самом деле, не такие уж мы и разные!» — заключил Валентин.

Теперь встать с кровати попытался Кадзуо. Слабость после травмы и слияния душ действовала и на него, но он управлялся с телом гораздо более умело. Ему удалось сесть на кровати. Шея всё ещё побаливала, но уже меньше. Валентину хотелось покрутить головой, размять мышцы, ощупать больное место, а Кадзуо твёрдо вознамерился подняться на ноги. В результате они оба уронили тело обратно на подушку.

Кадзуо, не то из японской вежливости, не то в очередном приступе остолбенения, скрылся в глубинах разума. Валентин свободно поднял руку. Самочувствие его снова улучшилось, он почти что пришёл в норму. Но...

«Валентин-сан...» — вернулся Кадзуо. Тело сразу же пронзило болью, а руки перестали слушаться.

«Нет, малец, так мы точно не выживем» — подумал Вал.

После нескольких пробных движений он научился не вмешиваться в управление телом. Суслик наконец смог встать и сходить в туалет. Роль отстранённого наблюдателя не очень устраивала Вала, но он хотел воспользоваться новым шансом любой ценой. Да и были в его положении свои плюсы: всю рутину можно повесить на соседа по голове.

«Кадзуо, а ты бы хотел иметь старшего брата?» — Вал решил зайти издалека.

Эмоции Суслика выразили полное согласие.

«Я буду помогать тебе советами, а если тебе станет страшно — сделаю всё, чтобы нас спасти. Мы с тобой отлично сработаемся, Кадзуо!»

Примечание к главе 2

Сумимасэн — прошу прощения, самая вежливая форма (буквально — «мне нет прощения»).

Гоменнасай — извините. Неформальное обращение.

Сумотори — сумоист, борец сумо.

Глава 3 «Хорошую религию придумали индусы»

Солнечный луч, бесстыдно проникнув через полузакрытые жалюзи, упал прямо в глаз Суслику. Он поморщился и отодвинулся подальше к стенке.

— Вставай, боец! Труба зовет!

Ласка появилась бесшумно. Присев на краешек постели, она дотронулась рукой до лба парня.

Упругая грудь медсестры дразнила его при каждом вдохе. Суслик чувствовал тонкий аромат её духов и чисто вымытого тела, такой вроде бы незнакомый, но желанный.

Все его тело напряглось в сладкой муке, дыхание перехватило. Суслик покраснел, а Ласка, будто нарочно, потрепала его по щеке, провела рукой по тонкой шее. Казалось, ей нравилось смотреть, как мальчишка ёрзает от смущения. Она взлохматила ему волосы и встала. А потом снова склонилась над ним. Соски, туго обтянутые халатом, почти задели его лицо.

— Подъём!

Быстрым движением она прикоснулась губами к его лбу и отступила.

Суслик резко сел в кровати. Сердце скакало, как взбесившееся, пытаясь покинуть слишком узкую для него грудную клетку. Кровь яростными толчками мчалась по сосудам. Красная пелена заволокла глаза. Мальчишка дернулся и снова завалился на подушки.

— Ара-ара, как давление скакнуло! — в голосе Ласки скорее звучало самодовольство, чем озабоченность.

Она уложила пациента поудобнее, вышла из палаты и отправила электронный рапорт о том, что Суслик задержится в лазарете.

Следующее пробуждение было куда менее приятным. Зверски болела голова, будто там дралась не на жизнь, а на смерть тысяча зубастых леммингов, и толпа зрителей подбадривали их, стуча в барабаны. Суслик присел, опираясь на подушку. Его мучило. Буквально на четвереньках добрался до заветной дверки и обнялся с фаянсовым другом, словно сто лет не виделись.

Скрипнула дверь. В палату вошла Ласка в сопровождении врача. Тот помог Суслику вернуться в кровать. Начались дурацкие вопросы и указания: смотри сюда, следи глазами за указкой. Дыши — не дыши... Проведя стандартную процедуру, знакомую Суслику по всем медкомиссиям, доктор достал из кармана халата непонятного назначения прибор. Похожий на дозиметр, он производил на Кадзуо грозное впечатление. А когда доктор его включил, Суслика вырубил. В отключке он пробыл недолго, но обморок взволновал доброго доктора. Он выдал пациенту направление на консультацию к магу-спиритуалисту.

«Эй, мелкий! Я чёт запутался в этом шутовском мире. Маг?! Охренеть!»

Ласка принесла какую-то таблетку и стакан воды. Суслик покорно принял лекарство. Все его внимание приковывали изгибы женского тела, которые излишне четко очерчивала тесная белая форма. Из рук сестрички он сейчас взял бы что угодно. Голова очистилась от всех мыслей, юное тело думало сейчас отнюдь не мозгом.

— Поспи пока! — Ласка шутливо толкнула его на подушку, которую тут же решила поправить. И снова смущенный взгляд скользнул в декольте медсестрички. Шаловливая грудь, почти вырвавшись на свободу из кружевного плена, мазнула его губы. Парень поперхнулся воздухом, забыв, как дышать.

— Споки, зайка! — она пересекла комнату, обернулась, довольная произведенным эффектом, и прикрыла дверь.

* * *

Сон унес мигрень, и к вечеру Суслик чувствовал себя вполне сносно. Врач осмотрел его повторно и позволил вернуться к учебе.

Не успел тот уйти, как в комнатку ворвался светловолосый тайфун. Хомяк принес свежую одежду и кучу новостей:

— Значит так! Хорек сначала усрался, думая, что ты откинулся. А сейчас хорохорится, мол, не докажете. Но на доске мы в списке команды. И завуч приходил, о чем-то с курсовым батькой трепался. Будут нас на тренировки отпускать.

— Угу...

— А еще я перца в столовой стащил. Хорьковой банде в белье насыпем, пока в душе будут. Вот умора!

— Угу... — Суслик не слушал, раздумывая о произошедшем. Стоит ли пытаться доказать, что Хорёк пытался заставить его отказаться от соревнований силой?

— А еще мелкие пацаны говорят, что если кому под простынь насыпать соли, но ночью тот уссытсся. Давай проверим?

— Угу...

— О! Да ты новое слово выучил!

Отговаривать Хомячка было бессмысленно, поэтому Суслик встал и вышел из палаты. Чуть покачнувшись, он схватился за стенку. Все-таки еще штормило, а ноги предательски дрожали.

— Я провожу, — Ласка взяла его под руку. А слева повис Синдзи, чуть не уронив друга.

— Мелочь, кыш! — замахнулась на него медсестра.

— Пусть, — заступился за друга Суслик. Присутствие мелкого помогало отвлечься от соблазнительной близости красоты.

Троица вышла из госпиталя. Четырехэтажное здание, лишённое хоть какой-то индивидуальности, стояло на отшибе, почти у самого забора, окружающего территорию школы. Строения школы вообще не отличались разнообразием.

Рядом располагался большой стадион. По беговым дорожкам в этот вечерний час трусили лишь заядлые спортсмены и грешники-должники. На них покрикивал усталый тренер. Легкоатлеты тут же сбились с шага, узрев белую форму труженицы медслужбы. Пружинистый шаг Ласки, движение ее бедер и легкое колебание груди перенаправляли кровоток всему молодняку военной школы. Да и господа полковники не раз задерживали взгляд на медсестре куда дольше, чем того требовала обычная вежливость.

Суслик видел, как все встречающиеся по пути кадеты старше пятнадцати лет чуть не сворачивали шеи, провожая взорами Ласку. Улыбочки и ухмылки, вздохи и подзуживание друг друга сопровождали любое появление молодой женщины среди юнцов.

У жилого корпуса Джунгарик попал в цепкие лапы преподавателя истории. На будущей неделе предстояла межшкольная конференция, и администрация выбрала в качестве докладчика самого младшего курсанта последнего года обучения. Разумеется, доклад был составлен заранее, полагаться в этом деле на Синдзи было рискованно. Но любой зал замирал, когда за кафедру на сцене вставал очаровательный блондинчик, обводил слушателей своим чистым взором и начинал вещать звонким голосом. Что бы ни зачитывал этот милашка, школа всегда получала грамоты и дипломы.

Суслик усмехнулся, глядя как рослый полковник утаскивает слабо трепыхающегося Джунгарика. Ласка тоже фыркнула, чуть пихнула локтем:

— Зацапали малявку! И поделом!

— Почему?

— Вчера мелкий вредитель ухитрился, сама не знаю в какой момент, вписать в рецепты на витамины для младшекурсников слабительное! Как ты с ним уживаешься вообще?

Суслик растерянно пожал плечами. Внимание было полностью поглощено собеседницей, но он едва понимал, что она говорит. Суслик не слушал, Суслик смотрел. Ее близость заводила, а завистливые вздохи однокашников льстили самолюбию. Ласка же нежно, о-о-очень нежно поддерживала «раненого бойца».

«Красотка будет моей! Ей тут явно скучно! А остальные пусть ревниво разевают хлебала!» Цель выбрана. Ступор и растерянность отступили, а мысли из броуновского движения обрели некую стройность.

— Я бы зашел завтра в лазарет ещё раз. — сказал Вал. Маленький Суслик в голове испуганно прижал уши.

— Я сама вызову, когда твой спец на консультацию приедет. А будет хреново, сначала к курсовому иди.

— Да не, я по-другому поводу — ну там, посидим где-нибудь...

— Посидишь на унитазах, дорогуша! — осадила его Ласка и щелкнула по носу, — не зарывайся, малёк!

«Вот ведь чертовка! Ну, держись! Тем слаще будет победа!»

— Ладненько. Давай в кроватку! Будь паинькой, — она потрепала его по волосам, пока он искал по карманам ключ от комнаты. Ее каблучки бодро зацокали по коридору. Было непостижимо, как она в одной и той же обуви умудрялась то двигаться абсолютно бесшумно, а то извещать о своем появлении весь этаж.

Суслик вошел в комнату. Четыре кровати, четыре тумбочки. То ли большой стенной шкаф, то ли мини-кладовка, где аккуратно развешана форма всех видов. Чем-то напоминало летний подмосковный лагерь.

Он присел на свою кровать.

«Что ж, бывало и хуже. Аскетично, но пять звезд никто и не обещал. В универе я вообще в казармах спал».

Из окна виднелся спортивный корпус, чем-то напоминавший цирковой манеж. И это по нему ещё не бегали «слоники», то есть курсанты в противогазах. Стадион смотрелся слегка чужеродно. «Интересно, кто проектировал эту чёртову школу? Кстати, её планчик неплохо бы раздобыть».

Дверь врезалась в стенку со смачным звуком, и не менее шумно захлопнулась. Синдзи бросил на тумбочку папку и шуршащий пакет.

— Что это?

— Гуманитарная помощь от словесников. Курсовой батька сказал, ты на вечернее построение не идешь. Я тоже. Готовлюсь к какому-то выступлению. Завтра будут меня в цирке показывать, с номером «Военная поэзия»

глазами юного поколения».

— Надолго?

— Уже скучаешь? К ужину вернут. Слышь, так что с Хорьком у вас было?

— Мы не сошлись во мнениях по поводу одного места из «Графа Монте-Кристо».

— Брешешь!

Суслик рассмеялся. Неожиданно всплывшая в памяти книжка заставила задуматься о недругах. С мезью лучше не затягивать.

— Этот гад со своей шоблой заловили меня, отпинали, требовали отказался от вступления в его команду на предстоящих соревнованиях.

— Скотина! Да я курбатьке его сдам! Доки есть?

— Чё?!

— Доказательства! Что ты, как неродной? Все-таки головкой приложился? Или обеими?

— Чё?

— О! Чёкало зачёкало!

— Хватит, Синдзи! Я пытаюсь думать!

— Ах! Я замер в восхищении и жду, когда польется мудрость. Тазик нести?

Мальчишка схватил пакетик мармелада, разорвал упаковку.

— Лови! — Конфетный дождь застучал по покрывалу.

— Серьезно... надо что-то решать с Кагосима. Он чуть меня не пришиб!

— Можно рапорт накатать. Но нужно подтверждение. А то его слово против твоего. А все знают, что у вас тёрки.

— Доказательств... явных нет — задумчиво протянул Суслик. «И что-то заставило Ласку промолчать. Выяснить бы что и почему. Но Хомяку этого пока не следует знать». Взгляд скользнул по видеокамере, установленной на столбе, что был хорошо виден из окна. Камера поражала своими огромными размерами — Валентин такие видел только на особо защищенных объектах, где бронировали даже дверь туалета.

— Может, он на камерах засветился? — предположил Синдзи.

— Это мысль! Давай быстрее, пока построение на большом плацу!

Парни тихо прошли пустой коридор, спустились по черной лестнице, и Джунгарик ловко отомкнул дверь запасного выхода. Этот маневр не был ни для кого тайной, но офицеры не придирались к последнему курсу, предоставляя будущим бойцам некую иллюзию свободы. Именно этим путём Суслик каждый день выбирался из общежития на пробежку по руинам. Вал с удивлением отметил, что Суслику и правда удаётся сохранять своё увлечение паркурком в тайне от администрации, иначе лазейку на явно опасные для курсантов развалин давно бы закрыли.

Кадеты давно знали, где расположены настоящие видеокамеры, а где установлены муляжи. Это только ревизоры из столицы умилялись техническому прогрессу, а на деле под контролем находились в лучшем случае три четверти школы. Хорошим покрытием могли похвастаться лишь учебный корпус, лестницы и коридоры жилых зданий, да оба плаца.

«Такой же бардак, как у нас! Ну да, Вселенная-то одна!»

Вал окунулся в неприятные воспоминания: аллея, по которой его тащат прихлебатели Хорька. Ноги едва слушаются, а слабое трепыхание жертвы только раззадоривает молодецкую удаль.

Друзья подошли к старому зданию архива, закрытому на ремонт. Заявленный начальством переход на электронный документооборот не способствовал быстрому выделению средств на обновление хранилища бумаг. Дверь была заперта, но легко вскрывалась обычной металлической линейкой. Хомячку потребовалось на это меньше минуты. В пустом холле царил полумрак. Справа лестница. Кадеты поднялись на самый верх. Суслик шел, держась за перила. Слишком ярка была картинка, что снова и снова вставала перед глазами.

В заброшенных помещениях сняли даже муляжи. Здесь можно было творить, что угодно, охрана узнает об этом нескоро.

«Что ж, надо взять на заметку. Обратка Хорьку точно прилетит. Я-то не девочка-припевочка, подружка Синдзи-куни. Или правильно «куна»? Воспользуемся для мести этим же чудесным памятником не пойми какой архитектуры».

Снова вышли на улицу. Время вечерней линейки подходило к концу. Парни еще раз внимательно пересчитали камеры. Ни одной настоящей! Хорёк знал путь, которым вел жертву на расправу. «Учтем на будущее. Умная скотина!»

— Вот хитрый засранец! Кстати, я забежал к ним мельком. Сыпанул перца в нижнее белье. Повезло, что козлам на этой неделе черное выдали!

— Детский сад! — такая мезь совсем не удовлетворяла Суслика.

— Ага, воплей будет, как в ясельной группе при массовом запоре!

«Синдзи — тот еще помощник. А Хорек — враг опасный и умный. Придется с ним разбираться. Нельзя же все время ходить и оглядываться».

Поскольку еще шгормило от слияния сознаний, Вал ждал отбоя, как манны небесной. Хомяк строил безумные планы козней Хорьку, но все это было наивно и несерьезно. Однако за пять минут до общего отключения света этаж потряс громкий вой и проклятья. Мелкий пакостник умудрился пролезть в комнату главного заместителя по избиению Сусликов и подложил под одеяло пакет с водой. Как только Хорёк сел на кровать, раздался громкий плюх, и возникла необходимость в смене белья. В ярости он орал и грозил всем, кому мог. Но вместо сатисфакции получил выговор от курсового офицера и приказ быстрее мчаться к кастелянше — мощной бабище лет ста на вид, которая могла голыми руками рвать колючую проволоку и была грозой всех нерях.

А счастливый Джунгарик скакал по комнате, наслаждаясь криками врага.

— Ложись, егоза! Меня уже укачало от твоих бешенных скачков!

— Ха! Какой месяц?

— Чё?

— Спрашиваю, месяц какой? Ну по счету.

Суслик задумался. Вроде май, учебный год начался недавно.

— Пятый... — осторожно произнес он, не понимая еще замысла мальчишки.

— Тогда уже не должно тошнить, второй триместр пошел, — радостно захихикал мелкий поганец. На его лице была такая пакостливая улыбка, что Вал с трудом сдержал желание отвесить подзатыльник. Да уж, послали боги дружочка.

— Я плохо понимаю твой детсадовский юмор.

— О! Ты повзрослел в лазарете? Я скромный и не буду спрашивать, что вызвало небывалый прогресс в развитии... Но помню твои страстные взгляды, обращенные на белый халат.

Суслик показал кулак. Синдзи это не впечатлило. Лишь рев курсового офицера: «Отбой, тикусёмо! Кто не лег, завтра будет газон ножницами стричь» заставил того быстро раздеться и прыгнуть под одеяло.

Прозвучал сигнал отбоя. Сосед засопел, лишь коснулся головой подушки. Суслик хмыкнул. Тени плясали по потолку. В кадетских комнатах не предполагалось ни занавесок, ни жалюзи, а потому фантастические отсветы разрисовывали все вокруг.

Думать о глобальном не хотелось, это было слишком непонятно и безумно. А потому он сосредоточился на конкретных проблемах.

«Хорёк, он же Кагосима Сёго... Он от меня не отстанет. И ставки явно очень велики, раз мордобой кончился непреднамеренным, но всё же убийством».

Вал тихо встал и скрылся в ванной. Уставился в зеркало.

«Тело... Какое уж досталось. Нужны тренировки, но основа неплоха. Инструкторы хорошо гоняют мелких, надо отдать им должное. Нарастить мышцы — этим и займемся. И настигнет врагов полярная северная лисичка. Ага».

Он рассмеялся. В пользу кадета-дуалиста были знания мальчишки и опыт наёмника.

«Что ж, соединим все, что попало в нашу скорбную голову. Знание — сила в любом из миров. Хорошо, что не обнулились, как срок президента известно где. А то пришлось бы тяжело. А еще разобраться бы с технической стороной. Пока неясно, что с местным оружием и прочей красотой. Ладно, не боги горшки обжигают, освоим. Куда деваться с подводной лодки».

Мысли текли густой патокой.

«Магия!»

Суслик непроизвольно поежился. Отец и дед, клан, дух-покровитель...

«Стоп! Не все сразу. Я щас взорвусь, как триста тонн тротила... Давай-ка потихонечку. Поскребем по сусекам памяти. Узрим картину мира. Лучше в пересказе для детей младшего школьного возраста. А то с магией я не то, что на вы, а даже... В общем, рядом не стоял».

Глава 4 «Вся безумная больница...»

Составив план действий на ближайшее время, Валентин хотел выйти из душа и лечь спать, но вдруг увидел каплю крови на полу. Это была явно чужая кровь. В ушах начали стучать барабаны — грозные африканские там-тамы, обтянутые кожей убитых врагов, а в нос забрался запах болотной гнили. Перед глазами всё расплылось. Стало темно, а потом Вал понял, что снова проваливается в воспоминания Суслика.

Время шло, и наступил день инициации. Каким бы никчёмным не был Суслик, но он принадлежал к знатному роду. Ему предстояло стать магом, хотел он того или нет.

Не было никаких пышных церемоний — истощённый и обедневший род не мог позволить себе подобную роскошь.

Слуга разбудил его на рассвете.

— Отец ждёт вас, — сказал он и ушёл, не обращая внимания на вопросительный взгляд мальчика.

Суслик умылся, оделся, криво застегнув пуговицы на рубашке, и потащился к отцу. Со стен на него хмуро взирали портреты предков.

Отец стоял у окна, заложив руки за спину.

— Идём, — сказал он, тоже ничего не объясняя. — Время пришло.

Фудзивара Нагахидэ всегда говорил кратко и не славился сентиментальностью.

Суслик всегда старался обходить мрачное святилище стороной. Дух Дзигокудаю, покровитель рода Фудзивара, внушал ему ужас. От вида крови Суслик бледнел и едва не падал в обморок, стоило лишь порезать палец. О некромагической практике и возне с трупами не могло быть и речи. Мать всеми силами оттягивала день инициации, но не могла делать это вечно.

Отец привёл Суслика в святилище — тёмное помещение, с единственным источником света — окошком в потолке. Густая темнота по углам делала комнату бесконечной. Суслик вздрогнул.

— Давай, — велел старший Фудзивара.

— Что... мне нужно сделать? — робко промямлил Суслик.

— Просто прикоснись к нему. Этого достаточно.

Ребёнок пошёл вперёд. Там, под лучом света, пробивавшимся из полуразрушенной крыши святилища, стоял алтарь. Суслик в мельчайших подробностях видел висящее над ним сердце, древнее и ссохшееся, но всё ещё живое. Опасное. Вокруг него плясали всполохи ядовито-зелёного цвета.

Нужно лишь побороть свой страх, коснуться его. Сердце дарует наследнику клана Фудзивара великую силу.

Суслик несмело протянул руку, но тут же отдернул её. Дед как-то сказал ему, что прикосновение к сердцу Дзигокудаю может убить слабого и недостойного. Тогда Суслик счёл это обычной байкой, но сейчас уверенность у него поубавилось.

Он обернулся. Отец пристально смотрел на него. Отвертеться не получится — если потребуется, отец применит силу, не задумываясь. очередное разочарование в копилку.

— Великий царь Энма смотрит на тебя, Кадзуо.

«Ты надежда клана, Кадзуо. Ты должен быть достоин славы предков, Кадзуо»

Груз ответственности давил на плечи всё сильнее. Если Энма и правда следил за ним, то опозориться никак нельзя.

Суслик помедлил, глубоко вздохнул и схватил сердце Дзигокудаю, рассчитывая на быструю и безболезненную смерть.

В ушах зашумело. Суслик чувствовал сонливость и слабость. Ноги подкашивались. Но он не умер и даже не заблевал святилище.

Взгляд отца, обычно суровый, немного потеплел.

— Славно, славно.

Поддерживая Суслика за плечи, отец вывел его из святилища. Дав сыну отдышаться, он сказал:

— Смотри.

Отец провёл рукой над клумбой, и все растения увяли.

— Теперь попробуй сам, Кадзуо.

— Я не хочу убивать цветы, — слабо заупрямился Суслик.

Он крайне трепетно относился ко всему живому и горевал, случайно раздавив муравья.

— Ты забываешь, что у некромагии две стороны. Одна уничтожает, вторая исцеляет.

Ещё один жест — и растения вновь ожили.

— Видишь? Магия нашего рода не такая, как у Ходзё, она не предназначена для исцеления, но Фудзивара тоже кое-что умеют. Тебе придётся делать вещи и похуже уничтожения цветов. Привыкай.

— Но...

— Это не обсуждается, Кадзуо.

Как говорили спиритуалисты, Энма Дайо питал особый интерес к Фудзивара, и относился к ним не так безжалостно, как к прочим смертным. Причины этого интереса затерялись где-то в далёком прошлом и давно превратились в легенду.

— Спину прямо! Руки вдоль тела! Пальцы расслабь, никаких лишних движений!

Голос отца гремел как на плацу. Когда Суслик начинал его раздражать, что случалось нередко, он начинал говорить так, будто отдавал приказы подчинённым.

— Не могу... — промямлил Суслик. — А-а-а!

— Перестань ныть!

— Рука...

Суслика трясло от боли и перенапряжения.

— Прекрати дрожать! Ты не должен высовывать язык и кривляться. Прояви уважение к силам, которые несоизмеримо выше тебя. Почтение к Дзигокудаю — почтение к великому Энме, помни об этом.

Суслик постарался сосредоточиться и собрал все свои силы. Ещё одну вспышку отцовского гнева он не переживёт.

Сила неконтролируемым потоком хлынула из будущего мага, раздался хлопок и через несколько мгновений на землю рухнула незадачливая ворона. Цветы на грядке продолжали покачивать своими бутончиками на слабом ветру.

Отец лишь горестно вздохнул. Он давно привык к неудачам Суслика.

«Вот же срань господня!»

Суслик очнулся на полу в душевой. Весь кафель был забрызган кровью, как будто здесь кого-то зарезали. Валентин точно знал, как это выглядит.

«Да, хорошо, что я в это время спать не лёг. А то пришлось бы объясняться с дежурным и отмазывать Хомяка, что это не он пытался меня убить,» — подумал Суслик.

Он попробовал сесть, но руки разъехались в кровавой луже, и Суслик снова растянулся на полу. С трудом приподнявшись, он повернул кран и начал поливать себя прохладной водой, скрючившись в душевом отделении. Кровь понемногу утекала в трубу, а Валентин стал уговаривать Суслика продемонстрировать ему какую-нибудь магию. Она никогда не нравилась малышу Кадзуо, но он согласился. И опять замер столбом.

«Магии больше нет» — ощутил Вал.

«Всё дело в покровителе! Он... Ты ведь видел! Это из-за тебя!» — Суслик тараторил в такт бешено стучащему сердцу.

«Ты видел эту кровь? Это не нормально. У нас есть покровитель. Есть магия. Просто мы её не понимаем.»

Суслик чуть успокоился и осторожно выбрался из душа, держась за стену. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не вляпаться в кровавую лужу. Надо было замыть всё это, но сил не осталось. Сперва любимая кровать, а уж завтра придётся проснуться раньше Хомячка и прибраться. Иначе он всем растрезвонит, что Суслик кого-то расчленил и съел.

Начальство академии было слегка озадачено тем фактом, что кадет Фудзивара ни с того ни с сего оказался в больнице. Конечно, в лазарет кадеты попадали часто, а некоторых выносили оттуда уже вперёд ногами — но это были экстраординарные случаи. Нездоровье же единственного наследника клана Фудзивара могло стать настоящей проблемой для руководства. Его дед, генерал Фудзивара Тэрумаса, вполне мог устроить разнос руководству, несмотря на свой почтенный возраст. Хотя старик и перешёл в неранговые маги, умений и навыков отнюдь не растерял, а до выхода в отставку у него был высокий АА класс. Посоветовавшись, руководство решило начать негласное расследование, чтобы выяснить, по какой причине потомок почтенного, но обедневшего рода, оказался в лазарете. А заодно и обезопасить себя от возможного гнева старика Фудзивара.

Виновного довольно быстро нашли. Как потом говорили, устранение проблемы, принадлежащей к далеко не последнему клану Оути, стало результатом плотного сотрудничества с одним из курсантов. Вера в круговую

поруку и военное братство слегка пошатнулась, но вопрос был решён, а это главное.

Пробуждение было не таким уж мучительным. Хотя многое оставалось странным, и порой закрадывались мысли о собственном безумии. Этим утром неожиданно прицепилась дурацкая песенка «Крошка моя, я по тебе скучаю». Вал все утро пытался от неё безуспешно отвязаться, пока отмывал душевую.

По пути в столовую он ловко направил Хомячка в объятия преподавателя словесности, ищущего жертву для выступления перед новыми членами клуба любителей поэзии, а сам двинулся в сторону лазарета.

«Где ж ты, моя повелительница клизм?»

Предмет тщаний где-то скрывался. Пришлось довольствоваться малым и жаловаться дежурному врачу — сухопарому офицеру лет пятидесяти — на кровопотерю и общую слабость.

В принципе, Суслик не особо симулировал. Физическая оболочка оказывала легкое сопротивление подселенцу, что сказывалось на общем самочувствии. Врач оказался профессионалом — пощупал пульс, измерил давление, посветил фонариком в глаза и без лишних вопросов немедленно возложил засиявшие зелёным светом ладони на приболевшего курсанта. Затем поставил Суслику капельницу с физраствором и дал проглотить несколько таблеток. Те немедленно вогнали ослабленное тело в сонливость, и Суслик с блаженной улыбкой растянулся на кушетке.

Проснувшись к вечеру, Сулик обнаружил, что он опять всё проспал! В медицинском кабинете сидели, чаёвничали, и душевно беседовали наглая хомячья морда и милая Ласка. Сердце забилося быстрее, и кровь снова прилила в голову. Суслик ни разу не испытывал столь противоречивых чувств. Хотелось одновременно кого-то убить, нарвать цветов и подарить букет, подраться с Хорьком, Хомяком и еще десятком курсантов, палить в небо из автомата, забиться под одеяло от смущения — последнее от весьма типичной физиологической реакции.

— Ара-ара! Фудзивара-кун изволил проснуться, как это замечательно! — заметила Ласка. Бархатистость и сексуальная хрипотца в её голосе ощущались почти физически.

Помощь пришла, откуда не ждали. Хомячок мгновенно переместился прямо поверх Суслика, кажется, применив при этом запретные магические техники. Залез на кровать с ногами и уперся тому в грудь кулачками.

— Яой! Уиии! — восторженно запищала Ласка, хлопая в ладоши.

«Отвали, я не такой!» — вопил внутренний голос из норки в голове, где недописанные сонеты и посвященные женщинам возвышенные самурайские хокку путались с возмущением и протестом, придавая стихам едва заметный налёт базарной ругани.

А Хомячок распался всё сильнее. Его лицо алело, а отсутствие любой растительности на щеках и подбородке, вкупе с большими оленьими глазами, делало его удивительно похожим на девушку-травести.

— Где же фотоаппарат?! — Ласке пришлось встать и изогнуться, чтобы добыть искомое с верхней полки. Ей частенько приходилось делать фотографии последствий инцидентов с курсантами, так что оборудование всегда было под рукой.

Случайный взгляд в ту сторону только усугубил физиологические реакции Сусликова тела, что, несколько позже, и обнаружил не в меру усидчивый Хомячок!

— Я так волновался за тебя, аники! Я чуть не расплакался, когда тебя искал по всей школе, — вопил он, тряся Суслика. — А если бы снова случилось страшное, и я не успел, как в тот раз?! Что бы я без тебя делал?! — Хомячок побледнел и приготовился заплакать.

Но тут он заметил, что случайно опёрся на какой-то странный бугор, выросший под одеялом. Пронзительно взвизгнув, Хомячок моментально спрыгнул с кровати Суслика — а вдруг у него перелом и это торчит обломок кости, которую он случайно сместил. НАДО БЫЛО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!

Руки Хомячка — медленно для него самого, но до ужаса быстро для всех остальных — потянулись к одеялу. Суслик, не сразу заметивший эти поползновения, отчаянно вцепился в одеяло. Но загаенный ужас в его глазах был принят за предсмертное выражение, практически закат души! Преисполнившись сил, словно древний герой, разрывающий пасть Голиафу (Хомячок был не силен в истории), «спаситель» сдернул одеяло.

Одновременно случилось несколько событий. Суслик густо-густо покраснел. Позади Хомячка раздался грохот — это Ласка, тянувшаяся за фотоаппаратом и опасно балансирующая на стуле, обернулась и грохнулась на пол.

— Ааааан-н-ники, — заикаясь, бормотал алеющий Хомячок. — Ты это... не подумай... Я, к-к-ко-конечно не т-т-та-такой... Но я не смогу тебе отказать! — неожиданно выкрикнул он и бросился к двери.

Дверь не пожелала открыться наружу, так как была порядочной дверью и имела только одну ориентацию. Что не помешало Хомячку снести её и вывалиться в коридор.

Лежащий на кровати абсолютно голый Суслик являлся статуей самому себе. Все его мысли занимало две вещи — когда, наконец, прекратится этот мощный стояк, и как вернуть улетевшее в угол одеяло.

Лазарет походил на поле боя — на полу лежала Ласка, из разбитого носа которой тонкой струйкой сочилась кровь; рядом валялись обломки фотоаппарата. Хомяк, который после встречи с дверью заработал шишку во весь лоб, тоже не подавал признаков жизни.

Единственным плюсом данной ситуации стал задравшийся халатик Ласки, обнажающий затейливое кружевное бельё прелестницы.

«Белые... Да ещё и кружевные!.. Я не такой, ура!» — успел подумал Суслик перед тем, как в очередной раз вырубиться.

Примечание к главе 4

Дзигокудаю (地獄太), в японской мифологии — богиня смерти, владычица загробного мира Дзигоку и судья женщин-грешниц.

Глава 5 «Сто сарацинов я убил во славу ей»

После эпичного перфоманса врач расщедрился и добавил Суслику ещё неделю на реабилитацию. Он так и не представился, а Суслик не смог вспомнить его имени, как ни пытался.

Также врач достаточно сухо порекомендовал юному пациенту не частить в лазарет, а то ему и комиссию устроить могут... При этом он красноречиво покосился на зардевшуюся Ласку.

Врач размашисто подписал лист и вручил Суслику. На период реабилитации под страхом отъезда в реанимацию ему категорически запрещалось следующее:

- бегать по лестницам;
- прыгать с балконов;
- заниматься общей физической подготовкой без инструктора;
- заниматься специальной физической подготовкой;
- участвовать в тренировках и соревнованиях по боевым искусствам;
- участвовать в драках, самовольных отлучках и прочих нарушениях внутреннего распорядка.

Особое место в этом списке занимали подозрительные контакты с лицами женского пола. Небольшая ремарка под этим пунктом недвусмысленно намекала, что это — самый простой и верный способ вылететь из кадетского корпуса и бесповоротно испортить себе жизнь. На горизонте замаячил грозный Фудзивара Тэрумаса, и Суслик непроизвольно поёжился.

Присутствовавший при этом Хомяк бесцеремонно заглянул в список, хмыкнул и громко прошептал:

— Ярэ ярэ, да если бы все эти правила соблюдали! Так у нас пол курса выгнать надо. За то, что все эти безобразия нарушают.

— Кадет Минамото! — внезапно рявкнул врач. — Смирно!

Хомячок вытянулся во фронт, копируя бравого солдата Швейка.

— Вы ставите под сомнение установленный распорядок?

— Никак нет!

— Так-то лучше. — Врач повернулся к Суслику. — Медицинские предписания понятны, кадет Фудзивара?

Суслик тоже вытянулся во фронт, вид при этом имея лихой и придурковатый, своим звонким мальчишеским голосом отрапортовал:

— Так точно!

— Вопросы есть?

— Никак нет!

— Обращаю ваше внимание на последний пункт.

— Намерений таких не имел, ни в чем таком замечен не был!

Лицо врача вытянулось. Такой ответ он слышал первый раз за всю свою военную карьеру — а служил он долго.

— Разрешите идти, — пискнул Хомячок.

— Идите...

Оба развернулись на сто восемьдесят градусов и чётким уставным шагом промаршировали за дверь.

Оказавшись в коридоре, они рухнули на скамью, и зажимая рты, согнулись в пароксизме смеха. Выражение лица врача, озадаченного выходкой Суслика, ранее ни в чём таком, действительно, не замеченном, было бесценно. Хомячок ликовал — он наконец-то разбудил в товарище тягу к шалостям. Но он не мог и предположить, что будет дальше!

Отсмеявшись, Хомячок потащил друга в любимейшее место всех кадетов, преподавателей и даже командования — в столовую. Пробегая по лестницам, они прыгали через ступеньки, обгоняя друг друга, а Суслик даже показал Хомячку мастер-класс. Он пробежал по стене и взобрался на следующий пролёт, не касаясь ступеней. В общем, сразу же нарушил все предписания, и не собирался на этом останавливаться. Резвясь и дурачась, они миновали пустые пространства между лазаретом и учебным корпусом. И наткнулись на Хорька со свитой.

Хомяк резко тормознул и придержал Суслика. Тот непонимающе обернулся к Джунгарской Ехидне — странно было видеть такую моментальную смену настроения.

— Фудзивара-сан, Минамото-сан, — холодно приветствовал их Хорёк, чуть кивнув.

Он и его прихвостни так же остановились и замерли в напряженном молчании. Не дождавшись ответа, Хорёк снова заговорил:

— Рад видеть, что вы, Фудзивара-сан, по-прежнему доставляете нам удовольствие одним своим присутствием. Было бы очень печально вас потерять из-за... хм... ошибки некоего Оути.

Суслик заметил, что в свите образовалось вакантное местечко.

«Вот как. Значит, ты решил пойти по жёсткому варианту и слил косячника!» — подумала более взрослая половина Суслика.

— Не могу похвастаться тем же, Кагосима-сан. Видеть вас и ваших... хм... друзей, — слегка поддразнил его Вал под восторженные вопли внутреннего Суслика, выразив их отношение к «вассалам» Хорька. — Это мне даже в самом страшном сне не виделось. Но я более чем уверен, — продолжил он скучающим тоном, — что нам еще удастся, фигурально выражаясь, скрестить мечи. И тогда посмотрим, ЧЬЯ это была ошибка.

Хорёк понимающе дернул бровями и, не прощаясь, прошёл мимо них. Следующие за ним громилы угрюмо косились на приятелей. Кто-то даже пробормотал: «Глянь, у нашей принцессы яйца выросли. Ну так мы их поотрываем!» Вся группа захохотала над плоской шуткой.

Суслик смотрел в удаляющиеся спины противников, обуреваемый противоречивыми чувствами. Неожиданный выброс адреналина, который заставил его бежать с Хомячком наперегонки, оказался подкреплен неприятной встречей — и его мысли снова свернули на женский пол. Хотелось... Да много чего хотелось! Неплохо было бы снова увидеть Ласку, подарить ей цветы и коробку конфет, устроится в уютном уголке с бокалом хорошего вина и как следует поговорить с девушкой, занимавшей все его подростковые фантазии.

Суслик вздохнул и спокойно проследовал за товарищем в столовую. В голове билась навязчивая мысль «Ласка будет моей. Обязательно! НО НАДО ЖЕ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ! Показать удаль молодецкую, чтобы красавица не устояла от моей крутизны и пала к моим ногам!»

Друзья поужинали и без приключений вернулись в свою комнату, где каждый предался своим фантазиям. О чём мечтал Хомячок — доподлинно неизвестно. Однако из угла, где он обложился всяким тетрадками, чертежной бумагой и шутками, неизвестно откуда взявшимися, но за каждую из которых светил разговор с начальством школы, то и время доносился злорадный смех. Он то сосредоточенно пыхтел, смешно высунув кончик языка, то изворачивался, принимая немислимые позы как кот, и рисовал какие-то схемы, постепенно перенося их на листы ватмана.

Вал вспомнил мультяшную мышку, что хотели захватить мир, но постоянно попадали в нелепые ситуации. Хомячок сейчас очень напоминал ему Брейна. Пришлось уставиться в потолок, чтобы не объяснять причины своего веселья другу, который то и дело косился на него.

Потом, когда Хомячок наконец утомился и заснул, Вал прокрался в душ и... Не было его больше часа.

Недалеко от школы располагался учебно-тренировочный полигон — мучительное испытание для Суслика! Он знал его как свои пять пальцев, которые были отбиты в попытке вылезти с водительского сиденья застрявшего в болотистой низине джипа, наполовину погрузившегося в жижу. Инструктор покуривал и философски наблюдал за попытками кадета спастись из тонущей машины. В итоге всё исправил приехавший с полигона тягач.

Ноги Суслика имели неприятную привычку застревать во всевозможных неподходящих местах. Только верховному божеству Аматаэрасу и военным медикам было известно, каких трудов стоило сохранить незадачливому кадету способность хотя бы ходить, не то что бегать.

Местные, похоже, не осознавали, какой великий дар достался им в виде целителей! У Вала после всех этих травм была бы только инвалидность самой последней, предкладбищенской группы. А тут никаких последствий. Сломал кости? Тебе их таблетками, уколами, капельницами и зелеными руками восстановят до бывшего состояния. Даже простреленные колени были всего лишь временным неудобством!

Примерно так рассуждала Сусликовская комбинированная душа, когда гиперактивная ехидная морда донесла до него планы руководства. Генштаб решил внедрить новый метод обучения и гонять курсантов не на джипах Митсубиси Тип 73, а на настоящих армейских БМП и БТР.

Вал заранее потирал руки в предвкушении — честно говоря, Тип 73 до боли в жопе напоминал УАЗ, в котором он неоднократно ездил, тонул и горел. А вот на японской военной технике покататься ему не довелось. Тем не менее, у него был настоящий талант ездить на всём, что имеет двигатель, летать на всём, что имеет крылья или винт, и стрелять из всего, что имеет ствол. А ещё у Суслика была фотографическая память, в том числе и на местность. Тем более что всю эту местность незадачливый водила успел перепахать как колёсами, так и собственным телом.

Итак, у Сусликовалька созрел коварный план, в рамках которого получится убить всех зайцев в округе всего одним термоядерным взрывом.

Он собирался выпендриться перед Лаской и всеми девчонками, которых только увидит. Это раз. Утереть нос Хорьку и его выпердышам — это два! Даже у не отличавшегося злопамятностью Кадзуо до сих пор свербело от вида этих упитанных морд. А уж у мстительного и гордого Валентина — тем более. Унижение, суровая публичная

порка — и это только начало! Тем более этот гад даже не думал извиняться, что шло вразрез с местными обычаями.

И, наконец, третье — показав класс вождения на именно военной технике, он сможет избавиться от клейма неумехи и, всё-таки, поступить в заветную Академию, куда так старательно его готовил клан.

Хорошо зная таких типов, как Хорёк, Валентин был уверен в своей полной и безоговорочной победе, и заранее насаживал всех убитых зайцев на кукан, чтобы бросить под ноги своей избраннице. Или избранницам, чем местный чёрт не шутит. В голове предупредительно дохнуло подземельями, сырыми болотами и запретными лесами — чёрт шутить не любил!

Хомячок с восторгом принял план и побежал просачиваться в кабинеты к начальству, предварительно позвонив отцу. Тот, услышав, что сын наконец-то хочет овладеть военной специальностью по-настоящему, аж вспылал. Пара звонков — и неразлучная парочка оказалась включена в состав первой группы испытателей. Также Минамото-старший пожелал своим протеже не опозориться и предупредил, что на них приедут посмотреть серьёзные шишки из Токио.

Ликование Валентина передалось и Хомячку.

Суслик как в воду глядел. В группу желающих освоить «новейшие» военные машины, вызвался в первую очередь Сёго-кун.

От столь фамильярного обращения его кривило со страшной силой, поэтому Суслик с Джунгариком успели раз двадцать за утро поинтересоваться у бедного аристократа здоровьем, погодой, здоровьем матушки и батюшки, дедушки и бабушки, как по отцовской, так и материнской линии, а также здоровьем всех питомцев. Делали они это в безукоризненной манере, но настолько фамильярно вставляя «Сёго-кун» в каждую фразу, что душа Хорька не выдержала пытки и он позорно сбежал к инструктору — в четвёртый раз выслушивать наставления.

Сержант Сато гневно воззрился на назойливого курсанта. Все его мысли занимали две вещи: фляжка с сакэ и контрабандные кубинские сигары, припасённые специально для подобного случая. Однако курить и тем более закладывать за воротник при подопечных он считал вопиющим нарушением устава, а потому всегда делал это тайно, не разлагая моральных дух подопечных демонстрацией своих слабостей. Так что сержант продолжал страдать, в очередной раз растолковывая кадету Кагосима тонкости управления военной техникой и тихо проклиная весь белый свет.

Появление автобуса спасло сержанта от очередной иссушающей мозг лекции.

— Кадет... эм...

— Кагосима, — подсказал Хорёк.

— Да, точно! Назначаю тебя ответственным за посадку.

— Но...

— Разговорчики! Приступить к выполнению приказа.

Затем Сато столкнулся с водителем за пару сигар, обзавёлся железным алиби и отправился в небольшую самоволку за КПП. Спрятавшись в укромном месте, Сато первым делом угостил содержимым фляги возмущившегося было дежурного.

— За павших! — провозгласил он и как следует приложился.

Затем сержант откусил кончик сигары и прикурил. Наполнивший рот сигарный дым вызвал в памяти воспоминания о службе на Кубе. Вот это была синекура! Жить внезапно стало лучше и веселее!

Хорёк метался в толпе, проклиная сержанта-разгильдяя и пытаясь навести хоть какой-то порядок. Пока он проявлял лидерские качества, два одноклассника брата-грызуна подсустились и успели занять королевское место рядом с водителем. Щедро наделённый полномочиями Сёго-кун продолжал драть глотку, гоня гыгыкающих курсантов пока сержант отдыхал за КПП.

Инструктор появился как раз к окончанию погрузки, довольный и повеселевший. Он выслушал рапорт Хорька, отечески похлопал его по плечу, запихал в автобус и полез следом. Быстро пересчитав кадетов и убедившись, что все вроде бы на месте, Сато занял пустующий ряд в самом конце салона. Там, где приглушённые разговоры не будут мешать ему, а лёгкий запах перегара — кадетам.

Так что Хорьку оставалось только смотреть, как размягчённый алкоголем фронтовик демонстрирует почти что волшебное умение засыпать при первой же возможности. На этот раз сержанту повезло покемарить с относительным комфортом.

Автобус уже развернулся и собирался проехать КПП, но его внезапно остановили. Как оказалось, начальство не сразу сообразило, что на полигон едут такие «знаменитости», как Фудзивара и Минамото. И если удастся отделаться всего лишь уничтоженной техникой, то это ещё ладно. Однако потери среди личного состава никто с рук не спустит, так что необходимо подстраховаться и усилить медицинский контроль.

В распахнувшиеся двери практически влетела Ласка, наряженная не в привычный халатик, а в строгую, но столь же обтягивающую форму военно-полевого медика! Оставалось только гадать, где она её достала.

Ласка ловко забросила здоровенную медицинскую сумку на багажную полку, а сама грациозно плюхнулась практически на колени к Суслику, не утруждая себя поиском свободного места.

— Вы же не против, Фудзивара-кун? — прощепетала она.

— Он не против! — тут же заорал Хомячок, не дожидаясь, пока приятель ляпнет какую-нибудь глупость.

Суслик ощутил резкое увеличение температуры в салоне. Казалось, что взгляды сокурсников могли бы сокрушить скалы, будь у них была возможность выпустить на волю хотя бы каплю магии. Но, на счастье Суслика, применение магии вне полигона было строжайше запрещено и с первых дней намертво вбивалось в каждого курсанта.

Джунгарик моментально перевёл количество джоулей в качество заклинаний и пришел в восторг! Увидев глупое, но крайне счастливое выражение на лице Суслика, остекленевший взгляд и натянутые штаны, он понял, что надо действовать! А то обстановка и так чрезмерно накалилась.

Поэтому он вежливо стянул особо не сопротивлявшуюся медсестру с коленок Суслика и аккуратно усадил её между ними. Пришлось потесниться, но хитрый Хомячок сел у окна и позорное падение на пол ему не грозило. А Суслику оставалось лишь покрепче прижиматься к Ласке, чтобы не упасть.

Тем временем, Хорёк, устроившийся по примеру инструктора в хвосте салона, разглядывал композицию с сугубо академическим интересом. Перед его внутренним взором открывалась великолепная картина:

«Кагосима Сёго, одетый в древнеримскую тогу, медленно едет в колеснице, запряженной четверкой белоснежных жеребцов с роскошными плюмажами.

Народ рукоплещет изукрашенной золотыми камонами повозке. У его ног в полуобнаженная Китано Юки в белоснежной тоге и с золотым же ошейником, цепь от которого крепко намотана на его левую руку. Правой рукой он твёрдо правит триумфальной колесницей. Сзади бегут два нубийских раба — Минамото и Фудзивара, выкрашенные для этой цели обувным кремом. Их погоняют две дюжины ликторов, сопровождающие своего императора — едущего через триумфальные арки, установленные в честь его многочисленных побед. Они избивают двух рабов фасциями, а затем казнят их, сбросив с Тарпейской скалы. Во дворце Сёго Первого ждут десятки чиновников, готовых нести его распоряжения по всей Империи, сотни рабынь, десятки куртизанок ждут лишь его взгляда, чтобы броситься к ногам могущественного и всемилостивейшего императора...»

На этой мысли Хорёк погрузился в глубокий сон и дальше путешествие до полигона происходило относительно мирно.

Единственное несчастье постигло Суслика и Хомяка. Первый одурел от близости и доступности тела красавицы медсестры и пребывал в нирване. Второй дулся одновременно и на друга — не удалось окончательно обговорить детали плана, и на Ласку — та совершенно не обращала внимания на блондина, а пыталась растормошить Суслика. Но тот пребывал в грёзах наяву и был непоколебим.

Наконец, спустя полчаса тряски по дороге не самого высокого качества, автобус прибыл на полигон.

Примечание к главе 5

Камон (яп. 家紋, «знак дома»), также мон (яп. 紋, «знак»), монсё (яп. 紋章, монсё:, «родовое изображение») — в Японии — своего рода семейный герб. Камон является в некоторой степени оригинальным знаком рода, семьи или человека, достаточно известного, чтобы иметь личный символ. Этот знак не является гербом в общем смысле этого слова, так как не представляет собой геральдической эмблемы рода.

Ликтор (лат. *lictor*) — особый вид госслужащих; упоминаются в истории со времени правления в Риме этрусских царей (VII век до н. э.). Первоначально ликторы были исполнителями распоряжений магистратов *sup. imp. regio*. Впоследствии осуществляли только парадные и охранные функции при них, заключавшиеся в сопровождении высших магистратов и наблюдении, чтобы тем оказывали надлежащие почести. Были вооружены фасциями.

Фасции (лат. *fascies*) иначе ф́аски, ф́асцы, также ликторские пучки́ — инструмент телесных наказаний (розги), вместе с топором — инструментом смертной казни, поскольку ликторы выполняли функции палачей.

Глава 6 «Живет живучий парень...»

Высокая комиссия, которая должна была передать кадетскому корпусу технику для новейшей методики обучения, уютно устроилась с комиссией по приёмке. Специально для них организовали банкетный стол в палатке повышенной комфортности, хранимую с особым тщанием и любовью специально для подобных случаев. Каждая сторона принесла свой индивидуальный проект договора. Также присутствовали: адъютанты, ящик закусок, ящик сакэ, еще один ящик сакэ — если вдруг первого не хватит, затем еще один ящик закусок, если не хватит первого, ну и, наконец, третий ящик с сакэ, если не хватит двух предыдущих. И если в достаточности закусок сомнений не было, то сакэ всё ещё могло не хватить. Адъютанты, пошептавшись, решили проявить некоторую инициативу и достали четвёртый ящик выпивки — на всякий случай, чтобы потом не бегать. Аварийный запас ждал своего случая под сидением одного из генеральских джипов.

Пунктов для согласования, к общему удовольствию сторон, оказалось больше ста. Предстояла долгая плодотворная работа — а во время такой работы нужно будет хорошенько подкрепиться, ну и хорошенько выпить для лучшего взаимопонимания, как же без этого!

Автобус с будущими участниками испытаний проехал КПП полигона и остановился около глубокой неистребимой лужи, которая была чем-то вроде местной достопримечательности.

За это время сержант Сато успел проспаться.

— Хм... где там мой заместитель, как его...

Не сумев вспомнить фамилию Кагосима, он решил взять руководство на себя.

— Поживее, господа кадеты, — бодро заорал отдохнувший сержант на весь салон и погнался подопечных форсировать водную преграду.

Но стоило Сато заметить Ласку, как он тут же притих, браво приосанился и стал вести себя несколько деликатнее.

Кадеты один за другим прыгивали в лужу и, хватаясь друг за друга, устремлялись к спасительному берегу. Суслику достался дополнительный груз в виде Ласки, которая вцепилась в него и все время пыталась имитировать беспомощную женщину, чуть ли не залезая на руки. Но разница в весе была не в пользу галантного кавалера. Благо зоркий Хомячок указывал путь, ориентируясь на то и дело спотыкающихся товарищей.

Во время короткого построения Ласка опять оказалась рядом с Сусликом, что вызвало негодование Хомячка, заставило сержанта Сато скорчить зверскую рожу, а Хорька гневно засопеть.

— Он что, эротических снов с участием Ласки посмотрелся по дороге? — шёпотом поинтересовался Хомячок, кивнув на Хорька.

— Чтоб к вечеру все чистыми были, — велел сержант, придирчиво осмотрев грязное воинство. — Понятно, девчонки?

— Есть, — ответили «девчонки».

Форма самого Сато была далека от идеала, но об этом не стоило говорить, если не хочешь нажить себе проблем.

— Не болтать в строю! — рявкнул Сато, заметив, как перешёптываются Суслик и Хомячок. — Отряд, шагом марш! Направление — гараж!

Колонна двинулась в указанном направлении.

— Подтянитесь, доходяги! Строй держать!

Около гаража курили водители, которые закончили с БТР и БМП и ожидание приказа отправляться обратно в часть. Сквозь открытые ворота можно было разглядеть, как техники суетятся вокруг гусеничного БТР и колесного бронированного автомобиля.

Из ангара вышел начальник полигона и сразу же направился к группе кадетов. Это был капитан Ямана Оути, которого все называли Орочи — Большой Змей. Каждый раз, когда Суслик видел Большого Змея, начинались приключения. А заканчивалось всё вызовом тягача, первой медицинской помощью в исполнении Ямана-доно, а затем «отдыхом» в лазарете. Капитан полностью соответствовал своему прозвищу — был он хоть и немолод, но строен, высок, и могуч, что не редкость для одаренных магов. Его белая шевелюра, вопреки уставу собранная в длинный хвост, была предметом зависти многих кадетов. Лицо было словно вырублено в камне и напоминало морду очеловеченного питона, который рассматривает кадетов — особенно всяких представителей рода беличьих, куньих и прочих грызунов — в качестве легкой закуски. А по многочисленным шрамам можно было проследить весь боевой путь капитана.

— Приветствую, кадеты! — без лишних любезностей приветствовал их Орочи.

— Здравь желаем, господин капитан! — ответил ему нестройный хор.

— Сегодня у нас знаменательный день. А теперь слушайте внимательно, повторять не буду. Если прохлопаете ушами, будете получать наставления уже от Вергилия, Эмма Дайо или Идзанами!

Из строя послышалось негромкое бормотание — некоторые кадеты из числа особо суеверных произносили слова, защищающие от сглаза и неприятностей.

Орочи помолчал, наслаждаясь произведённым эффектом. В этот момент он походил на сытого питона Каа из книг одного странного англичанина.

— Молчать!

Орочи сощурился и внезапно широко улыбнулся, продемонстрировав все тридцать два зуба, которые были удивительно белыми и острыми.

— Объясняю боевую задачу. Сейчас вы находитесь в заповеднике смерти. Изначально полигон предназначался для испытания новейших образцов военной техники, а потому имеет сложный рельеф. Общая площадь — сто квадратных километров.

Суслик содрогнулся. Все эти километры он изучил вдоль и поперёк в полном согласии с пословицей: «Где наша не пропадала? Наша пропадала везде!»

Вал, наоборот, заинтересовался. Сложные рельефы были его коньком и не раз позволяли стае товарищей оторваться от хозяев, которым гости слишком уж надоели. Слова и голос Орочи пробудили глубинную память тела, которое незамедлительно начало наполнять кровь адреналином. Все знания, с таким трудом полученные Сусликом, сразу же всплыли на поверхность. Вал моментально составил примерную карту, наметил десяток возможных маршрутов отхода и... опомнился. Теперь он слушал с предельной внимательностью, впившись взглядом в Орочи, словно культист в снизошедшее к нему божество.

— Все уже пытались пройти все трассы полигона, и некоторые даже небезуспешно!

При этих словах Хорёк расплылся в торжествующей улыбке, и победно оглядел группу курсантов. Он, действительно, держал титул лидера по прохождению полигона на джипах.

— Кадет Кагосима!

Орочи осадил Хорька гипнотическим взглядом, заставив съёжиться.

— Всем известно о ваших скромных достижениях, но сегодня — особенный день, — продолжал он. — Вашему курсу предстоит освоить настоящие боевые колесницы. Великолепные машины, которые в ближайшем времени могут стать вашей единственной защитой перед стеной врагов.

Старые воспоминания словно оживали в обычно довольно холодном Орочи.

— Первый экземпляр! — он артистично щелкнул пальцами.

Сорвавшийся с них оранжевый огонёк взлетел на высоту нескольких метров и шумно взорвался, рассыпая искры. Заревел мотор, и из гаража выкатилось первое чудо японского военпрома.

— Комацу Тип 82 — командно-штабной броневедомитель. Технические характеристики — десять цилиндров понесут вас по шоссе или бездорожью так, словно сам Фудзин дует прямо в спину. Два пулемёта дадут прикурить целому батальону демонов-они или изрешетят беспечного вражеского мага раньше, чем он успеет понять, что случилось. Шесть ведущих колес, которые не боятся пуль. Считайте, что вы внутри самого безопасного места Вселенной!

Обнадёжив кадетов, Орочи добавил:

— Пока вам не встретился танк!

Броневедомитель остановился перед строем. Вылезший из люка водитель приветливо помахал кадетам.

— Добровольцы — шаг вперед!

Хорёк только и ждал этого момента. Он был предупреждён о способе распределения и о том, какие конкретно машины будут доставлены. Пока другие таращились на машину, он быстро сделал шаг вперед и выкрикнул:

— Кадет Кагосима готов к выполнению задания!

В это время Хомяк, стоящий позади более высокого Суслика, изобразил крайнее расстройство — их только что обошли на повороте. Но это была лишь игра на публику — он также получил от клана все необходимые сведения, и подготовил вместе с другом очередную пакость врагу. Суслик заверил его, что не имеет значения, какую машину они получают. План строился на том, что Хорёк захочет получить дополнительные козыри и выберет технику, которая развивает большую скорость.

Второй раз просигналив уже синим огоньком, капитан Орочи вызвал вторую машину. По сравнению с Типом 82, выехавший БТР Тип 73 выглядел неказисто, плюс к тому гарантированно проигрывал по скорости командно-штабному автомобилю! Некоторую «задумчивость» БТРа смогли побороть, закупив у чехов более мощные движки, такие же, какие применяли русские на своих БМП-2.

Выбор Суслика пал на гусеничный вариант именно по этой причине — гусеницы плюс знакомый движок

давали ему широкий простор для маневра. Лязгая гусеницами, старичок-БТР выполз на плац притворно-медленно, что лишний раз убедило Хорька в правильности своего выбора.

К плацу подошли все члены комиссии, которые, вдоволь приняв сакэ, решили взглянуть на юные дарования. За спинами двух тучных генералов на почтительном расстоянии следовали остальные члены комиссии и адъютанты.

У Суслика чуть глаза на лоб не вылезли, когда он увидел прекрасных валькирий с папками в строгой военной форме. Он снова застыл столбиком и чуть не пропустил момент, когда надо было выйти из строя, едва не заповор всё начинание. Дело спас Джунгарик, который вовремя вынес его из строя на пинках — сначала под колено мыском ботинка, а затем точным ударом коленки в ягодицу. Так Суслик оказался в нужное время в нужном месте.

— А вот и второй доброволец! — притворно заулыбался Орочи.

Клановые игры ему не нравились, и когда ему вчера позвонили откуда надо, он чуть трубку от гнева не сломал. Но всё же выслушал план, радостно расхохотался и теперь ожидал представления. Ситуация беспроегрешная — либо произойдет что-то необычайное, и клан Кагосима, на который у многих из Ямана были отложены целые запасы зубов, будет посрамлён, либо клан Фудзивара в очередной раз напрудит себе в штаны, что сделает большую игру ещё интереснее.

— Господин капитан, кадет Фудзивара к выполнению задания готов!

На лицах генералов появились удовлетворенные улыбки. Клан Фудзивара и Кагосима пользовались большим уважением в армии. Высокие чины, посоветовавшись, поманили молодых аристократов к себе. Суслик и Хорёк уронили честь предков и достойно представились военным шишкам, получили высочайшее благословение на подвиги и неформальное приглашение «заходить, если чо, на чашечку маттэ». Посчитав свой долг выполненным, генералы удалились в сторону палатки, согласовывать последний уцелевший ящик сакэ, а прекрасные валькирии передали план испытаний первым добровольцам. Он состоял из штурманской карты и краткого задания.

Почти ткнувшись носом в грудь своей адъютантке, Суслик деревянными руками взял задание, не отрывая взгляд от внушительного четвёртого размера. Вовремя заметив ступор подопечного, Орочи хлопнул того по плечу, предложил выбрать штурмана и следовать за ним. За Хорьком моментально увязался один из прихлебал, а роль штурмана при Суслике ожидаемо досталась Хомячку. Классика!

— Итак, кадеты, слушайте внимательно! Представляю вам механиков-водителей Типа 82 и Типа 73 — сержанта Таканаси Хироси и младшего сержанта Судзуки Акира.

Кадеты номинально имели такие же звания, но стоящие перед ними бойцы были реальными фронтовиками, до уровня которых ещё придется дорасти. И, несмотря на разницу в общественном положении, а также владение магией, аристократы поклонились им как старшим по званию.

— Они будут сопровождать вас в процессе выполнения задания. Однако не обольщайтесь — им дан чёткий приказ не вмешиваться до тех пор, пока технике не будет угрожать реальная опасность. Так что надейтесь только на свои силы!

Конечно, у кадетов были занятия на различных тренажёрах, и, теоретически, они были готовы к таким заданиям. В реальности же происходящее сейчас могло случиться только в одном случае — когда в высоких кабинетах затевали очередную большую игру.

Поэтому Орочи и махнул рукой на все правила безопасности, регламенты и тому подобное. Захотела знать усложнить себе жизнь, угробив детишек — их проблемы. А у него появилось пара должников, которые в своё время будут использованы. У Ямана Оути всегда была железная хватка, да и деловой смекалки хватало. Не всем в клане везет, как членам старшей ветви — приходится и самому поработать ручками да ножками, чтобы не остаться без сакэ к обеду. Несмотря на суровость, Орочи любил комфорт, а потому старался изо всех сил.

Механики-водители продолжили инструктаж, обязательно полагавшийся согласно правилам боевой задачи.

— Краткие характеристики боевых машин...

Кадеты слушали внимательно, хотя и знали их заранее.

— Особое внимание следует уделить приборам УМР-1980, производства Российской Империи, штатно устанавливаемые на все машины, участвующие в боевых действиях. Радиус действия прибора составляет восемь метров, что необходимо и достаточно при огневых контактах с магами уровня АА или ниже. Но учтите — любые действия магов уровня ААА выводят из строя реле-предохранитель и устройство отключается. Как говорят наши русские коллеги-механики — «Если умер УМР — покидайте БТР!» — Последнюю фразу сержант Акира повторил ещё и на русском, что вызвало смешки — у него было прямо-таки варварское произношение. — Отключение УМР сопровождается звуковым сигналом.

— При срабатывании УМР любое заклинание рассеивается в радиусе действия прибора, выделяя соответствующее количество тепла и вызывая ионизацию воздуха. Поэтому — почувствовали запах озона — значит, это не движок перегрелся, а по вам долбит замаскированный маг! — поделился мудростью Хироси, мехвод второй машины.

Кадеты согласно закивали, так как информация по УМР прочно отпечаталась на подкорке страданиями преподавателей. Были ещё секретные разработки похожих приборов специалистами из клана Отомо, но стоили они как десяток новеньких БТР, поэтому использовались в основном дешёвые русские аналоги.

— Ну и последнее, — вставил комментарий Орочи. — Пока машины не мои — можете делать все что хотите, я и пальцем не шевельну. Но боеприпасов в пулемётах нет, а УМРы невозможно отключить. Топлива вам выделили ровно столько, сколько нужно, так что никаких неожиданных манёвров.

Он пристально осмотрел экипажи боевых машин.

— Чего застыли, идиоты?! По местам! Приступить к выполнению задачи.

И все понеслись.

* * *

Суслик быстро запрыгнул на место механика-водителя — предстояло выполнить разминочный круг по трассе, представлявшей собой кольцо диаметром около пятисот метров, затем разворот, парковку и проезд между препятствиями. Легкотня, которую Вал мог сделать в своё время с завязанными глазами. Хомячок подпрыгивал на соседнем кресле, высовывался из люка и командовал в свое удовольствие.

Вал первым увидел сигнал, который подал Орочи, но намеренно дождался команды. Сердце грело воспоминание, с каким видом его провожала Ласка — чуть не плакала. А как она смотрела на адъютантку, которая посмела завлекающе улыбнуться её Суслику!

«Ревнует, значит, любит», — подумал Вал. А что подумал Кадзуо — никто не узнал. Потому что Кадзуо был очень вежливым сусликом и редко напоминал о себе в такие опасные моменты.

Первую трассу Вал нарочито слил Хорьку, усыпляя бдительность. Само по себе вождение было для оригинального Суслика проблемой, поэтому он достаточно громко подтвердил своим инструкторам, что «на тренажерах у него всегда 12 баллов!» Что было чистой правдой, но совершенно не вязалось с результатом практических зачетов, и Хорёк об этом прекрасно знал.

«Поэтому мы медленно спускаемся с горы и имеем всё стадо!»

Старый анекдот и иннуэндо заставили внутреннего Суслика сначала заржать, а потом покраснеть. А чуть позже пришлось прижимать платок к носу, поскольку воображение сразу же нарисовало этот процесс с участием Ласки, где ей досталась главная роль, а многочисленным адъютанткам — второстепенные.

Примечание к главе 6

Идзанами — богиня творения и смерти в синтоизме, рождённая вслед за первым поколением небесных богов, супруга бога Идзанаги.

Глава 7 «Конец простой: пришел тягач»

Завершив первое задание, штурманы скоординировали выход машин на позиции. Начинался главный этап испытаний, которые превратились в соревнования — «Форсирование разнообразного рельефа местности и водного препятствия.»

Полигон упирался в берег залива, на его территории были довольно своенравные речушки, и огромные пруды, в которых Суслик уже дважды тонул.

— Три! Два! Один! Старт! — звуковые команды в шлемофонах сопровождались выстрелами ракетниц.

— Йуху! Йоши! — визжал высунувшийся по пояс из люка Хомяк, в шлемофоне и военной форме считавший себя образцовым мачо. Воспользовавшись тем, что адъютантки фиксировали результаты заездов, он красовался перед ними, как петух перед новыми цыпочками.

Валентин полностью взял управление телом на себя, и полностью погрузился в процесс вождения, как в прошлой жизни, когда ему пришлось в похожих условиях удирать от десятка джипов с довольно злыми африканскими ребятами, серьезно хотевшими поговорить с наглыми наемниками, предварительно угостив их гранатой РПГ-7.

Две машины сорвались с места и понеслись по маршруту номер 9.

«Девятка» была самым сложным маршрутом, и на джипе ее было преодолеть не реально, поэтому ей практически не пользовались, предпочитая классическую дорогу смерти № 4 — там адреналин был, но в целом — ничего невозможного. Трасса «Девятка» как будто специально делалась для гусеничных машин. Вал бы ее прошел на чем угодно, но гусеницы делали его королем дороги!

Первым вперед вырвался «тип 82» — Хорёк управлял им как классическим джипом, допуская первую ошибку — 14 тонн и 300 лошадей, это совсем не полторы тонны и 100 лошадей!

Первый же участок неровной дороги заставил серьезно тормознуть команду «82-го». Гусеничный «73-ий» прошел этот участок практически за то же время, что и разогнавшийся Комацу.

— Йес! Первый этап 1-1, - прокомментировал сверху Хомяк и показал неприличный жест в сторону колесника.

— Залезай внутрь и задрай люк, — скомандовал своему штурману Валентин. — Впереди «вода»!

Хомяк нырнул вниз, будто укушенный. Раздался сигнал о начале второго этапа и машины начали съезжать в низину с выкопанными рвами, заполненными водой. Валентин прекрасно знал особенности плавания на гусеничных БТР, а про командно-штабную машину подозревал, что там такой функции не предусмотрено.

Он спокойно подъехал к самому глубокому и длинному рву, у которого был самый ровный съезд и выезд и медленно стал форсировать почти сотню метров водяной глади. В это время Комацу соперника попытался повторить маневр БТР, но на половине колеса остановился и стал сдавать назад. Видимо механик-инструктор таки проинструктировал водителя и штурмана-недотепу в доступных средних умах выражениях, что Комацу привезли сюда не для того, чтобы утопить.

Пока Хорёк искал подходящий ров, пока осторожно сползал туда, а затем, буксуя, вылезал на крутой берег, экипаж Суслика успешно завершил упражнение. Они ещё долго ждали на месте промежуточного финиша, куда успели приехать наблюдатели-адъютантки, начальник полигона и Ласка. Хорек завершил этот этап на десять минут позже.

Блондинистый Хомячок, самопровозглашенный Мачо всея Школы, безжалостно флиртовал с 4-м размером и с остальными адъютантками разом, разом же и получая умиленные возгласы «Уиии! Ара-ара! Какой миленький!» и попытки поймать и затиснуть кадета. На всё это он пыхтел и дулся, как настоящий джунгарский хомячок, что повышало градус кавая до опасных величин. Суслик уже подумывал бросить друга на растерзание, пока сам млел под руками Ласки, которая под предлогом медосмотра методично тискала его, когда Хорёк неожиданно для себя спас своего недруга.

Он, наконец-то, финишировал. Даже не выходя из машины экипаж Комацу отчитался что упражнение выполнено, и они на позиции третьего упражнения.

Всё это время Орочи меланхолично курил трубку и напряжённо размышлял. Его каменное лицо ничего не выражало, но вот тектонические сдвиги лобных складок указывали на работу мозга.

— Старт по готовности, — скомандовал Орочи и снова уселся в джип с наблюдателями.

Обе команды ожидали на позиции сигнала. На этот раз Большой Змей превзошел сам себя — в небо улетел разноцветный фейерверк, а внутри машин запахло озоном — сработал УМР!

— Вот он, наш шанс! — прокомментировал Джунгарик. Суслик молчал, но согласно кивнул. Лицо инструктора, по привычке, ничего не выражало. Он словно врос в сиденье и его все эти детские игры не касались.

Третий этап девятки проходил через трассу с высокими подъёмами и обрывистыми спусками. Не ощущая

габаритов машины пройти ее на скорости невозможно. А именно это и станет делать Хорёк, так как третий балл — он важный самый. Прийти последним или наравне для наследника Кагосима смерти подобно. Того и гляди, в школе трон зашатается!

Задачей же Суслика было совсем иное — не просто пройти маршрут и выиграть соревнование, а унизить соперника и показать Ласке свою крутизну.

Он начал опасную игру. Специально подпускал Комацу соперника довольно близко и следовал по наиболее безопасному маршруту. Хорёк уже понял, что проигрывает Суслику в знании полигона и старался копировать действия команды 73-го и осторожничал.

И вот наступил кульминационный момент. Машины подъехали к самому сложному участку, который был последним. Валька притормозил машину, как будто выискивая удобный спуск, но при этом, перегородил обзор Хорьку. Тот попался в ловушку. Зная, что впереди обрывистый спуск, Сёго решил пойти ва-банк и «уронить» противника — как физически, так и фигурально.

Он выжал газ и как торпеда рванул к БТР, рассчитывая ударом в кузов столкнуть и опрокинуть его. Суслик, словно обладая 3Дэ видением сверху, аккуратно начал разворот на месте и бортанул пронесшегося мимо противника. По всем законам физики 14 тонн есть 14 тонн. Маневр 73-го поставил летящий мимо колесник на дыбы, а затем и вовсе опрокинул на бок. Бессердечная сука гравитация и не менее бессердечная инерция протащили Комацу до края обрыва. Там он грациозно опрокинулся на крышу и поехал вниз.

Дно оврага было очень каменистым. Огромные скалы, обнажённые давно пересохшей рекой, образовывали своеобразный карман, куда и скользила машина Хорька. Она тихонько ткнулась в дальнюю скалу, и осталась лежать между двумя боковыми. Суслик неспеша спустил БТР по склону и не снижая скорости, как тот бык из анекдота, переехал лежащий Комацу с уныло крутящимися колесами. Прямо по колесам как по мостку. Выбравшись из оврага, он успешно финишировал.

С дикими криками радости обнимающаяся парочка потных грызунов вывалились из боевой машины, а следом за ними, придерживаясь за борта, выполз инструктор. Нетвердым шагом он дошел до машин сопровождения, где стрельнул у другого водилы сразу две папиросы, и дрожащими руками скурил одну за другой.

За Комацу выслали бригаду техников и тягач, Орочи пребывал в глубокой задумчивости, а компания из Ласки и адъютанток тем временем проводили внеплановую медкомиссию, чуть ли не раздевая кадетов.

Когда все прибыли обратно на плац, было решено испытания прекратить, машины принять, а курсантов напоить, накормить и отправить обратно в школу — уж очень напряженным выдался заезд. Да и четвёртый ящик сакэ кончился.

Перебинтованный Хорёк с фингалами под обеими глазами представлял из себя памятник невозмутимости. Зато его напарник устроил истерику: кричал, что это было не честно — дескать, не может Суслик так водить! На что невозмутимый Джунграик возражал, что они с другом всегда получают высший балл, а потому — иди-ка ты, неудачник, нафиг... Но было видно, что Сёго думает примерно о том же, только не знает, кто его так подставил.

Фудзивара, Минамото и Ласка остались праздновать победу с начальством полигона, комиссией, адъютантками, и генералами, которые на радостях за победу Фудзивара пригласили праздновать всех. Не участвовавшие кадеты из вежливости отказались, а Сёго просто не пошёл...

Старая японская истина — сколько sake не бери, всё равно за ним ехать придется. В результате празднования Суслик и Хомячок были затисканы, несколько раз их затаскивали в пустующее помещение для женского персонала под разными предлогами, но всегда всё заканчивалось одинаково. Адъютантки и Ласка, вооружившись фотоаппаратами, заставляли их участвовать в таких фотосессиях, что Суслик просто офигевал и тупо следовал указаниям 4-го номера или Ласки. Ему было всё равно, что делать, лишь бы это было сказано ласковым, бархатистым голосом ему на ушко. При этом частенько губы порядком захмелевших женщин касались кожи, как будто случайно, а руки красоток находились в самых неожиданных местах.

Хомячок же возмущался и бушевал, но его призывали «быть мужиком и делать как сказано!»

«Подкаблучник растёт!» — подумал Валентин, когда Суслик от очередного женского прикосновения ушел в Нирвану...

Орочи вернул их в школу к отбою, самолично передав на руки курсовому батьке и, ехидно ухмыляясь, чего за ним никто и никогда не замечал, передал сообщение, что фотографии придут «примерно через неделю». После этого Валентин пообещал Кадзуо называть его исключительно «Орыч» — но своё решение мотивировать отказался.

А на следующей неделе триумфатора ждало самое большое разочарование в новой жизни!

Примечание к главе 7

Йоши (よし) — восклицание, означающий «ну ладно!» «Давай начнем!»

Глава 8 «Друг за друга если надо вступим в драку и умрем!»

— Утро ясное настало! Одеядло усвистало! Шесть утра! Вставать пора!

Голый Хомяк скакал по комнате в поисках одежды. Как обычно, на его половине комнаты царил полный хаос. Оставалось нерешаемой загадкой, как он вообще что-то находил в том беспорядке, в котором валялись его вещи: учебники, тетради, ручки, карандаши и прочие предметы. Дополнялся бардак фантиками от конфет, еще не съеденными конфетами, кусками пластилина, обрывками рисунков и салфеток.

— У меня трусы украли! Извращенцы! Хоть полицию вызывай!

Суслик только махнул рукой, направляясь в ванную. Со сна голова была еще ватная. Но на то, чтобы прийти в себя, времени особо не было. Прозвенел звонок, означающий трехминутную готовность к зарядке. Пришлось ускориться и не засиживаться на троне. Суслик умылся, открыл шкаф.

Вал скептически усмехнулся, узрев летний вариант спортивной формы: белая футболка с эмблемой факультета и короткие черные шорты. Он такие не носил, наверное, с детского сада. —

«Вспомним детство. Кто шагает дружно в ряд...»

Джунгарик уже отыскал пропавший предмет гардероба и был «готов к труду и обороне». «Прям мечта анимешника! — фыркнул Вал, — а девчонки, наверняка, в таких шортиках просто загляденье. Вот сейчас и насладимся!»

Топот ног наполнил все здание. Бодрой толпой кадеты выскочили на улицу и трусцой побежали к стадиону. Вал вертел головой, рассматривая братьев по школе.

«Так-с, а сестрѐнки-то где?»

Сколь хватало обзора, только парни с мохнатыми ногами. Зрелищно, но Вала эта картина оставляла равнодушным, он все же предпочитал традиционные ценности.

«В смысле? В школе только мальчишки? Как в монастыре?»

В универе, детище Министерства обороны далекой Родины, среди курсантов был малюсенький поток девушек-прелестниц. Им выделили отдельный корпус, свои группы, но именно на спортивных занятиях и в столовой они часто пересекались с парнями.

Суслик прилежно выполнял все упражнения, чем вызывал недоумение Джунгарика, но его мысли были где-то далеко.

Обращение ко второму «я» подтвердили печальное подозрение: никакого гендерного разнообразия. Он горестно вздохнул: «Жуть! Хоть в суд по правам человека пиши. Иль в женский монастырь податься?» Кадзуо любезно напомнил, что ему не знакомо упоминание женских монастырей в Японии.

«И как вы тут живете...» — Вал задал в голове Суслика риторический вопрос.

Настроение, вполне бодрое перед зарядкой упало ниже уровня городской канализации. Перспектива раздельного обучения не особо радовала. Не то, чтобы Вал был сильно озабоченным, но девчонок любил. Да и юное тело Фудзивара явно жаждало любовных приключений. Хоть каких-то.

Конечно, была красавица-медсестричка. Но если все время наведываться в лазарет, то из школы и комиссовать могут... Злой от разочарования Вал

долго стоял под душем. А затем галопом мчался за толпой на завтрак, дабы не опоздать и не получить взбучку от курсового.

Столовая ностальгически напоминала пионерский лагерь. Конечно, настоящих пионеров Валентин уже не застал, но по инерции детские лагеря в России все еще так назывались. Просторный зал был заставлен длинными столами. За каждым курсом и отделением закреплены свои места. Кадеты привычно хватали подносы, брали приборы. Дежурные бойко раздавали тарелки и кружки.

«Овсянка, сэр!»

Хмурый взгляд упал на соседний стол, за которым сидел Хорек со своими подлизами.

— Привет асам-водителям! Я, наконец, понял, зачем вы перевернули вашу машину. Думали, что у вас самочка, и наш БМП ее покроет? Что же недотрах с юными умами делает...

Хорек раздраженно поднял глаза на говорившего. Он промолчал, но его взгляд не сулил расхрабренному Суслику ничего хорошего.

А Вал оборвал фразу, заметив кое-что более интересное. В столовую зашла — то ли девушка, то ли видение. Маленькая, но вполне себе фигуристая. Большие глаза, размеру которых позавидовала бы сова, строго поблескивали за стеклами очков. Она была одета в узкую юбку-карандаш до колена и приталенный пиджачок серого цвета. На её стройных ножках красиво сидели тѐмные полупрозрачные колготки, дополнявшие образ похотливой скромницы.

«Библиотекарша! Да я уже люблю книги! Всю японскую классику, какой бы она ни была! Я спешу в твое

царство пыльных переплетов, крошка!»

Однако очередной звонок известил о построении. И поток учащихся унес Фудзивара на построение, хотя его мысли остались с прелестной Совушкой.

Первой парой значилась география.

«О! Я так понимаю, что некоторые различия между нашими реальностями есть. Кадзуо, малыш, ты будешь главным. А то перевру все, как Старик Хоттабыч на экзамене у Вольки».

С темой повезло. Речь шла про Российскую империю. С огромным интересом Суслик слушал про альтернативное отечество.

«Оба-на как! То есть революции, о необходимости которой все время говорили большевики... Упс — не случилось! Ни Ленина, ни Сталина... Я бы сказал, это даже как-то скучно! Интересно, а гимн у нас там всё ещё «Боже, Царя храни?»»

В принципе границы России этого мира вполне совпадали с рубежами Российской Империи начала 20 века, вместе с Польшей и Финляндией. А о существовании Украины, наверное, даже жители киевской губернии не догадывались.

Упоминание государя-императора Онуфрия Второго вызвало внутреннюю истерику. От смеха. В голове тут же всплыли строки известного хулиганского монофона: «Отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера...»

«А наследный принц не Акакий часом? Хочу-хочу учебник по истории родины. Мне точно нужно в библиотеку, как можно скорее!»

Мировой горячей точкой, где шли вечные бои и склоки всех со всеми, в этом мире была территория Кореи, только Кореей она не называлась, и на две части не делилась. Официальным названием было «Китайско-Японская демилитаризованная зона».

«Очень демилитаризованная, ага. Зато всегда есть чем заняться, — фыркнул он, — и кстати, было бы интересно наведаться в Москву. Лужкова и Собянина небось не было, как же она без них похорошела? Научились ли менять плитку каждый год?»

Короткой перемены хватило лишь на то, чтобы поменять учебники и сбежать в уборную. Каждому курсу полагалась отдельная.

«Немецкий! Ха-ха! Ну, это по моей части!» — заверил Суслика Вал.

Уж что-что, а язык Шиллера и Гете альма-матер вбила в него по самое не балуйся. У доски на немецкий переводили предложение «Земля была покрыта пеплом». «Der Boden war mit Arsche bedeck», — уверенно написал Тэндо Хироки.

Джунгарик от восторга подпрыгнул за партой. Буковка «г» в «Arsche» была лишней и превратила «пепел» в «задницу». Преподаватель заподозрил намеренную пакость и долго распекал нерадивого переводчика. Тот осоловело хлопал глазами, не понимая, где ошибка.

А тем временем начался опрос домашнего задания, в том числе стихотворение «Лорелея» наизусть. Для Суслика это не было проблемой. Кадзуо обладал уникальной фотографической памятью, и мог легко воспроизвести все написанное на странице, стоило ему ее разок увидеть.

Джунгарик тоже быстро оттарабанил свое. Преподаватель заслушался шкодливой "сиреной" и прикрыл глаза. А Хомячок, воспользовавшись этим, в момент нарисовал голую Лорелею на доске.

Но, как обычно, попало не Хомяку, а следующему на очереди кадету. Тот долго топтался у доски, заикался и запинался, описывая скалу над Рейном и коварную деву.

Едва закончился урок, пришлось мчаться в раздевалку. Да, спортивных занятий в школе было с избытком. На этот раз, правда, резвились не на стадионе, а в зале спорткомплекса.

По дороге Вал заметил указатель с названиями клубов.

«А это что за хрень? Как у англичан? Клуб, куда хожу, клуб, который ненавижу и клуб, который игнорирую?»

Мелькнувшее воспоминание от Суслика заставило Вала обратиться ко всей мощи родного матерного языка: Фудзивара Кадзуо был заслуженным председателем поэтического клуба.

«Державин, блин! Но моя бабуля была бы в восторге».

Перед глазами тут же возник уютный малый читальный зал библиотеки, который был закреплен за клубом. В общем-то, по большей части он был прибежищем Суслика и Хомяка, их дополнительной резиденцией, куда редко кто заглядывал. Там Джунгарик любил хранить свои запасы для издевательств над окружающими. А Фудзивара держал книги, чтоб не раздражать курсового батьку излишним обилием томов в спальне.

«А вот библиотека — это то, что надо. Где-то тут и обитает наша большеглазая пташка», — утешал себя Вал.

Кадзуо припомнил сентябрьское заседание клуба. Собралось человек пятнадцать верных участников и четверо свежееотловленных малявок — пятиклашек. Ну, может, хотя бы двое приживутся.

Поэты. Ох, тяжек их путь, особенно в стенах кадетской школы. Вал признал, что японская поэзия о-очень, просто охренительно оригинальна. А потом настал черед собственных сочинений.

Вот тут было тяжело удержался от гогота. Хотя, ей богу, странно смеяться непонятно чему посреди аллеи школы. Вал, похрюкивая от сдерживаемого ржания, трусил к спорткомплексу. Хокку Суслика были убойны своей корявостью, которую, по мнению автора, должен был компенсировать пафос.

*Мой жизненный путь,
Меня к славе ведет он,
Гордится мой род...*

Валентин дёргался и хлопал себя по бёдрам от смеха, а участники клуба всерьёз аплодировали Кадзуо. Он опять поклонился, и с видом Байрона продекламировал:

*Что мир мне? Радость ль он приносит,
Страданье, счастье иль беду,
Я с наслаждением все б бросил,
Но я не знаю, что найду,
На свете том, что за чертою,
Да есть ли он вообще тот свет,
Что представляет он собою,
Есть там покой, иль тоже нет?*

Вал икнул и присел на скамейку. Смех клокотал в его горле, намереваясь вырваться наружу. Какая интересная у него составляющая!

А дальше на собрание вихрем ворвался Джунгарик, сообщив, что у него тоже есть стих. Как раз посвященный началу года:

*Наступает школьный год
В месяце апреле,
Снова генерал орет,
Нервы на пределе.
На доске нарисовал
Жопу кто-то мелом,
Я шедевр этот видал:
Да неплохо в целом.
Но начальство всё кричит,
Живопись не любит.
А художник наш молчит,
Парень он неглупый.*

Зачитав свой труд на одном дыхании, Синдзи покинул зал, не дожидаясь реакции растерявшейся аудитории.

«Ох, умрешь с вами! — хмыкнул Вал, — но сейчас нам не до клубов будет, хотя... заседания в библиотеке — это то, что нужно!» Он помчался догонять однокурсников. Не хватало еще на урок опоздать.

Пока учитель отсутствовал, свита Хорька зажала у шведской стенки Джунгарика. Тот казался совсем малышом рядом с широкоплечим Сёго Кагосима. Расплата за подставу на немецком настигла Хомячка.

— Отвали, говнюк! — возмутился Синдзи, когда Кёити, один из дружков Хорька, щелкнул его по подбородку.

Хорек, любуясь на свои идеально ровные ногти и демонстрируя явную скуку, прислушивался к занимательной беседе. Он одобряюще кивнул прихвостню. Хомяк выводил его из себя не только своим поведением, но и положением в школе. Накостылять, конечно, было нельзя, но научить уважению в отсутствии учителя — почему нет?

— Че ты пицишь? Ща по стенке размажу! — угрожающе прошипел здоровяк прямо в лицо противника.

— Дерьмо свое размазывай, придурок! Ты весь из него и состоишь!

— Да я тебя! — Акамацу замахнулся, готовый вlepить мальчишке пощечину. Но его руку жёстко перехватил Вал. Любое нападение на мелкого выводило его из себя.

— Отвали, кадет!

— Жопой своей командуй!

— А ты своей жопе не хозяин? — громко удивился Суслик.

Кёити бросился на насмешника. Первую атаку он принял на блок, чтобы тут же ответить, но забыл, что его

новый облик подобен тому ежику, который сильный, но легкий. Рассерженный громила мощным ударом отправил борца за права грызунов в дальний угол.

Акамацу и двое его приятелей восторженно наблюдали полет и решили добавить «десерта».

Хорек взглянул на заварушку: Суслик бился неплохо, хотя и огребал. Удивительно, откуда в Фудзивара взялся такой боевой пыл.

«Пора кому-то охладиться» — решил Сёго и вышел из зала. Он вежливо постучался в тренерскую и почтительно сообщил господину преподавателю о драке.

Провинившихся после занятий отправили к дежурному офицеру. Тот, уже успевший утомиться от вечных кадетских проделок и ссор, не стал устраивать никаких разборов, кто там Робин Гуд, а кто Д'Артаньян. Он просто посадил всех в карцер.

Повезло только Минамото Синдзи, которого забрал замначальника по воспитательной работе. Джунгарик предстояло сказать приветственную речь очередной комиссии. Господа штабные методисты, похожие на откормленных мышей, со снисходительной улыбкой выслушали звонкое «как мы без вас скучали», любясь на симпатягу-кадета. Помимо ангельской внешности, мальчишка обладал редким обаянием, которому легко поддавались взрослые.

Пока Синдзи трепали по макушке, расспрашивали о буднях школы и планах на будущее, в преподавательской столовой был накрыт парадный стол. Изысканность блюд не уступала ресторанному меню. Напитки из личного резерва начальника школы тоже были одобрены высокими гостями.

Так что ревизия носила в дальнейшем формальный характер, и господа проверяющие после сытной трапезы предпочли поверить начальнику школы на слово, что в вверенном ему учреждении царит идеальный порядок, а средства расходуются на одобренные министерством просвещения цели. Как тут сомневаться? И офицеры, исполнив долг, в единодушном порыве поднимали тосты в честь Императора.

Джунгарик же, распахив конфеты и шоколадки по карманам, решил навестить друга. Карцер располагался в подвале административного здания. Пробраться туда было не так уж просто. Однако Синдзи уверенно предъявил дежурному бейдж одного из членов комиссии — мол, выполняю поручение сверху. Доступ был получен, и Хомяк запрыгал по ступеням лестницы, ведущий в царство грешников.

Карцер редко пустовал в школе, но и полный аншлаг бывал тут нечасто. Вот и сейчас заняты были всего три помещения. Валу обстановка напомнила американские тюрьмы: коридор, куда выходили решетчатые двери. Внутри камер узкие нары, унитаз с раковиной и да малюсенькое окошко высоко наверху.

Фудзивара достался ближайший ко входу «номер».

Вал чутко прислушался к разговору соседей, но те лишь поносили подлых грызунов и обещали им расправу. Да и образности их речи явно не хватало. Сплошь «убью» да «порву». Даже выражения вроде «как Тузик грелку» или «на британский флаг» им было незнакомо.

«Интересно, а Великобритания тут какая?» — задумался Валентин.

Кадзуо припомнил страницы учебника. Особых различий со своей действительностью Вал не нашел, только Содружество было менее вольным.

— Суслик! — окликнул Синдзи друга, застывшего в задумчивости у решетки.

— Чё прибеж? — удивился Фудзивара. Джунгарик помешал "внутренней политинформации".

— Держи! — Синдзи вывалил свои запасы. Казалось, его карманы бездонны.

— Ну, ты и правда хомяк! Откуда столько?

— Дяденьки из комиссии отсыпали, потом наши офицеры угостили, а напоследок еще повар две шоколадки отстегнул.

— Щедро!

— Ага. Только вот вам ужин не дадут. За дурное поведение! — Джунгарик заржал.

— Лопай конфеты. Воды у дежурного попросишь.

— А котлет не было?

— Котлеты? Ну ты, брат, капризен!

Джунгарик промчался по всему коридору, чтобы показать язык прихвостням Хорька. Те разразились громкой бранью, на которую сразу прибежал сердитый дежурный. Довольный Синдзи скрылся на лестнице.

Он вернулся через полчаса, все с тем же бейджем. Но дежурный в этот раз уже не спрашивал ни о чём. Он был занят подготовкой очередного рапорта и не обратил внимания, что визитер заметно потолстел с прошлого раза.

Перед решеткой Суслика, Джунгарик расстегнул куртку, из-под которой извлек полотенце. Он развернул его. Дразнящий запах котлет пополз по коридору.

— Держи скорее. Еще теплые!

— Ну ты даешь! — восхищенно протянул Фудзивара.

— Ага. Хомячь скорее! А я побегу! Меня-то от школьных будней никто не освобождал!

— Вот засранец! А из-за кого я тут застрял?!

Но Синдзи уже выскочил в холл и не слышал возмущения друга.

Глава 9 «У тебя глаза как нож»

На следующий день, когда Кадзуо выпустили из карцера, Хомячок был необычайно спокоен, и вёл себя предельно тихо. Суслик порадовался, что его друг усвоил урок, и больше не будет подставлять его своими «шалостями», но Валентин в это не поверил. «Нет, братец Суслик. Чтобы так напугать Джунгарика, должно случиться что-то очень, очень серьёзное. Опасное.» Суслик весь день не находил себе места, а после уроков Хомячок молча взял его за руку и потащил на КПП.

— Пошевеливайся!

— Да что случилось! Зачем мы сюда пришли?

Хомячок сильно нервничал. Он был не похож на себя сильнее, чем когда-либо. Кажется, слова давались ему с трудом, но он всё же сказал:

— Сегодня приезжает моя сестра, и я, как хороший брат, должен её встретить. А если приду один, то она меня сожрёт. Так что сегодня ты составишь мне компанию. — Объяснил Хомячок, неестественно улыбаясь. — Раз не успел вовремя убежать и спрятаться — страдай вместе со мной, мы же друзья. О, а вот и она!

Суслик перестал сокрушаться и перевел взгляд на КПП. Там стояла высокая черноволосая девушка с хищным лицом. Выглядела она угрожающе. Но ощущение угрозы создавала скорее безукоризненная военная форма, посрамившая кадетский мундир Суслика, которым Вал очень гордился. В глубине души он, как ребенок, радовался строгой, с иголочки, форме, которую ещё, вдобавок, за него стирали и гладили — роскошь, которой он был лишён всю свою прошлую жизнь.

— Если у неё прозвище не связано с кошками, то я съем твой носок... — выдохнул он.

— Ты прав как никогда. Её имя Каори, но лучше называй её Пумой. И она капитан тринадцатого отряда телохранителей самого императора, так-то.

Суслик с опаской следил за приближающейся Пумой.

— Синдзи!

Она сразу же попыталась обнять Хомячка, но тот спрятался за спиной Суслика.

— Ниисан, девушке твоего возраста и положения не пристало проявлять столько чувств к своему младшему братишке! — возмущенно пискнул Хомячок, толкая Суслика в сторону сестры. — Вот, лучше удели внимание тому, кто в нём нуждается.

— А ну выходи, тэмээ!

Пума попыталась обогнуть Суслика, но Хомячок ловко вертел другом из стороны в сторону, используя его в качестве щита.

— И не подумаю!

— А ты ещё кто? — спросила Пума, соизволив заметить Суслика.

Худосочная фигурка была придирчиво осмотрена с головы до ног.

— Это мой друг, Фудзивара-кун, — пояснил Хомячок. — Но все зовут его Суслик.

— Суслик?

— Это из-за привычки стоять столбом, столкнувшись с чем-то непонятным.

— А имя у Суслика есть?

— Я же писал про него. Ты могла бы уделять больше внимания почте.

— У меня не так много времени на чтение, дел невпроворот.

— Так и быть, напомню. Но учти — это в последний раз! Моего доблестного защитника зовут Кадзуо.

— Рада знакомству, я Минамото Каори. — Пума слегка поклонилась. — И знаешь, ты довольно миленький, — неожиданно запищала она, схватив кланяющегося Суслика за щёки.

Тот неуверенно улыбался, с трудом понимая перемены, произошедшие с грозной на вид Пумой.

— О боже, у тебя ямочки на щеках!

Не прекратившее попыток поклониться в ответ тело Суслика пришло в синхронизацию с движениями доблестного капитана королевских гвардейцев, и через секунду Суслик был согнут рогаликом, а его голова уткнулась в Пуму в грудь. Сердце стучало в бешеном ритме. Он заливался краской, но чувствовал себя счастливым в железной хватке Пумы.

— Сестра, остановись! — вопил Хомячок. — Ты же его задушишь, он тебе не котёнок!..

Суслик едва слышал его из-за шума в голове, который становился всё сильнее. Ещё немного — и он бы вырубился, но Пума вовремя разжала объятия. Шум сменился легким туманом перед глазами, и Суслик недоумевающе уставился на платок, который ему протягивал Хомячок.

— Это ещё заче...

— Кровь вытри, тормоз. А то замполит порвёт тебя за пятна на форме.

Суслик машинально поднёс пальцы к лицу. Из носа действительно сочилась кровь. Нетерпеливый Хомячок скрутил платок и воткнул ему в ноздрю.

— Да очнись ты!

— И правда суслик, — расхохоталась Пума.

— Ну! Я же говорил!

Пума перестала улыбаться и вновь посерьезнела.

— Ну ладно, у меня ещё дела есть. Но я к вам загляну. Потом. Нам ещё есть о чем поговорить.

— Она... странная, — задумчиво протянул Суслик, глядя на шикарную пятую точку удаляющейся Пумы.

* * *

Спортивный зал был сплошь заставлен тренажёрами, скамьями для жима лёжа и макиварами. В центре располагались ринги для учебных поединков. Идеальные условия для физического развития курсантов.

Суслик покрутил головой и направился к рингу.

— Эй, ты серьёзно что ли?

— Абсолютно.

— Давно по морде не получал? — не унимался Хомячок. — Я тебя, конечно, понимаю. Боевая удаль прорезалась, всё такое... но ты уверен, что хочешь в этом поучаствовать?

— Не стоит меня недооценивать.

— Ты же всё время проигрывал.

— Можем поспорить. Или боишься продуть?

Хомячок подозрительно уставился на друга.

— Знаешь, ты изменился.

— Ещё как.

— Это на тебя удар по голове так повлиял?

— Вроде того...

— Может, ещё раз врезать? — предложил Хомячок, взявшись за боккэн. — Отдохнёшь в лазарете пока мозги на место встанут.

— Да осторожней ты, не машишь. Дай-ка мне эту штуку.

* * *

Хорёк занял место, с которого можно было следить за учебными боями.

Первые спарринги прошли буднично. Противники надели шлемы и перчатки, поклонились друг другу и начали. Хорёк имел представление о навыках этих кадетов. Ничего нового или необычного они не продемонстрировали.

Его взгляд привлёк Суслик, который о чём-то говорил с Тэндо Хироки, указывая то на стойку с боккэнами, то на ринг. Хироки ухмыльнулся и кивнул. Неужели этот задохлик соскучился по побоям и решил получить очередную порцию? Инструктор попробовал отговорить его, но Суслик настоял на своём. От Ласки он тоже отмахнулся.

Соперники надели шлемы, вышли на ринг и поклонились друг другу. Инструктор дал отмашку и поединок начался.

Суслик медленно двинулся по кругу. Так же поступил и Хироки.

Хироки сделал молниеносный выпад. Суслик отпрыгнул в сторону, но тут же атаковал в ответ. Боккэны столкнулись со всего размаху.

Увернувшись от очередного удара сверху, Суслик замер на месте. Хироки снова бросился в атаку, разъярённый тем, что ему не удалось свалить слабого противника быстро. Но теперь победа была у него в кармане, ведь Суслик снова впал в ступор. Тем сильнее удивился Хорёк, когда увидел, как Хироки падает, получив мощный удар в колено. Было очень неожиданно получить такой удар от кадета, который раньше разве что не спотыкался о боккэн и больше походил на грушу для отработки ударов.

Инструктор поднял флажок, засчитав Суслику успешный удар. Следящие за поединком кадеты зашептались — никто не ожидал от него такой прыти.

Суслик и раздосадованный Хироки поклонились друг другу.

Хорёк сидел в растерянности. Он не мог понять, как Суслику удалось повернуть подобное. Победа над Хироки, который имел телосложение боксёра-средневеса, заставила его призадуматься. Он не просто так выбрал в партнёры для спарринга одного из своих старых обидчиков. Устал от бесконечных унижений и решил свести

счёты? Хорька такой расклад не устраивал. Он не какой-то там безродный, а наследник древнего клана, и семейная честь была для него превыше всего. Ему нужен совет.

Улучшив момент, Хорёк незаметно выскользнул из спортивного зала. Если повезёт, его отсутствие не заметят. А если и заметят, то серьёзно не накажут.

Добравшись до пропускного пункта, он заглянул в будку дежурного. К счастью, там сидел Акамацу Кёити, который увлечённо разгадывал sudoku.

— Опять прогуливаешь, Сёго? — спросил он, подняв голову.

— Не твоё дело. Мне нужно позвонить. А ты пока постой на стрёме.

— Что-то случилось?

— Да... случилось, — прошипел Хорёк, выпихивая Кёити из будки. — Ещё как случилось. А теперь заткнись и не мешай.

Он набрал номер.

— Да? — раздался знакомый голос.

— Здравствуй, дедушка.

— А, это ты, Сёго. Соскучился по старику? Или натворил чего?

— Знаешь, тут такое дело...

— Говори.

Хорёк немного подумал и начал:

— Руководство планирует провести соревнования, и ко мне в команду попал один кадет. Я считал его обычным рохлей, но оказалось, что он не так прост. Мне нужно как-то продемонстрировать ему своё расположение...

— Дай угадаю — тебе надо загладить прошлые обиды?

— В общем, да, — признался Хорёк.

Генерал Кагосима поворчал. Поведение внука было для него постоянным источником недовольства.

— Когда ты уже успокоишься, Сёго... Но это мы обсудим в другой раз. А теперь молчи и слушай меня внимательно, понял?

Хорёк выглянул из будки. Кёити увлечённо ковырял в носу.

— За коридором следи, — велел он, прикрыв трубку рукой.

* * *

Пока Хорёк решал насущные вопросы, Суслик вернулся к Пуме и Хомячку, внутренне ликуя. Из этого неказистого на вид тела удалось кое-что выжать, и это ещё не предел.

Ласка показала ему большой палец. Суслик слегка покраснел от такого внимания, но гордо задрал подбородок и прошествовал дальше. Пума сгребла его в борцовский захват и принялась трясти.

— Отличный бой. Порадуешь меня чем-нибудь ещё?

— Конечно, — хрипел полузадушенный Суслик.

— Я за тобой слежу, Кадзуо-кун. Только попробуй разочаровать меня.

— Ты же не хочешь увидеть Пуму в гневе? — влез Хомячок.

— Н-нет.

В дверях Ласка придержала Пуму за рукав.

— Минамото-сан, вы не уделите мне минутку своего времени?

— Конечно.

Девушки отошли.

— Как думаешь, о чём они там шепчутся? — поинтересовался Суслик.

— Расслабься, точно не о тебе.

* * *

Ласка была в бешенстве. Какая-то выскочка посмела заигрывать с Сусликом, да ещё и у неё на глазах. Нет, она этого просто так не оставит. Место и время Пуме известно, осталось только ждать. Она не из тех, кто струсит.

Спортивный зал подходит лучше всего — здесь нет настоящих камер видеонаблюдения, одни муляжи. Это Ласка выяснила в первую же неделю. Так что о произошедшем будут знать только двое.

Ласка уселась на скамейку и стала ждать. Пума опаздывала. Внутри начала закипать ярость.

Через десять минут в зал ввалилась Пума. Ласка злобно покосилась на неё. Они переглядывались ещё с полминуты, пока Пума, наконец, не сказала:

— Я опоздала. Примите мои извинения.

— Полагаю, у вас были серьёзные причины для этого.

— Более чем. — Пума начала прихорашиваться перед зеркалом, поправляя растрепавшиеся от бега волосы. —

Говорите, что хотели.

— Я хотела спросить, пристойно ли такой девушке как вы, которая старше Фудзивара-куна почти в два раза...

Пума резко отвернулась от зеркала.

— Повтори.

Ничуть не смущаясь, Ласка смотрела Пуме прямо в глаза, бросая вызов, и перешла почти на шепот, громкий и вкрадчивый:

— Пристойно ли такой девушке, как вы, оказывать столь много знаков внимания Фудзивара-куну? — Её голос так и сочился ядом. — Не следует ли вам поумерить свой... пыл и держать вежливую дистанцию от молодого господина на подобающем приличию расстоянии? Быть на три шага позади возлюбленного?

— Так вот оно что! Госпожа медсестра решила стать блюстительницей нравов. Как интересно...

Пума отошла от зеркала и приблизилась к Ласке.

— Кажется, у нас возникли некоторые... разногласия.

Проходя мимо боксёрской груши, Пума нанесла ей неувольимый удар. Потрёпанный снаряд сорвался с цепей и улетел в стену, рассыпая резиновую крошку сквозь разошедшиеся швы.

— У тебя ещё остались вопросы, кисама?

— Есть один, — ответила Ласка.

Она похлопала рукой по макиваре. В следующий момент отполированная множеством ударов доска была проломлена. Ласка подула на кулак и хрустнула суставами пальцев. Пума ухмыльнулась.

— И это всё? Мой брат и то сильнее бьёт.

— В больших городах все женщины такие распущенные... — Ласка картинно прикрыла лицо ладонью. — Вам же нравится соблазнять мальчиков в два раза моложе себя?

— Да сколько мне лет, по-твоему? — Пума взбесилась.

— Выглядите на все свои преклонные годы. — добила её Ласка.

Если бы взглядом можно было испепелить... Вообще-то Пума могла, но не хотела нарушать закон.

— Что смотришь, Ми-на-мо-то-саан? Поцеловать меня хочешь?

Пума зарычала и ринулась на соперницу. Подлетев к Ласке, она провела прямой в голову, в стиле классического английского бокса.

Ласка с лёгкостью уклонилась и поймала Пуму на бросок. Чёрным ядром она улетела в сторону зоны для тяжелоатлетов — в отличие от кошки, давшей ей имя, Пума извернуться не смогла и впечаталась в гриф штанги, установленный на держателях.

Поразительно, но голова Пумы оказалась куда как крепче стальной трубы! Результатом встречи остались недовольны обе стороны. Гриф обиженно дзынькнул, согнулся, и полетел дальше. В стене образовалась солидная выбоина, посыпалась бетонная крошка. Голова Пумы, оставившая заметный след в истории спортзала, не пострадала, что намекало на высокий интеллект девушки.

— Благо у тебя мозгов нет, — заметила Ласка, задыхаясь от смеха. — Пятнадцать сантиметров кости и затылок.

Пума отшвырнула обломки скамьи и встала. Схватив хохочущую Ласку за пояс и шею, она провела бросок. Розовый наряд медсестры органично смотрелся в обломках ринга.

Рычащая как зверь Ласка выпрыгнула из позиции лёжа и, схватив короткий изогнутый гриф, метнула в приближающуюся Пуму. Та ушла в сторону кувырком и гриф навывлет пробил стоящую у неё за спиной макивару.

— Неплохо попадаешь по неподвижным целям!

В тут же Пуму полетел тяжеленный блин, сдёрнутый с ближайшей штанги.

Затем девушки обменялись любезностями, среди которых особенно выделялись удары ногами в голову и корпус; успели беспощадно распотрошить последнюю уцелевшую грушу, поочерёдно используя её в качестве укрытия; перекидать друг в друга полтора центнера гантелей, перебив все зеркала; и, наконец, врезав друг другу в челюсть, свалиться на пол.

— Думаю, нам стоит уладить этот вопрос дипломатически, — пробормотала Пума, глядя в потолок расфокусированными глазами.

— И не подумай.

Ласка попробовала встать, но тут же свалилась обратно.

— Лежи уже. Если поймала нокаут, то не дёргайся.

— Напрашиваешься на второй раунд?

— С радостью. А пока... — Пума попыталась толкнуть слабо шевелящееся тело ногой, но не достала. —

Никому ни слова, поняла?

— Без тебя знаю, Минамото...

Так завершилась одна из самых эпических битва в истории Кадетской школы Кюсю.

* * *

После кэндо последовали соревнования в стрельбе. Прошлые навыки Вала и тут не подвели. Потом был дзюдо. Хотя в какой-то момент Суслик рефлекторно провел приём из самбо, это не вызвало особых вопросов. Инструкторы немного посоветовались, но всё же присудили ему победу, решив, что у Фудзивара есть свои техники рукопашного боя.

— Всё же хороший день, верно? — начал разговор Хомячок, поймав Суслика в раздевалке.

— Если бы каждый день был таким, то мир бы не выглядел столь паршивым местом.

Хомячок подозрительно понюхал снятый носок и закинул его в угол.

— Тогда жизнь стала бы невыносимо скучной.

— Согласен.

— Не думал я, что твои тренировки в старом корпусе дадут такие результаты. — Он пару раз сдвинул ладони, изображая бурные аплодисменты. — Я в немом восхищении.

Суслик пропустил сарказм мимо ушей.

— Я тебе ещё и не такое покажу.

— Да ты мастер интригу нагнетать! Не поделишься своими грандиозными планами с другом?

— Для начала поставим на место пару плохишей. А там и до захвата Вселенной уже рукой подать. Попутно будем вкушать всякие прелести жизни.

Суслик зажмурился от удовольствия. Воображение услужливо рисовало радужные перспективы. В действительность его вернул голос Хомячка.

— Это ты про женские прелести?

— Можно и так сказать.

— Держи карман шире! С Каори-ниисан тебе ничего не светит. Ей нравятся парни покруче тебя. Не обращай внимания на её выкрутасы, ты для неё просто временное развлечение.

— Покруче меня, говоришь...

— Ага.

— Значит, придётся поднять уровень крутизны.

Хомячок лишь фыркнул в ответ.

— А почему Пума не пришла на дзюдо? Она же грозилась посмотреть на соревнования.

Хомячок пожал плечами.

— Ниисан на службе, а там не до развлечений. Ты лучше не о ней думай, а о Хорьке.

— А что с ним?

— Сам не знаю. Он всё время смотрел на нас и что-то бормотал себе под нос.

— Опять задумал какую-то гадость, наверное.

— Или ты его крепко озадачил своим поведением.

— А что я такого сделал?

Хомячок подпрыгнул и хлопнул его по лбу.

— Всё-таки надо было врезать тебе как следует.

Глава 10 «Лукоморья больше нет...»

И снова учебные будни. Сплошной серой чередой без ярких пятен. Ранний подъем, зарядка, пары... Вал со всей серьезностью относился и к зарядке, и к другим спортивным занятиям. Он поставил себе целью привести Суслика в достойный вид.

«Соблюдает дня режим Джим. Знает спорт необходим Джим», — вспоминал Соболев любимый мультик «Остров сокровищ», выполняя упражнения.

Джунгарик только рот разевал, глядя как друг выкладывается по полной, да еще и от него самого требует стараться. Синдзи ощущал, что Кадзуо изменился, стал как будто взрослее, жестче и опытнее. Иногда он казался каким-то далеким и чужим. Но Хомяку никак не удавалось сформулировать даже для себя, что не так.

Курсовой офицер с одобрением кивал, когда Суслик в первых рядах бежал утренний кросс или старался успеть дополнительно подтянуться на турнике, да еще и подгонял Минамото.

После обеда Суслик в темпе делал письменные задания, и Вал вел свой тандем в тренажерку или на стадион. На слабое трепыхание Кадзуо и его желание почитать или подумать о творчестве, грубо предлагал писать стихи, пока сидит на унитазе, дабы время даром не терять. Тем более что поэзия требует уединения. Вон Пушкин активно в Михайловском творил, когда его никто не отвлекал.

Валентин сам составил программу тренировок, ориентируясь на свой опыт. Конечно, комплекция этого тела сильно отличалась от той, к которой Вал привык, и набрать прежнюю массу у него всё равно не получится, но и без больших мускулов можно стать грозным бойцом. И Вал намеревался сделать всё возможное. В один из вечеров добровольного самоистязания в зале к Суслику снова подвалила компания Хорька.

— Че, тренируешься бегать, чтоб никто не догнал и звездюлей не отсыпал?

— Не, чтоб догнать и отсыпать желающим. Сколько секунд форы тебе надо?

— Какой смелый Суслик стал. Ути-пути!

— Зато о вашей-то храбрости прям легенды ходят. Меньше, чем по трое не ходите. В сортире тоже все вместе, и друг дружке поддерживаете?

— Да я тебя! — сразу расsvирепел Хироки. Он медленно закатал рукава, демонстрируя готовность к драке.

Вал понял, что скользкая тема легко выводит кадетов из себя. «Отлично, знаю, чем позлить недоумков!»

Он уклонился от удара, заблокировал следующий, потом чуть отступил. Парень действовал почти машинально. Да, физической силы немного не хватало, но были ловкость и понимание, как действовать.

Оказавшись позади противника, Суслик отвесил смачный пендель Хироки.

— Бакаро, коросу! — снова взревел тот.

— Ты только обещаешь... Нет, дружок-пирожок, это не та драка, в которой вы с друзьями решаете, кто сегодня бос качалки. — Вал снова уклонился, наблюдая за реакцией остальных. Они нахмурились, но в драку пока не лезли.

«Будет хреново, если все сейчас налетят».

Подсечка, и грузный Тэндо упал. Суслик тут же сел сверху, заломив ему руки.

— Говори: «Дядя, прости засранца», и я тебя отпущу.

Краем глаза Суслик видел, что на них смотрит тренер. С легким интересом и даже одобрением. Значит, остальная гвардия вмешиваться не станет.

— Иди в жопу! — прохрипел Хироки.

— Ты сам это выбрал. — Вал громко шлепнул его по заднице — тебе так привычно? Ты не стесняйся, все ведь понимают.

— Коросу, дзэтай коросу!

— Боюсь-боюсь! Говори давай!

— Слезь...

— А ты скажи! Не держи в себе!

Вал опасался, что тренер вот-вот вмешается. Безумно хотелось дожать придурка. Он чуть сильнее заломил руки парня.

— Прости... — с ненавистью прошипел кадет.

Вал не стал переходить границы. Он встал с поверженной жертвы и стремительно отпрыгнул в сторону. Поймал на себе очень внимательный взгляд Хорька.

Хироки хотел снова броситься на врага, но Сёго остановил приятеля и увел свою группу из зала.

«Раз я в его команде, ему выгодно, чтобы Суслик-сан стал достойным воином».

Хомячок не был в восторге от честолюбивых устремлений друга. Тем более, что Вал заставлял его участвовать в тренировках. Первые пару дней у Джунгарика после интенсивных занятий ни на что больше не оставалось сил. А

ведь он считал, что день без пакости прожит зазря.

Постепенно юный Минамото привык к повышенной нагрузке и снова стал просыпаться на рассвете, что позволяло вернуться к любимому делу.

Ведь благодаря недавнему визиту в город у него был целый арсенал для развлечений.

Самым сложным днем для кадетов была пятница: крайний срок сдачи письменных долгов за неделю, поэтому многие после отбоя при свете фонариков доделывали эссе, переводы, проекты и прочее бумагомарание. И потому утренний подъем был особенно сложным. Большинство кадетов выполняли привычные действия с закрытыми глазами, а по-настоящему просыпались только ко второй паре.

Джунгарик же, свежий, как весенняя роза, с первыми лучами солнца отправился к соседям. Он ловко перебрался на балкон Хорька. Все спали. На тумбочках валялись учебники и тетради. Синдзи в какой-то момент подумал, а не упереть ли пару работ, но решил, что это будет подлостью.

Он пробрался в санузел, поднял стульчак и аккуратно натянул пищевую пленку. Потом отвинтил лейку душа и положил туда пару таблеток прессованной краски.

«Помойтесь, красавчики» — ухмыльнулся он.

Особые надежды он возлагал на новый цвет Накагава Сюя, который, по слухам, осветлял волосы. К нему пигмент должен был прицепиться на ура. А потому Синдзи достал из кармана быстросохнущий лак для ногтей и покрасил моднику ногти. Сама судьба была на стороне насмешника. Здоровяк спал на спине, сложив руки на широкой груди.

Джунгарик усмехнулся и направился к выходу. Задержался на пару минут в прихожей: шнурки ботинок сплелись, как наушники в кармане, после чего тихонько отворил дверь и покинул счастливцев.

Тем утром четверо кадетов-выпускников не явились на зарядку и опоздали на завтрак. Получили строгий выговор от курсового батьки, который терпеть не мог всяких объяснений и оправданий.

— Я вам не нянька в детском саду! Следите за вещами — ответил он на жалобы Хорька, что кто-то связал им всю обувь. Про унитаз Сёго рассказывать не стал, тем более что в ловушку попался не он, а неудачник Сюя. «Ладно, разберемся! Держись, мелкий засранец!» Кагосима понимал, что Минамото лучше не трогать, себе дороже, но злость можно было выместить на Фудзивара. Заодно и посмотреть, насколько изменился этот нытик.

Кадеты уже расходились по классам, когда на глаза замначальника попался Накагава, чьи волосы приобрели необычный для подобного заведения бледно-фиалковый оттенок.

— Это что за гомотянина?! — заорал господин Ниёнаго на весь зал. Все присутствующие с искренним интересом уставились на кадета с нетрадиционным цветом волос. Тут взгляд полковника зацепился за сиреневые ногти кадета.

— Что?! Эт-то ш-што?! — лицо офицера стало пунцовым. Казалось, его сейчас хватит удар. Сюя испуганно посмотрел на свои руки, беспомощно зашлепал губами. В спешке уборки санузла и попытке отмыть с головы и тела краску, которая почему-то полилась из душа, ему было совсем не до ногтей.

— Кадет Накагава! Встать! За мной шагом марш! — жестко сказал замначальника и отправился в свой кабинет. Остальных разогнали на занятия.

Накагава явился в класс только ко второй паре. Бритый наголо. Лак с ногтей был, разумеется, стерт. Сюя никому не рассказал, что был позорно выпорот ремнем в кабинете полковника, «чтобы знал, что тут вам не Европа, а жопа не для глупостей».

После пар до обеда оставалось около часа, и Суслик направился в клубную комнату. Заседания поэтического клуба проходили нечасто, да и активных участников было всего около десятка по всей школе. Иногда залетали на огонек еще два-три кадета, пытавшиеся исправить плачевные оценки, выставленные кафедрой словесности, которая покровительствовала поэтам. Тем не менее, весь мальй читальный зал был в распоряжении клуба. Раньше только Хомячок использовал это помещение с пользой: хранил там свои запасы запрещённых уставом шуток для розыгрышей и прочих «безобидных» шуток. Теперь же Суслик решил воспользоваться читальным залом как оперативной базой для наступления на библиотечаршу.

Обычно в клубный час помещение было пустым, но сегодня несколько кадетов удостоили читальню своим присутствием.

Четверо очень сердитых юношей вышли из-за стеллажей и окружили Суслика. Хорёк и его друзья не стали ничего объяснять, но злобный взгляд получившего выволочку Сюя давал понять, что Фудзивара Кадзуо снова назначен виновным во всех бедах банды.

Сюя напрыгнул первым, а Суслик рванул ему на встречу. Но вместо того, чтобы ударить врага, Кадзуо чуть подтолкнул его в нужную сторону и придал ускорения. За спиной Суслика что-то загрохотало, но оборачиваться времени не было. Он уклонился от захвата одного из дружков Хорька, но оказался прямо напротив Сёго. Он не упустил возможность и хорошенько врезал Суслику в живот.

— Что здесь происходит? — гневно крикнула прибежавшая на шум Совушка.

Маленькая библиотекарша едва доставала рослым кадетам до груди, но она так строго взглянула на них, что все попятились, потупив взоры. Хорек поклонился и заговорил почтительным тоном:

— Наши нижайшие извинения за этот прискорбный инцидент Мадока-сан! Мы вели себя недостойно в храме книг. Позвольте нам это исправить.

Под её строгим взглядом Хорёк и Сюя бросились поднимать книги, которые столкнул бритый налысо громила, а остальные помогли подняться Суслику.

Продолжать выяснение отношений рядом с библиотекой они не рискнули. Накагава лишь пообещал выбить дурь из долбанутых поэтов.

— Вы в порядке, Кадзуо-кун? — дружелюбно сказала Совушка, похлопав глазами.

— Да. Ещё раз прошу прощения за моих одноклассников. Мне следовало...

— Я всё видела. Вам не за что оправдываться.

— Но, я должен был защитить книги! — соврал Суслик.

— Мне казалось, они нападали на вас, а не на книги. Может, расскажете, почему? — Совушка кокетливо улыбнулась.

Суслик едва не замер от такого поворота, но Валентин вовремя подстегнул его криком: «Чаем её угости!».

— Это долгая история. Может быть, выпьем чаю?

К хворостяной лачуге

Вихрь горстку листьев подбросил —

Воды вскипячу для чая.

Прочитывал Кадзуо одного из бесчисленных японских поэтов.

Совушка улыбнулась и с поклоном ответила:

— Ох, какой вы... образованный молодой человек.

— Да... В общем, я вскипячу, у меня там... чайник, да. — промямлил Суслик.

Кадзуо чуть не провалил всю операцию. Опять. Следуя советам Вала, он спешно ретировался в малый читальный зал и стал искать чайник. Всё должно быть исполнено идеально, у него больше нет права на ошибку. Чайник в клубе присутствовал, как и набор для чаепития, вот только в фарфоровом заварочнике Хомяк хранил какую-то пахучую траву. Рядом лежала целая книга о траволечении, написанная по принципу «чем гадостней вкус, тем действеннее лекарство». Терапевтический эффект Хомяка не интересовал, а вот вкус по рецептам получался действительно убойный. Суслик спешно вытряхнул горькие травы из чайничка, налил из бутылки воду в электрический кипятильник, который совсем не подходил под интерьер читального зала и романтическую атмосферу, включил его и бросился искать настоящий чай.

Запасы трав у Хомяка были по-настоящему хомячьи. И на большей части склянок, коробочек, бумажных пакетах отсутствовала маркировка. Пришлось ориентироваться на запах. Чай был обнаружен в чёрном тканевом мешочке.

Когда Совушка наконец зашла в читальный зал, в нём уже витали ароматы заваренного чёрного чая. Она поклонилась, села на диванчик, и Суслик провёл для неё самую полную чайную церемонию, на которую у него хватило приборов и фантазии. Наконец, он протянул библиотекарше чашку, и она сняла очки, чтобы они не запотевали от пара, а потом приняла её, коснувшись пальцев Суслика.

— Кагосима Сёго — достойный человек из древнего рода. Наши отцы служили вместе давным-давно, также как наши деды. Нам с Сёго предстоит продолжить славную традицию... — Суслик нёс пафосную чушь, глядя как Совушка осторожно пригубила приготовленный им напиток. В комнате было не жарко, но на лбу у неё выступил пот. Пока он говорил, Мадока расстегнула верхнюю пуговицу блузки и встала с дивана.

— Поэтому мы иногда устраиваем такие... учения. Отрабатываем боевые ситуации... — Суслик всё больше изумлялся поведению библиотекарши. Она села рядом с ним, взяла его руку и положила к себе на лицо. Он замолчал, а девушка шумно принялась.

«Это что за волшебные травы хранил в том мешочке Хомячок?» — одновременно удивились Вал и Кадзуо.

Суслик незаметно положил вторую руку Совушке на грудь. Она накрыла её своей рукой, и стала расстёгивать на Суслике рубашку. «Ай да Хомяк, ай да молодец!» — подумал Вал.

И как будто вселенная услышала его мысли. Дверь со стуком открылась, а в комнату ввалился Минамото Синдзи. А следом за ним — Ласка.

— Вот он где! А я тебя опять везде искал!

Суслик был готов провалиться сквозь землю от стыда.

— Прибыл маг-спиритуалист. Не задерживайтесь, кадет Фудзивара. — холодно сказала Ласка. Она вышла, так сильно хлопнув дверью, что та едва не вылетела вместе с косяком.

— Не смею задерживать! — разгорячённая Совушка с румянцем на лице выпорхнула через заднюю дверь в

недра библиотеки. Хомяк принялся мерзко хихикать.

«Вот только психиатра-волшебника нам и не доставало!» — подумал Вал, когда Суслик закрыл глаза от смущения. Конечно, речь о магии, а не о психике, но он опасался, что исследование приведет их общую Суслячью личность в дурдом или подобное заведение. И не представлял, как себя вести. Кадзуо тоже плохо разбирался в этой теме. Приходилось полагаться на волю судьбы да уповать на подземного покровителя.

Ласка встретила Суслика ослепительной улыбкой. «Простила» — подумал Суслик. Но перекинуться словом не удалось: маг уже ждал и хотел побыстрее разделаться с заданием. Мобильный аппарат для диагностики перемигивался разноцветными огоньками. Вал постарался спрятаться в глубине общей сущности, уступив первенство юному Фудзивара.

Маг заметил, как нервничает кадет, но не придавал этому большого значения. Однако результаты исследования удивили. Тэнкецу были истощены, а душа как будто повреждена. Прежде господин Мисао встречал подобное лишь у ветеранов боевых действий или немолодых ученых, слишком многое повидавших на своем веку. Он проверил прибор. Повторил процедуру. Нет, ошибки не было.

Специалист задумался. Более четкие показания могло бы дать обследование в Центральном Институте Капиритуализма в Токио. Однако подобные процедуры были баснословно дорогими. Он записал рекомендацию в карточку пациента, хотя не был уверен, что семья кадета сможет позволить себе такие расходы.

— И занимайся медитацией. Она поможет раскрыть каналы.

— Спасибо, Мисао-сан, — поклонился Суслик. Кадзуо был напуган и смущен, Вал же почувствовал облегчение. Он был уверен, что дело не в поврежденной душе, а в наличии двух личностей в одном теле. И уже привык к их странному тандему.

Вечером Джунгарик не стал вспоминать о том, что видел в малом читальном зале, и как бы ни хотелось Валу узнать, что за трава так повлияла на Совушку, Суслик наотрез отказался поднимать эту тему. Вал решил зайти издалека:

— Надо бы проучить этого засранца Хорька...

Хомячок просиял. Весь вечер он рассказывал о том, что уже реализовал, и что ещё планирует сделать. Тему «траволечения» он, к сожалению, не затрагивал.

* * *

Прошла неделя. В следующую пятницу, когда утренний сон был особенно крепок, Синдзи заполнил носы ботинок ненавистных врагов вчерашней овсянкой, предусмотрительно притыренной еще с завтрака. А для пущей радости вымазал ручку двери вазелином. Мыло же было заботливо покрыто бесцветным лаком.

Ор жертв хомячих проделок был слышен даже в соседнем корпусе. Поминая род Минамото до седьмого колена, парни извлекали склизкую кашу, оттирали башмаки. Вытирали следы грязных ног с пола. Искали чистые носки в шкафу, а запас белья к пятнице обычно оказывался критически мал. Мыло, как назло, было словно каменное, пены не давало. Решать эту загадку времени не было. Когда же вся компания была готова, и Хорек открыл дверь, новая порция ругани сорвалась с его губ. Желаящий помочь другу Хироки тоже вляпался в липкую мазь, которая плохо смывалась водой. Пришлось извести полфлакона шампуня и изгваздать полотенце, чтоб хоть как-то оттереть руки. А в журнале появилась новая отметка об опоздании, снижающая рейтинг.

— Какого хрена, Синдзи! Хватит! — Вал устал от драк, которые оборачивались явно не в его пользу. Противостоять четверым он не мог.

— Мы с Хорьком в одной команде. Найди себе другой объект для веселья!

— Яволь, мой генерал! — легко согласился Синдзи. И следующим утром наведаясь с дружеским визитом на факультет регионоведения. Еще до подъема. И перекрыл на их этаже вентили, отвечающие за подачу горячей воды. А также разбил пару сырых яиц у дверей особо надменных товарищей, считающих будущих штабистов вторым сортом.

Разумеется, кадеты вымыли полы, но часть белка успела затечь в щели пола и плитуса, так что на какое-то время этаж начинающих разведчиков стал самым ароматным в школе.

Синдзи успешно закрепил за ними прозвище «региональные скунсы», и никто уже не называл кадетов этого факультета по-другому.

Примечание к главе 10

Бакаро, коросу! — Придунок, убью!

Коросу, дзетай коросу! — убью, обязательно убью!

Чайная церемония (яп. 茶の湯 тя-но ю), «путь чая», «искусство чая» (茶道 садо:, тядо:) — специфическая ритуализованная форма совместного приёма порошкового зелёного чая (маття), созданная в средние века в Японии

и по настоящее время культивируемая в этой стране.

В контексте этой главы — никакая чайная церемония с чёрным чаем проведена быть не может. Кадзуо об этом знает, но стесняется напомнить Валентину.

Глава 11 «Баллада о ненависти»

Засыпая после отбоя, когда Хомяк наконец затихал, Вал задумывался, почему его забросило именно к Кадзуо. Он погружался в свои и чужие воспоминания, пытаясь понять, почему некая сила связала наёмника Валентина Соболева и Фудзивара.

Валентин родился в начале девяностых годов, когда Советский Союз отошел в мир иной, а свобода во всех ее проявлениях загопила просторы Российской Федерации. Папа и мама дневали и ночевали на работе, но денег все равно не хватало. Зарплаты то задерживали, то выплачивали товаром, зачастую весьма странным: отцу как-то выдали кучу посуды, полученной по бартеру. И бабуля, до этого преподававшая русскую словесность в школе, встала за рыночный прилавок реализовывать это богатство.

Вопрос о финансах в семье Фудзивара стоял не так остро, хотя клан богатым отнюдь не был. Главой был дедушка, Тэрумаса. Как и предки, он был военным. Когда здоровье начало его подводить, Тэрумаса возглавил кадетскую школу. Ту самую, где учился теперь Кадзуо. Правда, сейчас у школы был другой начальник, дедушка лет десять назад ушел на заслуженную пенсию.

Отец Кадзуо — Нагахидэ — был единственным сыном Тэрумаса, так что нынешний юный Фудзивара был последней надеждой древнего рода. Как и все представители клана, Нагахидэ с отличием окончил кадетскую школу, поступил в Военную академию и был там в первой пятерке выпускников.

* * *

Вал вздохнул, выныривая из чужого прошлого. Он сам имел счастье поучиться в военном университете, но был первым в своей семье, кто выбрал такую карьеру. Соболев был любимчиком физрука в школе, тот и надумил парнишку поступать в военное училище. Затем в школу пришел Вовка Лисин, вот его отец был полковником. И после школы поехали друзья-приятели поступать в военный универ. Увы, закончить его Валу не удалось: сказала его привычка решать споры кулаками. Мордобой с сыном одного из профессоров стал поводом для отчисления. И армия приняла Соболева в свои объятия. Там-то он и столкнулся с Димоном, который привел Валька в интересную компанию, что оказывала всякие нетривиальные услуги в полном боевом оснащении.

Вал почувствовал эмоции своего соседа по телесной оболочке. В очередной раз матюгнулся. Уж очень странным было это ощущение.

— Ладно, давай свою историю дальше рассказывай! Все-таки я тоже теперь Фудзивара, — хмыкнул он.

Отец... Вал ощутил целую палитру чувств, охвативших его «половинку». Отношения с папенькой явно были непростыми. Собственные воспоминания Кадзуо переплетались с тем, что ему рассказывали об отце и заметками из дневника мамы.

Было непросто разобраться в том сумбуре, которым спешил поделиться мальчишка. Словно прорвало плотину, и все накопленное вывалилось бурным потоком на Вала.

Папуля Нагахидэ был гордостью семьи и наставников, душой любой компании и завидным женихом. Но долгое время молодой офицер предпочитал необременительные связи. Он обожал конкурсы и соревнования, часто в них вполне успешно участвовал. А в свободное время ходил смотреть бокс и бои да зависал в барах.

«Классный парень! Мы бы с ним спелись!» — подумалось Валу.

На книги Нагахидэ времени не тратил, если только по делу было очень нужно. Вот и пошутила над ним судьба: девица Кумико, которую он увидел в гостях у коллеги, буквально околдовала его. Красавица была выпускницей Института благородных девиц и без чтения свою жизнь не представляла.

Нагахидэ это знакомство огрело как обухом, и тот вывернулся наизнанку, дабы заполучить предмет страсти. Упорство и труд... романтическая дева подарила свою благосклонность бравому воину.

Брак заключили по всем правилам. Тэрумаса благословил пару, хотя семья девушки была очень простой. Вспомнив бабушку-филолога да своих курсовых офицеров в универе и боевых товарищей, Вал легко смог представить себе, насколько разными были молодые супруги. Вот уж поистине «мужчины с Марса, женщины — с Венеры».

Рождение сына стало огромной радостью не только для родителей, но и для сурового деда, который как раз и руководил школой на Кюсю. Он сразу забронировал там место для первого внука. Первого и единственного, как оказалось.

Нагахидэ не особо занимался ребёнком, хотя гордился почетным званием отца. Он все так же много времени проводил на службе и в командировках в горячие точки, и маменька, предоставленная сама себе, воспитала крошку-Суслика на свой лад.

Первую ссору родителей Кадзуо хорошо запомнил. Ему было шесть. При поступлении в подготовительную

школу юного Фудзивара определили в академический класс. Физические нормативы он сдать не смог, зато привел в полный восторг словесников и музыкального руководителя. Мальчишке тут же предложили место в школе искусств. Папу такое положение дел не обрадовало. Он потребовал, чтобы ребенку срочно наняли спортивного тренера, и снова отбыл с важной миссией. А мама Кумико предпочла водить сына на танцы и лёгкую атлетику, где сэнсэи, не впечатленные успехами и прилежанием мальчика, просто махнули на него рукой и позволяли тому вдоволь намечтаться, а сами тратили время на более трудолюбивых и талантливых учеников. Кое-какие успехи в танцах и беге, всё же, у Кадзуо были, но он предпочитал их не демонстрировать, справедливо полагая, что тут-то им и займутся всерьёз — и прощай относительная свобода.

Разумеется, спортивные экзамены в подготовительный класс Кадетской школы Суслик провалил с треском, но набрал абсолютный максимум по гуманитарным наукам. В любом случае, Фудзивара Кадзуо, памятуя о доблестном бывшем начальнике школы, зачислили в класс штабистов.

Но информация о неоднозначных результатах внука дошла до деда, который наслаждался заслуженной пенсией. И Тэрумаса устроил подлинный «Сталинград» Нагахидэ, чтоб тот наконец взял воспитание наследника клана в свои руки.

Это вызвало вторую и куда более серьезную ссору родителей. О ней Кадзуо узнал уже потом, из дневника матери, найденного им в тайном ящике письменного стола.

Кумико была отстранена от обучения сына. И ни слезы, ни шантаж, что иначе она вернется к родителям, не смогли сломить традицию Фудзивара: Суслик отбыл в закрытую кадетскую школу, хотя молил все известных ему богов, чтобы папа позволил ему остаться дома. В школу родители приезжали по очереди, с тех пор сын не видел их вместе до ноября.

Суслик тем временем чуть пообтесался в классе, смирился с режимом и продемонстрировал академические успехи. Именно осенью он подружился с крошкой-Хомячком, привезенным в школу в октябре, хотя учебный год начался в апреле.

В тот дождливый, осенний день, который стал последней встречей Кадзуо с матерью, супруги Фудзивара выглядели счастливыми и довольными, особенно отец. Он действительно очень любил свою Кумико.

Последняя запись в мамином дневнике как раз и относилась к этому посещению школы и романтическим выходным по возвращении домой.

Нагахидэ отбыл в очередную командировку.

А по приезду в город в декабре обнаружил пустой дом. В холодильнике лежали чуть подпортившиеся продукты. Все вещи были на своих местах. В спальне он увидел лишь разобранную для сна кровать и сборник стихов на ней. Кумико будто отошла в ванную в душ перед сном... и исчезла.

Нагахидэ обзвонил всех знакомых и родственников. Затем вызвал полицию. Но официальные поиски ничего не дали. Был нанят частный детектив. Папа был в отчаянии, он даже продолжил вести дневник своей пропавшей супруги.

Но погрузиться в семейные дела ему не позволило служебное положение. Нагахидэ не мог отказаться от командировки. Уезжал он с тяжёлым сердцем. Все помыслы все равно крутились вокруг жены. Даже в самый разгар ссоры он не переставал любить свою «тургеневскую девушку».

Дальнейшие события отец записал на оставшихся страницах дневника Кумико. Благодаря уникальной памяти Кадзуо Вал буквально увидел эти страницы.

Очередная миссия в «демилитаризованной зоне». Геологи нашли месторождение вольфрама, но, к сожалению, это были не японские геологи. И не японская земля. И Фудзивара получил приказ занять указанную территорию во главе отряда «особого назначения».

Конкуренты не спешили уступать, тем более что статус земли был не определён. Уже не раз протягивал к месторождению жадные лапки Китай, но удержать не удавалось. Теперь в заварушку решила вмешаться Японская империя. Официально, столкновения там не считались военными действиями. А потому в демилитаризованной зоне бодро бились спецотряды самых разных держав, которые на высоком уровне оставались нейтральными.

Ничего необычного. Очередная спецоперация в интересах родины. Фудзивара был одним из самых удачливых офицеров, и успешно выполнял задания с минимальными потерями. Но в этот раз всё пошло наперекосяк. Территория в очередной раз была занята китайцами, при этом вооружение им явно поставил кто-то из западных инвесторов разработки месторождения.

Вал зацепился за фамилию Кагосима, заместителя Нагахидэ. Удивительно, но Кадзуо, который после смерти отца читал записи обоих родителей и был весьма близко знаком с Хорьком, никак не сопоставил имена. Все-таки Суслик был странным созданием.

Вал ухмыльнулся. Как же далек малыш Кадзуо от реальности, если не понимал, что все столкновения с Хорьком — это не просто обычная для многих школ нелюбовь к ботаникам.

Истинную причину следовало искать в воспоминаниях Нагахидэ о боевых действиях. В своё время Суслик

бегло проглядел их, не вчитываясь в суть. Они просто казались ему ужасными, отвратительными и непонятными, поэтому он пропускал все подобные записи. Вместе с Валентином они нашли строчку о том, как Нагахидэ потерял целую группу из пяти добровольцев под командованием Кагосима Кацу. Группа должна была выполнить диверсию, и это ей удалось. А вот выбраться живыми — нет. Именно поэтому она состояла только из добровольцев. Но Нагахидэ всё равно тяготил тот факт, что он послал своих людей на верную смерть.

Ещё Валу показалось очень странным происшествие с Кумико. После окончания школы следовало бы заняться этим вопросом. Нередко бывает, что подобные дела раскрываются именно спустя несколько лет.

«Ох, ты Господи!» Валентин ощутил стыд мальчишки: тот был гораздо сильнее привязан к матери, чем отцу. И даже задумывался о том, не стал ли отец причиной пропажи матери.

В первое лето без мамы Кадзуо обнаружил в кабинете отца тот самый дневник, но едва успел заглянуть в него. Тетрадь отобрали и спрятали под замок, а на голову мальчишки обрушилась отборная ругань. Ничего подобного сын не слышал до тех пор.

Однако в итоге Суслик отбросил подозрения. После смерти отца среди прочих бумаг он обнаружил донесения нанятых детективов. Это был целый архив. На расследования Нагахидэ потратил большую часть семейных сбережений, оставив после себя весьма скудное наследство.

Ретроспектива:

Кагосима Сёго сидел в столовой, когда кто-то из младшекурсников принес ему срочную почту с КПП. В отправителях значилось военное ведомство, так что, вероятно, ничего срочного. Сёго засунул пакет себе за пазуху и решил открыть его вечером, когда закончит более важные дела.

Во время сампо Оути Ёсио подошел к Сёго.

— Сёго-сама, позвольте принести мне свои глубочайшие соболезнования!

Сёго нахмурился и вспомнил, что за конверт он положил к себе во внутренний карман. Ксо! Надо было его прочитать раньше. Ни в коем случае нельзя терять лицо и показывать подчиненным что он не в курсе важных событий.

Сёго нахмурился и сделал подобающий вид при получении соболезнования и кратко кивнул. Но проклятый Оути не уходил, и по его лицу было видно, что он жаждет сообщить ещё какую-то очень важную новость!

— Говори, Ёсио-кун. К сожалению, у меня мало времени, необходимо связаться с кланом.

— О! Кагосима-сан очень прозорлив! У меня есть информация, что гибель вашего отца связана с некоторой, скажем так, некомпетентностью Фудзивара-сан, в подчинение которого он был.

Внутри у Сёго разгорелся огонь ярости и печали. Но он постарался не показать это лицом или движением.

— Благодарю за важную информацию, Ёсио-кун, я запомню это.

Внутри Сёго скрежетал зубами на ублюдка. Ведь видел, что Сёго ещё не успел прочесть сообщение, полученное в столовой. Специально выбрал момент, что бы он потерял лицо. Расплакался, зарыдал — повел себя недостойно звания наследника древнего рода Кагосима. Не дождётесь, Оути!

Посчитав нормы приличия выполненными, Сёго развернулся и пошёл в сторону своей комнаты в общежитии. Ему надо было выпустить пар и побыть одному.

Войдя в комнату, он тщательно ее запер подставил под дверь стул, чтобы никто не увидел его слёз, занавесил шторы и включил настольную лампу. Затем сел и преувеличенно медленно открыл специальным ножом конверт. В нём была похоронка.

«Сообщаем вам... что Кагосима Кацу... погиб... при выполнении боевого задания...»

В груди кадета словно взорвалась бомба. Он взвыл от переполнявшей его внезапной тоски и заплакал. Хотя отца Сёго и не знал хорошо — слишком был тот занят своей военной карьерой, все же он относился к нему как к самому близкому человеку, что у него был в жизни. После матери.

На следующее утро, Сёго был собран, как всегда, и никому не показывал, что он испытывает какие-либо эмоции, кроме официальных, от известий по смерти отца. Знавшие его или его клан кадеты так же официально-чопорно приносили свои соболезнования.

На обеде, когда попытался уединиться от своей группы, Оути Ёсио снова подсел к нему. Сёго взглянул на него с легко читаемой неприязнью, что уже было нарушением этикета, но Ёсио легко проигнорировал немое предупреждение. Его прямо распирало от новостей.

— Кагосима-сан, примите ещё раз мои официальные соболезнования! — Сёго снова официально кивнул, как бы признавая слова Ёсио, но не желая продолжать разговор. Настырный Оути, тем не менее, заговорщически придвинулся к нему и почти шепотом сообщил:

— Вчера, после нашего разговора я видел, как Фудзивара имел разговор со своим отцом! И он до сих пор не принёс вам своих соболезнований, хотя уже вся школа знает о постигшей Вас и ваш клан трагедии! Кагосима Кацу-

сан был восходящей звездой боевой магии! И так глупо погибнуть из-за некомпетентного приказа какого-то Фудзивара. — Ёсио с сожалением покачал головой.

«Да ты что, следишь за мной, что ли?!» — внутренне взвыл Сёго. «Тебе-то какое дело, кто мне принёс соболезнования, а кто не стал этого делать? Да девяносто процентов кадетов знать не знают про клановые дела! Это их вообще никак не касается. Хотя то, что Фудзивара даже в его сторону не взглянул — это надо запомнить!»

Весь день, и весь следующий день Сёго присматривался к ранее не интересовавшему его кадету — Фудзивара Кадзуо. Тот, действительно, и не думал обращать внимание на Кагосиму Сёго, хотя активно общался со своим единственным другом — Минамото. Что совсем не понравилось Сёго, так это то, что Минамото соизволил принести положенные слова соболезнования на следующий же день, как новость разошлась по кланам, а Фудзивара, даже продолжая общаться с ним и, наверняка зная об этом, даже особо не глядел в его сторону.

Оути продолжал подливать масло в костёр всю неделю, словно что-то задумав, и зачем-то желая втянуть в конфликт Кагосима и Фудзивара. Сёго сдерживался, следуя кодексу Бусидо, и мысли, что для мести всегда есть время — да и за что мстить Фудзивара Кадзуо, пока было не совсем понятно. За пренебрежение официальными процедурами?

Однако зерно неприязни было посеяно в благодатную почву и грозило перерасти в древо ненависти когда-либо. Теперь Кагосима и его группа чаще стали обращать внимание на Фудзивару и Минамото и мысленно фиксировать их поведение и странности.

Через некоторое время, когда закончился траур, Кагосима решил расценивать поведение Кадзуо как пренебрежение этикетом, и следовательно — завуалированное оскорбление лично ему, а также всему клану. Но формально придаться было не к чему.

Ещё стало понятно, что у Фудзивары и Минамото серьёзные покровители как внутри школы, так и снаружи, и нарываться на конфликт, не имея хорошего повода или плана, как избежать последствий или потери лица — не стоит. Необходимо выждать, и не связываться преждевременно с этой парочкой.

Примечания к главе 11

Сампо — самоподготовка. С 16:00 до 19:00

Глава 12 «Он был мне больше, чем родня — он ел с ладони у меня»

За последние пару месяцев общешкольный рейтинг сладкой парочки — Суслика и Хомяка — значительно вырос. В основном, конечно, усилиями самого Суслика. Он даже взял на себя задачу подтянуть ОФП разленившегося было приятеля, который утверждал, что дамы его и так любят. На резонный вопрос, каких дам, которые его любят, конечно кроме ниисан он может сходу назвать, Хомяк надулся как мышь на крупу, завернулся в одеяло и сказал:

— Ты стал очень, очень, очень жестоким, аники!

— Посмотри на эти нежные пальчики, — из-под одеяла вытянулась одна рука, на которой оказались действительно нежные и холеные пальцы. — А теперь посмотри на свои грабли, скотина бесчувственная! Ими можно гвозди из стены дергать!

Тут Суслик внимательно посмотрел на протянутую руку. Что-то было не так.

— А теперь посмотри на эти нежные ножки!

Из-под одеяла вытянулась тощая пятка.

— Эй, ты что, там маникюр и педикюр делаешь? — разозлился Суслик и сдернул одеяло с кровати. А вместе с одеялом полетел и Хомяк. Так же оттуда высыпался целый маникюрный набор и разлетелся по полу.

— Заканчиваем нытье и гейство, на зарядку — шагом-арш! — для ускорения Суслик пнул Хомяка, и тот кубарем покатился в сторону шкафа с формой.

— Пять минут на сборы. Если не успеваешь, в развалины попадешь прямо так.

Хомяка проняло, так как он уже давно убедился, что Новый Суслик слов на ветер не бросает. Если сказал, что потащит прямо в трусах, значит потащит. И будет потом объяснять, как это закаляет настоящего мужчину и почему быть только в одних трусах — это еще одно противостояние с природной стихией. Мол, был он как-то в Камбодже, так там вообще приходилось без трусов ходить!

Хомяк тактично не стал спрашивать, что мог делать наследник рода Фудзивара в мирной Камбодже без трусов — по его сведениям, Камбоджийский Протекторат был довольно мирным, а находящийся там с середины прошлого века гарнизон занимался тем, что гонял чертей и каких-то шумеров. Или кумиров? Хомяк не помнил название этого народа. «Видимо, Пол Пота, прославившего кхмеров на весь мир, тут тоже не существовало. Может оно и к лучшему...» — подумал Вал.

* * *

Они прошмыгнули по пустому коридору как тени, спустились по пожарной лестнице, и Суслик утащил друга на очередную тренировку по паркуру, которая прочно вошла в жизнь Хомяка как самое нелюбимое занятие.

Сначала они дали круг по развалинам, разогреваясь. Потом салочки в стиле «догони меня кирпич», где, к большому сожалению Хомяка, навыки Суслика превосходили на порядок его собственные, и, к большому сожалению Суслика — это именно Хомяку приходилось сводить синяки в медицинском кабинете. Хомяк искушал Суслика поддаться ему, но тот всегда говорил, что для лучшего друга ему даже себя не жалко!

Затем наступала «засадная» часть — Суслик прятался на максимально открытом пространстве — двор, разрушенный подвал без крыши, куски торчавшего из земли здания с минимальными перекрытиями — а Хомяк с биноклем должен был его отследить.

Потратив на все про все около часа или полутора, они заканчивали опасные игры пробежками в слепой зоне камер и имитацией снятия часовых. На КПП об этом знали, но игре не препятствовали, а даже ставили деньги не то, кто заметит «диверсантов».

В этот раз, добежав по густым теням до КПП грызуны увидели странную картину. За воротами стоял огромный джип Лексус. Около него отирался Хорёк и о чем-то разговаривал с пассажиром на заднем сиденье. Получив из рук незнакомца свёрток, он склонился в почтительном поклоне и стоял так, пока автомобиль не развернулся и уехал.

Не сговариваясь, друзья решили проследить за Хорьком. Тот спокойно пронёс свёрток через КПП, предъявив какую-то бумагу бойцам, стоявшим в это время в охране, и направился к жилому корпусу.

Новоявленные ниндзя продолжи следовать путем теней, не отставая. Когда Хорек скрылся в здании, они торопливо оббежали его вокруг и с биноклем закрепились на дереве напротив окна Хорька.

В бинокль смотрели по очереди, вырывая друг у друга.

Вот Хорек входит в комнату и включает свет. Свёрток он положил на письменный стол, и стал раздеваться,

внезапно для наблюдателей.

— О да, ты давно ждал этой возможности! — сказал Суслик, протягивая бинокль Хомяку.

И хотя в душевых после спортивных занятий все друг друга не раз видели, Хомяк, поднеся бинокль к глазам, чуть не шлепнулся с толстой ветки. Он медленно краснел, но пока не спешил отводить глаз от невольного мужского стриптиза, чувствуя себя вуайеристом и открыв в себе какую-то новую, удивительную жажду смотреть на мир таким вот способом — никем не замечаемый, но раскрывающий всю неприглядную подноготную мира и его обитателей.

Тут заволновался уже Суслик. Началась опасная возня на ветке.

— Эй-эй, отдай бинокль! В темноте люди быстро теряют ориентацию, а ты мне еще как мужик нужен! Не вздумай превращаться в Чингачука из БТС.

— Это кто ваще такой, Чёкало? Щаз втащу, улетишь с ветки, и будешь как Тэнгу летать. Низенько и не далеко, но быстро!

— Рано тебе про такое знать! Ну-ка отдай бинокль, мне тоже интересно посмотреть, что там принес Хорек!

— О-о! Открывает!

— Бинокль отдай, Хомячище, кому говорю!

— Кто первый встал — того и тапки! Я страдал из-за мужского стриптиза, теперь я должен узреть грязные секреты Хорька!

— Думаешь, посылка из секс-шопа?

— Друг Суслик, я начинаю серьезно беспокоиться о тебе — откуда такие знания, на самом деле?! Ого, ого-го...

Тут более тактически грамотный и подготовленный Суслик обманным движением выхватил бинокль у Хомяка и прилип к окулярам.

— Ни-че-го себе! Это он что, задумал завершить начатое?

Товарищи посмотрели друг на друга. В коробке, которую сначала распаковал, а затем снова запаковал Хорек, предварительно вынув и проверив содержимое, находилось оружие. Хороший такой нож-ганто. И пистолет.

— Тактический нож и пистолет. Зачем он запаковал коробку и заклеил ее скотчем? — задал вопрос в воздух Хомяк.

— Хотел бы я знать, Хомячище. Если бы планировал использовать, то орудие надо иметь при себе. Не ровён час курсовой батька устроит обыск, найдет, и кранты.

— Суслик, ты упускаешь один важный момент — у него есть официальная бумага, с которой он пронес запрещенные предметы на территорию школы!

— Лицензия на убийство? Хорёк 007? Кого же он, по-твоему, собрался убивать?

— Ты, брат Суслик, иногда умный, а иногда — дурак-дураком. — Обиделся на приятеля Джунгарик. — Посуди сам: если есть бумага и его официально пропустили через КПП на территорию школы, получается, оружие официально находится у него и под учетом. Там же видеокамеры рабочие, и при проходе через КПП тебя обыщут, будь ты хоть сама принцесса Айко.

— Что, страдаешь по принцессе? Видел я, что ты там за кроватью прячешь! — Сказал Суслик. Хомячок отчаянно покраснел.

— И ничего я не страдаю, просто она такая... такая воздушная! И цвет волос — никогда у наших девочек такого не видел, — признался Синдзи наконец-то.

— Главное, ты не ТАКОЙ, — снисходительно потрепал его по плечу Суслик. — Всё, дозор окончен, на горшок и спать! Но теперь нам надо быть в два раза более осторожными!

С этими словами Суслик соскочил с дерева и ушел перекатом. То же проделал и Хомячок, и они вместе поспешили в общагу, теперь уже просто через окно, отрабатывая приемы проникновения.

* * *

Утром следующего дня Хомяк нервничал чаще обычного, а гиперактивный маленький Джунгарик нервничал всегда. Он все порывался куда-то бежать, что-то делать и кому-нибудь, желательно директору, обо всём рассказать.

— Да успокойся ты, я сто раз так делал — умирять деятельную натуру друга Суслик. — Сначала устанавливаем слежку за подозреваемым, грамотно проверяем его маршруты; замечаем — где он чаще задерживается. Потом планируем проникновение — навыки у тебя с твоими пакостями есть...

Тут Хомяк покраснел, потому что считал пакости — доблестной мстёй и ничего зазорного в том не видел.

— Обидно такое от тебя слышать, Суслик-кун, — уставился он своими оленьими глазами, на грани слёзопролития. — Ведь кто, как не ты, помогал мне планировать самые сложные и самоотверженные акты мести нашим врагам? Кто исполнял их вместе со мной?! — возопило блондинистое чудо.

— Ладно, солдат салагу не обидит. Да не очкуй ты так, я тебе говорю!

Всё равно весь день Хомячок, оправдывая своё прозвище, находился настороже. На утренней физкультуре он стал сзади Хорька, отважно потеснив подчиненных, и повторял за ним все упражнения, упорно глядя тому в затылок. На завтраке, обеде и ужине, он старался сесть к Хорьку и подхорькам как можно ближе, и постоянно смотрел в их сторону, так что те уже начали закипать. Быть бы ему битым, если бы Хорек сам не остановил своих вассалов. На удивление, Хорек и сам весь день был задумчивым, и тоже поглядывал в сторону друзей-приятелей.

Обе стороны небезосновательно ожидали разрешения кризиса. Впрочем, для Суслика это было неожиданностью. Вечером, незадолго до отбоя, к ним в комнату постучали. Хомяк моментально забрался под потолок над дверью и приготовил увесистый камень, который он нашел на улице. Суслик же проверил ручку от швабры, стоящую около двери и крутанув вокруг руки поставил обратно.

Аккуратно открывая дверь, он просматривал каждый сантиметр пространства, готовясь отреагировать — схватить деревянный шест и отбить неожиданную атаку. При этом ногу он держал прямо около двери и отводил только вместе с дверью. Короче, был готов к любым неожиданностям.

Однако то, что последовало затем всё равно оказалось сюрпризом.

За дверь, примерно на расстоянии вытянутой руки, стоял один из вассалов Хорька — высоченный силач Акамацу Кёити. Он склонился в глубоком поклоне, а в руках у него был тот самый подозрительный свёрток, в котором, по предположению Хомячка, хранились орудия, их с Сусликом, убийства!

Свиток Акамацу держал на вытянутых руках.

Услышав, что дверь открылась, он, не поднимая глаз еще выше поднял сверток, протягивая его Суслику.

— Глубокоуважаемый Фудзивара-сан! Кагосима-сан в знак примирения и в расчете на дальнейшие отношения просит передать вам уверения в своем искреннем почтении, желание загладить возникшие в последнее время недоразумения, и глубокую признательность за ваше сдержанное поведение. Примите в качестве знака искренности этот скромный подарок — нож знаменитого русского мастера Бушуева, и пистолет с двойным комплектом патронов! Так же Кагосима-сан рассчитывает на плодотворное сотрудничество в рамках команды на Императорских соревнованиях и уверен, что указанное сотрудничество будет, несомненно, желанным для всех сторон. — Все ещё не разгибаясь, проговорил Акамацу.

Протокольная часть Кадзуо возобладала над офигевающим Валентином. Суслик церемонно поклонился в ответ.

— Уважаемый Акамацу-сан, — с трудом вспомнил имя прихвостня Суслик — с большой благодарностью принимая этот подарок, я, увы, не смогу отдариться соответствующим образом в связи с известными обстоятельствами. Передавайте Кагосима-сан моё искреннее почтение и желание встретиться, чтобы обсудить возникшее недопонимание.

Акамацу выпрямился, и совершенно протокольным голосом продолжил:

— Такое же желание выразил и мой господин, Кагосима-сан. У него осталось еще одно предложение, которое он готов передать Фудзивара-сан только приватно.

— Если это устраивает вас, господин Кагосима выписал свободную увольнительную на трёх лиц, и приглашает Фудзивара-сан и Минамото-сан на ужин в ресторане в Китакою.

Суслик уже откровенно ничего не понимал, поэтому взглянул вверх, словно выискивая ответы на потолке комнаты. На потолке ответов не было, там тоже царил всеобщий офигение. Внезапно в глазах у Джунгарика что-то мелькнуло, и он часто-часто закивал — соглашайся немедленно!

— Столь щедрое предложение надлежит принять с всевозможным смирением с моей стороны. Будет ли так любезен Акамацу-сан организовать нам с Кагосима-сан встречу около КПП, так как мы не имеем своих средств транспортировки, и, боюсь, сможем опоздать на запланированную встречу, чего делать никак нельзя, чтобы не показаться неблагодарными!

Акамацу снова глубоко поклонился:

— Кагосима-сан смеет надеется, что сегодня на 19:00 у вас нет никаких важных планов и вы могли бы уделить этой встречи пару часов. Он будет ждать у ворот КПП с оформленными пропусками, а за воротами вас будет поджидать машина господина.

Окончательно офигевший от такого поворота событий, Суслик закрыл дверь. Джунгарик соскочил со стены, совершив переворот в воздухе и чуть не впечатался в шкаф, не подрастив траекторию полета. Автоматически Суслик поправил приземление своего ученика и тот, разогнувшись, поблагодарил:

— Спасибо большое, а то с шишкой куда нам ехать?!

— А ты собрался, всё-таки, ехать? — задумчиво проговорил потирающий лоб Кадзуо.

— Если ты не хочешь окончательно испортить отношения со ВСЕМ кланом Кагосима, то принять приглашение придется. Даже если нас там рыбой фугу отравить захотят — горько усмехнулся Джунгарик. В истории кланов были нередки случаи, когда формально желавшие примирения кланы приглашали на дружеские

встречи своих давних противников, где с ними случались всякие смертельные неприятности.

Одна из таких поговорок даже вошла в историю — «отравился рыбой фугу», особенно когда умерший никогда такую рыбу не любил и не ел.

Суслик поморщил лоб:

— Пойдем сначала на подарок посмотрим.

Они занавесили окна, что бы никакие там ниндзя доморощенные не могли подсмотреть, приперли дверку стулом, чтобы курсовой не зашел со своими ключами.

Развернув сверток, они обнаружили подарочную коробку, в которой находились как раз те самые танто и пистолет. Джунгарик схватил пистолет и стал его вертеть в руках. Суслик внимательно осмотрел танто — очень профессионально и дорого сделано. Мельком взглянув на пистолет, он заметил кастомизацию — ему подарили вполне боевое, но офицерское оружие. Очень символичный жест и очень кстати ему сейчас. Валентин внутри Суслика чувствовал себя обнаженным перед лицом какой-то надвигающейся угрозы, о которой ему сигнализировали все жопные чувства.

И угроза эта была внешняя, а не игрушечная. Даже убийство, которое фактически совершил Оути, не шло ни в какой сравнение с чувством, вызываемыми мыслями потустороннего существа, которое иногда нашептывало ему про кровавую жатву, сердца врагов и много-много вкусных душ.

— Ой, смотри, а тут везде твой камон нарисован, — воскликнул Хомячок! — Крута-а-а! Вот бы мне такое!

Суслик внимательно осмотрел танто, вытащил клинок и усмехнулся. Цена подарка выросла в разы. Это, фактически, уже предложение о сотрудничестве. Камон на оружие ставится в современной Японии в том случае, когда предполагается его открытое ношение и применение. И если Суслик не ошибается, где-то в коробке еще и официально разрешение о нанесение камона именно на это оружие с серийниками и отстрелянными патронами.

Вал проверил подарочную коробку еще раз, и нашёл два пустых магазина, упаковку на 100 патронов и официальную бумагу от Императорской Канцелярии на право ношения и применения этого оружия любому члену клана Фудзивара.

«Мал золотник, да дорог,» — подумал Вал.

Встрече быть!

* * *

К встрече Суслик и Хомяк готовились основательно. Первый собрал и разобрал пистолет — это была модель Намбу М57 А1, весом почти в килограмм под 9 мм патрон Парабеллум. Мощная штука со слоновьей отдачей. Пожалуй, легкого Суслика могло просто снести.

Затем он проделал то же самое на скорость.

Постоял в разных позах, привыкая к оружию. Вытащил-вставил несколько раз оба магазина. Разобрал один из патронов из коробки и внимательно осмотрел капсюль, порох и пулю.

Пошел в санузел и там детонировал капсюль, закрыв всю конструкцию одеялом, сжег порох и, позаимствовав у Хомяка карманную ножовку по металлу распилил пулю и внимательно её изучил. Ничего нестандартного не обнаружил и признал подарок годным

Глава 13 «А где мой чёрный пистолет...»

Прежний Суслик лекции не прогуливал, а вот лекции частенько прогуливали и проветривали мозги мечтательного юноши. И это было более чем удивительно при его феноменальной памяти. Кадзуо теоретически знал, что большие калибры быстрее снимают магические щиты, но вот соотношение количества попаданий к эффективности щита — не запомнил.

Магический щит при отражении атаки делал мага бесполезным — держать два заклинания могли только аватары богов, поэтому обстрел считался эффективным средством в противостоянии обычного мага и обученного пехотинца. Суслик, лишенный даже стандартного щитового заклинания, мог рассчитывать только на оружие.

Танто — весьма опасное оружие против мага, если он подпустил тебя к себе на дистанцию удара. Защиты от медленного ножа нет, да и щит не абсолютный — щель в защите можно найти.

«Годится» — выдал свое заключение Валентин. «Берем с собой.»

Хомяк, тем временем, выдал свое собственное заключение:

— Если нас приглашают в ресторан, то я должен разузнать пути отхода. Пойду позвоню!

И ускакал звонить кому-то из своей довольно обширной родни. Так что даже если что и случится, их с Хомяком станут искать.

Довольный Хомяк прибежал за четверть часа до назначенного срока и с ходу выдал.

— Там всего пара мест, куда члены клана Кагосима могут зайти без потери лица официально. И я разузнал про их планировку и где они находятся, и как, в случае чего, их безопасно покинуть.

— Пума, — догадался Суслик. Хомяк пожал плечами:

— У них подготовка к визиту микадо, вот они и стараются, подыскивают всякие рестораны. Наш Император везет с собой принцессу Айко, — при этом выражение лица у него стало глупое-глупое, но счастливое, как у всех влюбленных.

— Им же надо будет куда-то сходить! — закончил Джунгарик свой вывод.

— Короче, что за рестораны?

— Оба принадлежат клану Ямана. «Терузуши» и «Тенсуши». По достоверным сведениям, Сёго часто посещает «Терузуши» из-за Шеф-повара Ватанабе!

— Что по входам-выходам?

— Здание двухэтажное, сам ресторана на втором этаже. Рядом стоянка. Есть несколько входов, как на первом, так и на втором этаже. При наличии физических способностей возможна эвакуация через окна — невысоко.

Хомяк продолжил:

— Кухня небольшая, но хитро спланированная. Зайти в кухню, не зная плана, можно только из зала. Практически тайный ход в соседнее здание. На картах не отмечен. Ямана используют его для своих делишек. Там еще лав отель рядом, который тоже они курируют. В основном, водят иностранцев, но есть помещения и для своих.

— Охрана?

— Стандартная. Клановые под видом якудза. Кулаки, магия, танто. Для решения проблем хватает.

— Понял. Расклад такой. Чует моя жопа, что едем мы поесть рыбы фугу. Поэтому ничего не едим, что не попробует Сёго. Если с Сёго будут люди из клана — значит устранение будет жестким. Если в ресторане они никого не тронут, то на обратной дороге могут изобразить что-то нехорошее.

Суслик задумчиво посмотрел на подаренное оружие. Он был уверен, что пистолет не подведет, а танто не сломается. И это было самое подозрительное. С навыком Валька он мог положить взвод спецназовцев в одиночку с таким оружием.

Оставалась проблема Хомяка, который тоже приглашен на смертельный ужин. Решение пришло моментально.

— Итак, кадет Минамото — слушай мою команду сюда, и очень внимательно. Мы едем в потенциально опасном окружении в потенциально смертельную ловушку. Гарантированно будет холодное оружие, возможен огнестрел. И я чувствую, что будет кровь. Надевай на себя сейчас ту форму под одежду, в которой тренируешься. Как только я скажу слово «АТАС», — произнес по русски Валентин, — Ты эвакуируешься через окно и бежишь в полицию, где просишь объявить военную тревогу.

— Понял-принял, — необычайно серьезно, но крайне воодушевленно, ответил Хомячок. В таких приключениях, где на кону твоя жизнь, ему участвовать еще не приходилось.

И даже если странное жопное чувство Суслика врет — то уже сама подготовка к этому приключению была по фану.

Он попробовал выпросить у Суслика что-то из оружия, что тому перепало, на что получил категорический отказ — дескать, он никого убить не сможет. Хомячок горестно вздохнул — это было верно. Когда он видел мертвую собачку или кошечку, он заливался горячими слезами. Когда его сводили на экскурсию в анатомическую

комнату, то потом два дня его нежная натура находилась в депрессии.

— На случай плана Б, какие у тебя заклинания в запасе? — поинтересовался Суслик.

— Могу щит держать, дальновиденье, и маленькую стрелу Амагерасу. Но только что-то одно и один раз.

— Неплохо, — задумчиво прокомментировал Суслик. — Значит держишь щит, сколько сможешь. Потом пятишься к окну и эвакуируешься. Я прикрою.

Ровно в 19 часов они вышли к КПП. Там уже лежали пропуска на трёх человек, а снаружи их поджидал никто иной, как Сёго — собственной персоной. Он стоял, облокотившись на белоснежное крыло Лексуса, и всем своим видом выражал тщетность бытия и брэнность всего сущего. Будда, достигший Nirваны. Не так, в представлении Валентина должны выглядеть будущие убийцы. Что ж, оставалось досмотреть представление до конца. Жопное чувство давало знать, что как только он сядет в этот Лексус, назад дороги не будет.

Танто и пистолет приятно грели душу, и хорошо, что их не стали останавливать на КПП. У Хомяка за пазухой был трос с грузиком-кошкой, который они использовали для тренировки в паркуре.

Обе высокие стороны поклонились друг другу:

— Приятно удивлен, Фудзивара-сан, позвольте предложить вам воспользоваться сей скромной колесницей.

— Взаимно рад нашей встрече, Кагосима-сан! С радостью приму ваше предложение!

— Рад видеть и вас в добром здравии, Минамото-сан!

— Ффффуу! — только фыркнул Хомячок.

С водительского места вышел шофер, который был представлен как Сусуми Танака, верный вассал рода Кагосима. Он открыл всем двери и рассадил гостей не широченном заднем сиденье, похожем на диван.

До ресторана домчались быстро — это действительно оказался «Терузуши». Всю дорогу Суслик делал вид что дремал и не участвовал в пикировке между Сёго и Синдзи. Вместо этого он устроился так, чтобы видеть дорогу впереди и сзади в зеркалах. Используя фотографическую память Кадзуо, Валентин проверял каждое свое подозрение.

Они подъехали к ресторану и оставили машину с шофером на стоянке. Кагосима не хотел, чтобы его вассал услышал что-то. Из чего Суслик сделал вывод, что будет сделано какое-то предложение. Однако, чем ближе к ресторану, тем больше сигналов подавало жопное чувство. Он снова почувствовал запах горящей плоти, болота, гниющая листва и железистый привкус на языке.

Хорёк сразу направился на второй этаж, где их проводили в особый кабинет для VIP-персон. Обслуживали дорогих гостей сразу три официантки в традиционном образе японских гейш. Шеф-повара Ватанабе сегодня не было, но было заказано его фирменное блюдо, выдержанное сакэ и традиционный японский чай матча в любых количествах.

Суслик немедленно вышел в туалет, сославшись на длинную дорогу. Официантка проводила его в комнату раздумий. В коридоре, стилизованном под японскую старину, было несколько узких окон. Через них была хорошо видна автостоянка, где находилась машина Кагосима. Когда Суслик вернулся назад, он сел рядом с Хорьком и начал спокойно есть закуски, расставленные на столе, совершенно не обращая внимания на шокированного Хомяка.

— Скажите, Кагосима-сан, есть ли у вас оружие?

— Вы застали меня врасплох, Фудзивара-сан. Нет, кроме церемониального ножа я не имею право носить с собой оружие.

Суслик замолчал на некоторое время. Тогда Сёго решил приступить к тому, ради чего он затеял все это мероприятие.

— Вы знаете, Фудзивара-сан, я был крайне раздосадован вашим поведением всё то время, что имел честь вас знать в кадетской школе. Должен признать, моя последняя попытка помешать вам участвовать в Императорских соревнованиях в моей команде была очень некрасивой...

Суслик с отсутствующим видом слушал, как Хорек выворачивался на изнанку и пытался подольститься так, чтобы это не выглядело грубо и вопиюще нетактично. Стандартное японское поведение. Здесь, вместо того, чтобы предложить мир-дружбу-жвачку, стороны намеками, полунамеками и предположениями крутятся вокруг-да-около часами. Еще и внимательно следят за выражением лиц собеседников. Что сейчас и происходило.

Он понял, для чего Хорёк организовал поход в ресторан, для чего подарил оружие: хотел замирился с ним и Хомяком, после того как Суслик себя показал с лучшей стороны. Да и победа в соревнованиях на бронемашинах, что сначала показалась Хорьку подлогом, стала дополнительным плюсом в его глазах. После отчисления Оути команда Хорька охромела, а ему отчаянно нужен был полноценный и деятельный коллектив. И всё последующее поведение Суслика и Хомячка подсказывало, что он где-то сделал ошибку. Которую надо было исправлять — и

либо переговорами и подарками, либо своей честью. В клане Кагосима очень серьезно относились к достижениям и неудачам своих наследников, и Сёго ставил на карту всё.

Внезапно с улицы послышались хлопки.

— Ваш водитель мёртв, Кагосима-сан, — продолжая вкушать достойные самой высокой похвалы суши с тунцом, сказал Суслик. Эта новость словно обухом по голове ударила Хомячка и Хорька. Те буквально застыли с палочками у ртов.

Суслик же хладнокровно достал из-за пазухи пистолет, обоймы из карманов и танто откуда-то сзади.

— Раздевайся, — бросил он застывшему Хомячку. — Официантки, брысь! Испуганные девушки в своих сабо засеменили к тайному проходу из комнаты.

Хорёк с разинутым ртом наблюдал, как Хомячок избавляется от форменного пиджака и брюк, оставаясь в тренировочных шортах и майке. И разматывает с пояса прочный шнур с кошкой на конце.

— Умеете ли вы держать щит, Кагосима-сан? — обратился Суслик к Хорьку. Тот судорожно закивал головой, глядя как Суслик перематывает свою голову черным шелковым платком так, что остались видны только глаза.

— Слушай мою команду, кадеты! — Из-за повязки голос звучал глухо и угрожающе. Будто говорил командир наемников перед штурмом позиции врага. — Блокируйте щитами первые выстрела. Затем я вас прикрою — сразу эвакуируйтесь через окно. Команду повторить!

Кагосима и Минамото четко повторили все сказанное ранее Сусликом, хотя и выглядели столь шокированными, что им можно было без грима в кабуки играть.

Суслик избавился от лишней одежды, оставшись в черной майке, черных шортах и черной импровизированной балаклаве. Заткнув пистолет за резинку шортов, дополнительные обоймы он рассовал по пришиты к майке карманам.

Затем, как заправский ниндзя, прилепился к притолоке над дверью, одной рукой воткнув танто в потолок, а ногами опираясь на косяк двери. И так и застыл.

Двер в VIP-лаунж распахнулась от удара, и на пороге показался грузный бородатый дядька в камуфляже. Типичный европеец с автоматом Узи в руках.

Случилось два события сразу — Суслик, с диким криком «АТАС» спрыгнул прямо на дядьку. Сидящие за столом Хорек и Хомяк рефлекторно подняли щиты, на которые обрушилась автоматная очередь.

Больше ничего дядька сделать не успел, оседая на пол. Суслик, хладнокровно упершись ногами в окровавленный череп, вытаскивал из темечка убитого танто. В голове Суслика били центральноафриканские там-тамы, обтянутые кожей врагов. Измазанные кровью воины колотили пустотелыми бамбуковыми палками по человеческим черепам. Гудело пламя огромного костра, принимающего человеческие жертвы.

— Вам что, особое приглашение нужно? — свирепо выкрикнул тощий школьник, только что убивший наемника.

Отрицательно мотнув головой, Хомяк метнулся к окну, выбил его, обмотал вокруг рамы веревку и жестом подозвал Хорька. Вдвоем они быстро спустились по шнуру и дали деру в сторону полицейского участка.

Теперь можно было вздохнуть спокойно. Суслик полностью передал управления Валентину. Тот, напевая по-русски песню «Вот пуля пролетела и — ага...», аккуратно двинулся по коридору. Спрятаться, на первый взгляд, было негде. Суслик подпрыгнул, подтянулся и залез в небольшое пространство между декоративным потолком и крышей здания. Закрепившись, он пропустил под собой пару наемников.

Он дождался, пока те пройдут подальше, и быстренько спустился обратно. Двое наёмников зашли в VIP-кабинет, и сейчас удивлённо смотрели на труп своего товарища и выбитое окно. Суслик незаметно подошёл к ближайшему бойцу, с подшагом ударил ножом в печень, затем под колено. Мужчина завалился мешком. Не останавливаясь, Суслик сделал крутой разворот и нанёс удар еще тёплым от чужой крови танто в спину второму ублюдку, прямо в сердце.

Не теряя времени, Суслик подошел к раненому и хладнокровно вонзил нож в подбородок, достав до мозга. Надо было пошуметь еще, чтобы дать пацанам время уйти. По дороге в ресторан он заметил два автомобиля, следовавших за ними почти от самого КПП. Потенциально это восемь-десять человек.

Суслик наклонился к врагам и затрофеил гранаты, разгрузку, автомат и пару обойм к нему. Нашел на удивление хорошие метательные ножи. Задумчиво прицепил к разгрузке.

— О, командирские с секундомером! Давно такие хотел! — Совершенно не стесняясь, снял с руки бородача, убитого первым, часы.

— Должны хватиться, перегруппируемся!

Услышав топот в коридоре, новоявленный ниндзя выстрелил в сторону приближающихся врагов из пистолета. Тяжёлая пуля пробила бумажную японскую стену и нашла свою жертву! В коридоре раздавались дикие крики и матюки на английском. Не дожидаясь появления поклонников своих талантов, скромный Суслик решил ретироваться. Воспользовавшись оставленным тросиком, он выпрыгнул в окно. Краткий миг полета, рывок, и, на

миг зависнув в воздухе, Валентин изменил траекторию полета тела и влетел в окно первого этажа ногами вперед. Стекло осыпало его бритвенно-острым дождем, а солнце подсветило эффектный выход из переката. Поднявшись и отряхнувшись, Суслик с недоумением увидел разбегающихся от него во все стороны с дикими криками людей.

— Не такой уж я страшный, — сначала обиделся чуткий мальчик-паинька. Выпавший из зубов нож звяком подтвердил, что да — совсем не страшный. Покачивающийся на ремне, перекинутом через шею, УЗИ подтвердил — просто зайка плюшевый!

Распугав своим эффектным появлением обслуживающий персонал, Суслик побежал в сторону выхода, стараясь все время оставаться в тени. На бегу он зубами вырвал чеки из обеих гранат, и бросил одну в сторону лестницы на второй этаж, а вторую в направлении главного входа.

В голове играла тяжелая музыка, а неизвестный покровитель возбужденно дышал в уши. Убийства пробудило его, и теперь он жаждал крови еще больше.

По расчетам Валентина — из строя выбыло шесть человек. Значит, осталось ещё минимум два боевика.

Не став идти на пролом, он вернулся обратно к точке входа через разбитое окно. В здание уже выла пожарная тревога, на улицах были слышны сирены автомобилей экстренных служб.

Суслик обежал здание и, прячась в тени припаркованных автомобилей, стал перемещаться по-пластунски туда, где по его расчётам стояли автомобили боевиков. Внезапно, со своего места с пробуксовкой стартанул какой-то представительский лимузин — вероятно вездесущий лексус.

Из-под машины, служившей ему укрытием, он увидел ноги в военных берцах — человек стоял на одном колене. Судя по позе — целится поверх капота. Уже легче. Школодиверсант тихо пополз назад, за спину боевика, прикрывающего отход лимузина. Пока Суслик выбирал момент, чтобы напасть, прогремел мощный взрыв. Пожар в ресторане добрался до газовых баллонов. Наёмника взрывной волной повалило на землю, и он оказался совсем рядом с Сусликом. Валентин очень хотел бы допросить его, но понимал, что полиция уже близко, следовательно, допрашивать всех будут именно они. И пустил упавшему пулю в голову, под одобрительный бой барабанов у себя в голове, глушивший любые доводы разума, кричавшего не убивать свидетеля.

Гул в голове стих. Вернувший себе возможность рационально мыслить Суслик аккуратно избавился от всего оружия, что ему не полагалось, и пошел сдаваться.

Фудзивара Кадзуо доставили в участок в наручниках, с заломленными за спину руками и без оружия. На скамейках, завернутые в одеяла, сидели Хорек и Хомяк. Висевший в руках спецназовцев Суслик церемонно кивнул Хорьку и сказал:

— Я принимаю ваше щедрое предложение, Кагосима-сан. Позаботьтесь о нас.

Сёго только кивнул, все ещё пребывая в шоке от происходящего.

Глава 14 «Считать по нашему, мы выпили немного»

Родительский день в кадетской школе был одним из главных праздников. В этот день всем учащимся давались увольнительные. После того, как мать Суслика исчезла, а отец умер, мальчишка убежал от своего горя в руины старой крепости, где наслаждался одиночеством. Но ему больше не хотелось оставаться одному. Впрочем, он бы при всём желании не смог, ведь Валентин обитал прямо в его голове. Но дело было не только в вынужденном соседстве. Ему просто хотелось... чего-то. И Валу хотелось «кое-чего». И поэтому они вместе решили повторить штурм библиотеки, чтобы, наконец, добраться до Совушки — раз уж Ласка строит из себя такую недотрогу.

Но всем планам Суслика помешал Хомяк. С самого утра он напрыгнул на лениво потягивающегося Кадзуо и восторженным шёпотом сообщил:

— Сегодня ты идёшь с нами!

Помня о важности одеяла, Суслик мёртвой хваткой вцепился в постельную защиту. Джунгарик, не переставая тянуть за одеяло, продолжил:

— Сестричка достанет тебе пропуск. А с ней можно будет сходить знаешь куда? Знаешь?

Воображение Валентина услужливо подсунуло полутёмную комнату, прикосновение прохладных пальцев к коже груди и... полетевшие на пол швабры из комнаты для уборщиков. Там однажды был пикантный эпизод в жизни молодого солдата и старшей по званию и возрасту Лимонки. Взрыв тогда случился преждевременно, но пострадавший ни о чём не сожалел.

Хомячок не стал уточнять, куда можно сходить с его сестрой, но Вал с Кадзуо сошлись на лав-отеле. Рассудив, что кошечка ничуть не хуже птички, а скорее даже лучше, Суслик моментально на всё согласился, и был готов к выходу быстрее, чем обычно. На КПП их уже ждали.

— Можешь опустить бровь, а то так и останется навсегда, — сказал Хомяк, расплываясь в улыбке. Ведь навстречу им шли две лучших девушки на свете — Ласка и Пума, огонь и огнище.

Обнимашки с сестрой заканчиваются у Хомяка всегда одним и тем же —

промеж грудей дышать стало нечем, тонкие ручонки взвились вверх, словно флаги, и парень затих. Но Пума знала, когда пора отпускать. Тем более, ей совсем не хотелось, чтобы этот малыш напускал слюней на платье, в кои-то веки надетое с определённой целью.

Суслик в следующее мгновение понял, что цель это он, смутился, и тоже решил не пускать слюней. По крайней мере, пока.

Обычно собранные в шиньон волосы Ласки сегодня струились огненным потоком, плавно заканчиваясь у бёдер.

«Негуманный разрез», — подумал Суслик, застряв взглядом на ноге медсестры. Солнце как раз позолотило её кожу лучом, как по заказу.

Пума не выдержала такой подставы, сощурила глаза в небо и толкнула Суслика:

— Сегодня ты с нами, Фудзивара-кун. Отблагодари хорошим поведением.

Ласка взяла его за подбородок. Дрожь прошла волной по телу Суслика. Где-то внутри него часть Валентина усмехнулась и многозначительно закивала. В реале Фудзивара и впрямь закивал, чем вызвал довольный смех Пумы.

Она подхватила парней под ручки и смело двинулась вперёд, не забыв при этом бросить в сторону Ласки:

— Хорошее у тебя средство от порезов. Ни единого шрама. Поделишься?

Суслик не понял, о чём говорит Пума. Он не видел, во что превратился спортзал после того, как девушки устроили в нём драку. Не видел, как они лежали в осколках разбитых зеркал, а потом помогали друг другу вытаскивать стекло из боков и лиц.

Ещё он не понял, почему Ласка идёт с ними, но не имел ничего против этого. Зато сама Ласка была очень даже против! Ей совсем не хотелось делить Суслика ни с кем, а потому она собиралась запереть его в лазарете и... Но её фантазиям не суждено было сбыться. Она сдалась под напором Пумы, и — внезапно — Хорька. Выписала пропуск для Фудзивары, но с одним условием. Она должна присутствовать рядом с пациентом, ведь его до сих пор регулярно обследуют. Отпустить без присмотра, одного (как же!) никак нельзя. На самом деле сработал элементарный подкуп. Скучная зарплата медсестры не позволяла излишки, всё уходило на закупки протеина. Поэтому Пума обещала оплатить ВСЕ покупки женских штучек, которые приглянутся Китано.

Разомлевший от присутствия красоток Суслик тем не менее ощутил, как в воздухе подвисло напряжение. Этих дам определённо нужно сдерживать. Как бы чего не вышло. Хомяк вприпрыжку и размахивая руками доскакал до тонированного чёрного джипа и, как будто, так и надо, отворил дверь и полез внутрь. Так как передние сидения оказались теперь заняты, Суслик понял, что его ждёт.

Посередине, соприкасаясь бёдрами сразу с обеими девушками, Кадзуо покраснел и вспотел. Водитель вёл

автомобиль невозмутимо и аккуратно, несмотря на хомячьи подсакивания: «Вот-вот, сюда поворачивай!», «А, нет, туда!», «Глянь, вон та сволота в кабаке свернула, ух я им... Припомню!»

Суслик потянул ворот формы, чтобы немного расслабить её. Ласка восприняла это как сигнал к действию.

Клиенту плохо! Срочно проверить давление, дыхание, колоно... нет, это не надо, сердце! Вот. Это было самое важное. Ласка приложила голову к его груди, считая при этом пульс. Суслик, опустив глаза, осознал пикантность положения и едва не задохнулся. Пума с презрением глядела на сомнительное действие, сложив руки на груди.

— Только анализы тут брать у него не надо!

До Хомяка, слушающего вполуха, донеслось что-то непристойное и он обернулся.

— Да мы уже приехали. Давно мечтал о клубничном мороженом!

Кафе «Парфэ» пользовалось огромной популярностью у кадетов. В качестве официанток там работали ряженные неко-тян — девушки, одетые под кошечек.

Заказ принесли быстро, демонстрация декольте прошла на отлично.

Пума раздражённо повернула Суслика вместе со стулом к себе, и взгляд его автоматически упёрся в её третий размер.

— Милый, милый Кадзуо-кун! Я так благодарна тебе, что ты спас моего брата в той заварушке! Я не представляю, как бы жила без моего милого Хомячка.

По очереди Пума трясла Суслика и Хомяка, подвигаясь всё ближе и ближе, в конце концов коленями была захвачена нога «спасителя».

— Я слышана о твоих успехах, ты невероятен!

Ещё бы. Мало того, что идеально младше неё, совсем как братишка, в меру худосочен, совсем как братишка, так ещё и силён! Ну, тут не как братишка. Из него выходил идеальный парень для Пумы, и при этом — не родственник.

Ласка резким движением стрёбла мороженое всех троих к себе. Глаза нехорошо сверкнули, так что Пуме пришлось отпустить колено Суслика и побороться за еду. Ну как побороться. Пространство между девушками звякнуло, запахло озоном. Где-то на невидимом уровне высокой магии столкнулись две силы. У Хомяка на ногах волосы встали дыбом, Суслик сосредоточился. Противостояние длилось буквально несколько секунд, но стало ясно, что силами померились, оценили друг друга, Хомяк чуть не навалился в штаны, значит Пуму бояться стоит. Сам же Суслик, приняв на веру холодный расчёт Валентина, спокойно наблюдал.

Мороженка была возвращена на места. Хомяк наконец набросился на сладость. Редкая клубника, скрещенная с ежевикой, давала уникальные плоды с незабываемым ароматом. Из них и был сварен густой красный сироп, которым Хомяк измазал не только щёки и рот, но и свои светлые волосы. Заметив неподобающий вид брата, Пума потащила его, словно малыша, блокируя жалкое сопротивление и, не взирая на писк, в женский туалет — отмывать неряху.

Ласка выбрала себе мороженое в форме сердца, словно лежащего в ладонях из нежного хрустящего теста. Сердце было покрыто прозрачной глазурью сладкого глянца, и когда Ласка легкими постукиваниями ложечки пробила корку, обнажив белоснежный пломбир, глаза оставшихся за столом встретились.

Суслику показалось, что его оборона прорвана, а он даже и не хотел сопротивляться. Аромат её кожи, пристальный взгляд, под которым чувствовал себя голым, эти её поглаживания пальцами длинной ручки десертной ложечки, — и возбуждение не заставило себя ждать.

— Почему ты выбрала сердце? — Неожиданно для себя спросил Суслик, видимо решив, что надо начать подкат.

Ласка провернула ложечку в пломбировке, набрала, медленно поднесла ко рту... Точнее, в глазах Суслика это было медленно. На самом деле она просто ела мороженое.

— Есть такая легенда, — начала Ласка, недовольно глянув на вернувшихся брата и сестру, почему-то изрядно мокрых.

Платье Пумы, чёрная облегающая, выделило на её теле все изгибы ещё ярче, привлекая взгляды посетителей. «Да что ж это такое! — Суслик готов был взвыть, — я никогда не встану из-за этого чёртового стола!»

Где-то внутри довольно посмеивался Валентин, наблюдая за этой неловкостью.

— Есть такая легенда, — повысила голос Ласка, — сказка, конечно, я слышала её в детстве, — машинально девушка вынула откуда-то пакетик с вяленным мясом и, макая его в мороженое, продолжила, — про доброго Оками, предупредившего ёкаев леса о нападении отряда воинствующих Цутигумо. Паучье племя нарушило нейтралитет и открыло охоту на всякую мелочь. Волк Оками не смог убедить ёкаев бежать, а Цутигумо было слишком много. В это время в лесу заблудился флейтист. Оками явился человеку в истинном облике и уговорил помочь. Флейтист пустил в себя сердце Оками и сыграл музыку, отпугнувшую из леса всех духов. Когда же Цутигумо приблизились к границе, сердце Оками настолько обуюло человека, что тот превратился в меч Кумокири и неистово изрубил врага

на мелкие кусочки. Флейтиста дома ждала возлюбленная, но он не мог принять свой прежний облик. Он лишь приходил по ночам и глядел в окно, а с первыми лучами солнца оборачивался мечом и скрывался в лесу. Девушка стала печь пирожное в форме сердца, чтобы напомнить Оками о том, что где-то спит тело волка и ждёт возвращения сердца. Каждую ночь одержимый съедал испечённое сердце. И вот однажды...

— Он всё-таки зашёл в дом? Или девушка догадалась открыть окно или дверь? — не вытерпел Хомяк.

— ...к её дому пришёл громадный волк...

— Он её съел? — подпрыгнул Хомяк.

— ...и когда пришёл флейтист, сердце Оками покинуло его и вернулось в родное тело. Эта история о том, что наше сердце не всегда принадлежит нам целиком, иногда оно действует по велению высших сил.

Пума прицокнула языком, завидуя внезапному красноречию соперницы. Как зубы-то заговаривает, шельма! И история какая душещипательная. Надо срочно в чём-то доминировать!

Суслик тряхнул головой, сбрасывая морок странной истории. Хомяку не сиделось на месте, он вскочил и по ролям изобразил альтернативную историю Оками и девушки, смешивая Красную Шапочку и наивную постельную фантазию. Воспользовавшись растерянностью Суслика, Ласка протянула засунула ему ложечку с мороженым из сердечка прямо в открытый рот.

Двойственные чувства охватили Кадзуо. С одной стороны это было чертовски эротично, и Валентин хлопал в ладоши, с другой стороны, воспоминания о ледяном сердце Дзикогудая пробрали до мурашек. Головокружение настигло внезапно, и Суслик упал моськой в свой нетронутый десерт.

Хорошо, что Пума натренировалась на брате, и, уже вдвоём с Лаской, чуть не разорвав парня пополам между мужским и женским туалетом, оказали первую помощь Суслику, сунув того под ледяную струю.

Затем наступил черед Пумы кормить его с ложечки, пока Хомяк донимал Ласку, словно маленький мальчик: «Расскажи ещё сказку!» Закончилось это безобразие ровно в тот момент, когда попаданец начал звереть внутри подросткового сознания и отчётливо прорыл: «Ну маааам!»

Каори бросила ложку в металлическую миску, скорчила страшную гримасу, отчего у Суслика непроизвольно сжались ягодицы и он плавно утёк под стол.

Расслабляться предложено было в торговом квартале Симитори. Ласка шла впереди, выбирая, в какой магазинчик ей нужно, а Пума волокла за ней под рученьки ставших ещё худее после кафе кадетов.

— Сюда, сюда-сюда!! — завопил Хомячок в сторону игрушек для мальчиков, ведь именно в таких магазинчиках ему удавалось приобрести материал для издевательств над сокурсниками, но Пума, не отпуская локтя Суслика, забросила брата себе на плечо, и, без стеснения, продолжила путь. Бутик с косметикой дал возможность рассмотреть кожу Ласки максимально близко.

— Вот, посмотри, Фудзивара, а если вот такой оттенок?

Идеальная кожа, без единого шрама, нежно молочная, словно никогда не позволявшая солнцу ласкать себя дольше минуты в день, микроскопически светлые волоски над верхней губой и несколько крупинки пота, блестящие в них, заставили Суслика ощутить прилив крови не только к голове. Он кивал на все предложенные цвета, как и Хомяк, которому тоже задавался такой вопрос. К слову, когда эта рыжая бестия повернулась к нему задом и подошла непростительно близко к Минамото с фразой: «Может, тёмно-розовый лучше?» — Суслик понял, что ему изменили и бросили. До этого мгновения ситуация казалась ему масляной, и намазанной сверху маслом. Но теперь, когда проскочила мысль, что Китано Юки отдаст предпочтение Хомяку, а не ему, в голову ударила адская смесь. Каори, наблюдавшая за ним, подпирая дверной косяк, подняла бровь. Вот как, значит. Ревнует!

— Вот ты, Фудзивара-кун, в тонких материях же соображаешь, давай-ка духи понюхаем? Тут есть раздел магических ароматов.

Память Суслика не предложила никакой информации, поэтому мрачный ревнивец поплёлся за Пумой. Разве ей можно было отказать?

Хоть вывеска и гласила «Магия ароматов», но, по факту, никакой магией тут и не пахло. Свободная продажа эссенций ясновидения, повышения чувствительности и прочих — была запрещена. Как-никак за каждым магическим писк стоял какой-нибудь клан, охраняющий свои секреты. Суслику не понравился ни один аромат. Все они забивали настоящий запах девушки. Фудзивара мрачнел всё сильнее и сильнее, пока Пума в ярости не вытолкала его к выходу. Тем временем у кассы их уже ждали. Пума оплатила покупки, и компания двинулась дальше.

Немного осоловелый Суслик не сразу понял, куда все делись, и отворил шторку в примерочной. Одновременно он увидел и плавный изгиб обнажённой спины, длинные огненные волосы и то, что отражалось в зеркале.

— А-а, — прохрипел Суслик и убежал, чтобы потеряться в магазине женского белья.

— Боже мой! Он же никогда не видел так много женских трусов, он сейчас деморализован и способен на ужасы абсурда! — рвал на голове волосы Хомяк и хаотично носился по фойе.

— Я найду его, — прищурилась Пума, включив навыки передвижения во время боя.

— «Ниндзя и лифчики», — придумал Хомяк название неизданного произведения, с восторгом наблюдая, как Пума вытаскивает Фудзивару-куна за шиворот из скопления корзин.

Торговый квартал наполнялся покупателями. Мимо стеклянных витрин грациозно прошёл Хорёк, не удостоив бутик женской одежды даже взглядом.

Ласка была в ярости от того, что Суслик увидел её голой и сбежал. Ну увидел... Бежать-то зачем? Неужели не понравилось?

— Я сделаю тебе больно, — сообщила Ласка Суслику, когда Пума приволокла его обратно. — Сегодня у меня фактически выходной.

Недалеко от торгового квартала находилось публичное додзё, куда у военных был гарантированный пропуск в любое время дня и ночи. Чем себя еще занять молодым растущим организмам? Не сакэ же пьянствовать в компании с девицами пониженной социально ответственности и после этого безобразия нарушать.

Хомяк утащил Суслика в раздевалку, попутно арендовав защитное снаряжение для мальчиков. Когда Суслик неловко напялил на себя жилет, шлем, защитные щитки, его друг критически осмотрел бойца, поправил пару завязок и показал большой палец вверх:

— Это единственный способ не убить тебя. — доверительно закивал Хомячок.

В зале их уже ожидали. Пума оплатили час аренды, уже скинула обувь и разминалась. Ласка с неодобрением следила за соперницей, чьё платье не скрывало соблазнительных контуров тела и просвечивало минималистичное нижнее бельё.

Поманив Суслика рукой Пума скинула взошла на татами.

— Ой, как весело! — решил поддержать её братик, но улыбка сползла с его лица, когда на татами взошёл Кадзуо, будто в фиолетовом облаке скверного тумана мыслей.

Он подсмотрел то, что жаждал увидеть. И сейчас ему будут сворачивать шею. Тело Суслика ещё так слабо! Телохранитель императорской семьи и крутая медсестра.

— Усратья можно... — прошептал Суслик и попытался выполнить захват, тут же оказавшись на спине с заломленной рукой. Любые его попытки одержать вверх были пресечены. Он и с одной-то не справился бы, а с двумя и подавно. Хорошо, что девушки решили мутузить его по очереди. Пума поменялась с Лаской местами, вероятно, не выдержав прожигающего взгляда последней.

Невероятная сила Ласки оказалась неожиданной.

Снова Суслика безжалостно валяли по татами, несмотря на все попытки сопротивления. Однако Валентин и Кадзуо находили в этом определенный шарм. Девичье тело со стальными мышцами всё же оставалось девичьим, и, изображая неловкость, ему удалось вдоволь полапать пыхтевшую от напряжения Ласку — всё же боевой опыт не пропьешь, и Валентин время от времени одергивал себя, что бы не провести болевой или удушающий прием.

— Милый! Как кролик! — бросила Пума, наблюдая за боем.

Ласка вздрогнула и, внезапно соскочив с Кадзуо, поднялась.

— Ты достаточно наказан.

Если учесть, что Суслик старался не показать боевого самбо, а был сосредоточен на получении другого рода ощущений, а медсестра его всё-таки жалела, то повреждений он практически не получил. Так, пару синяков. Зато, каждый раз, оказываясь под ней, наш кадет вспоминал изгиб спины и то, что отражалось в зеркале, и взгляд его выражал: «Ещё!»

Теперь к этим воспоминаниям добавился момент, когда Ласка, сдвигаясь в сторону, выполняя приём, коснулась его щёк грудью. Отчётливое ощущение упругих сосков под розовым шёлком чуть не довело парня до кровотечения из носа.

— А теперь меня! Меня! — прыгал Хомячок, но так и не дождался приглашения к бою.

Второй бой с Пумой воскресил в Суслике инстинкты наёмника Валентина. По шее пробежались мурашки, и Фудзивара встретил противника достойно. Однако, долгое сопротивление без грязных приемчиков или ударной техники было невозможно по физическим показателям. Но он старался показать, что сопротивляется изо всех сил. Глядя на его жалкие попытки избежать захвата или выскочить из-под упругих бёдер Пумы, та, как настоящая кошка, начинала валять его с ещё большим азартом, и вуаля, клиент готов! Из носа у Суслика потекла тоненькая струйка крови. Как подозревал Синдзи, видевший уловки своего друга насквозь, отнюдь не от боли.

— Смотрите! Душа моего друга сейчас улетит! — заорал Хомяк.

— Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы, — пролепетал с закрытыми глазами Суслик, — не гасни, уходя во мрак ночной, — Пума насторожилась, думая, что это может быть заклинанием, и ослабила хватку.

— Встань против тьмы, сдавшей свет земной! — крикнул Суслик, воспользовавшийся секундным замешательством и перевернул Пуму на спину, добившись секундного превосходства.

Но даже эта секунда, когда Суслик оказался сверху, дала ему плюс пятьсот очков, как будущему избраннику

для Пумы. Да он могёт! Едрить-колотить, могёт! Когда хочет. Значит, из него может уже в скором времени получиться идеальный парень. Если не сильно много его кормить. Пума возмутилась, её кошачья сущность показала когти. Длинные ноги девушки взметнулись, обнажая трусики, чего Суслик не смогу увидеть, но Ласка, напряженно следившая за ходом боя, помрачнела. Затем убийственно стройные бёдра сомкнулись на шее парня, и Пума выскользнула из под него, оставшись без платья. В результате выполнения приема тот оказался зажат между коленями практически обнаженной девушки, уткнувшись носом в её прозрачные трусики. Сознание милосердно покинуло тело. Из носа обильно пошла кровь.

Испуганная Пума вскочила, освобождая поверженного и убеждая его дышать, и приготовилась делать ему искусственное дыхание. С криком, что здесь нужно вмешательство профессионалов, Ласка смахнула сексуальную маньячку с тела беспмятного мальчишки. И в засос принялась делать ему что-то, весьма отдаленно похожее на искусственное дыхание — но очень похожее на французский поцелуй. Параллельно она пыталась сделать ему непрямой массаж сердца, выскивая его в районе живота и постепенно спускаясь рукой ниже.

Пума быстро оделась, оправила помятое платье и отстранила соперницу от реанимационных мероприятий. Суслик как раз пришел в себя и с энтузиазмом в них включился.

— Всё, ты всмятку, — констатировал Хомячок безвольному телу, заботливо сгруженному ему в руки сестрой, которая осложнила ситуацию, обхватив обоих кадетов руками и потеревшись щекой о холодные щёки братика.

— Ты пахнешь, как зефир, воздушный ванильный зефир! — с восторгом сказала Пума, отстранилась и указала одними глазами на тело — Приведи его в надлежащий вид, Синдзи-кун. Мне хочется выпить.

* * *

— Ты тоже заметила? — шепнула Каори на ухо Китано Юки.

— А? — растерянно обернулась Юки.

— Сколько ходим, повсюду столько нелепой рвани с оружием. Надо быть настороже. Они даже не сильно скрывают стволы.

Ласка прищурилась. Значит то, что за ними уже некоторое время следит один кадет, Кагосима Сёго, Пума не заметила?

— И ещё один шпион. Но тут особый случай. Его положение... — добавила Пума, полностью реабилитируясь в глазах соперницы.

Наконец, словно восставший гуманоид в мире трёхполых кошек, из дверей появился Суслик, прижимая к глазу платок. Хомячок спешно торопился уйти подальше, чтобы у девушек не возникло желание повозить и его за компанию. Как бы не хотелось близости Ласки, но противник она серьёзный. Глядя на плачевное состояние Кадзуо, становилось страшно.

Каори смело завернула в квартал красных фонарей.

— Юки-тян, я готова оплатить тебе удовольствие в любом алом доме на твой выбор, — сфамильярничала Пума.

Из теней подворотен, как по волшебству, выросли зазывалы и принялись на все лады расхваливать свои заведения.

— Лучше бы мы подольше поиграли в хоккей, — икнул Суслик, вспоминая, как по пути сюда они зарулили в игровой центр, и он методично победил всех, благодаря знаниям и опыту Валентина. Настольный хоккей, подумать только! Тут тебе и тактика, и стратегия, и невероятное чувство превосходства. «Ещё бы танчики... Или сапёра», — смутил сам себя Суслик, пытаясь разобраться, что же он себе предлагает, и внезапно ощутил приступ экзистенциального кризиса шестнадцати лет.

— Опасное это место, — вмешался Хомяк, показывая в сторону на пару подозрительных личностей, в распахнутых куртках которых тускло блеснула оружейная сталь.

Пума хмыкнула и решительно вошла в питейное заведение.

— Саке!

Тёплое и ароматное было быстро подано, и так же быстро выпито.

Девушки пили молча, глядя друг другу в глаза. Суслик и Хомяк, будто два бамбука вытянулись за столиком, переводя взгляд то на одну, то на другую.

— Начинается, — обреченно сказал Хомяк, когда Каори с рыком махнула рукой, разбив пустую керамическую бутылку.

И вот Синдзи стоит, склонённый на тридцать градусов, извиняясь перед хозяином. И так пять раз, после чего отсчитал денежный эквивалент и предложил сестре освежиться.

Пума ухватила за ворот Суслика.

— Ты, Фудзивара-кун, сопроводи даму в стойло... то есть... в общем, идём.

— Эй, это же мужской туалет! — утонул голос Хомяка в музыке и гаме.

Пума прижала несчастного Кадзуо к стене, едва закрылись двери. После, нисколько не смущаясь, выгнала из кабинки мужика, наказав:

— Жди.

Тело Суслика потряхивало от предвкушения желанной близости. Но пока Пума была в кабинке, в туалет вошла Ласка, прижала к стенке Фудзивара-куна, дополнительно взлохматила и прижалась губами к его пересохшим губам. Если бы внутри Суслика была сигнальная система, то она бы сейчас орала. Ласка покинула его так же быстро, как и зашла.

Пума, открыв дверь, увидела влипшего в стену кадета с закрытыми глазами и запотевшими стёклами очков. Неожиданная оплеуха привела его в чувство.

— Эй! Ты же меня в мужской туалет привёл. Мне не привыкать, но всё-таки, будь внимательней. Я сегодня дама!

— Дама. Сегодня дама, — повторил Суслик, открывая перед Каори дверь.

Тем временем Ласка танцевала с Хомячком танго. Разрез на её платье был создан для этого танца. Суслик облизал губы и испытал ревность. Как в конце танца вместо Хомячка оказалась Пума, одному небу известно. Видимо ревность дело заразительное.

Суслик, в мелькающей светомызыке досмотрел танец двух девушек и понял, что Синдзи-кун уже стоит рядом с ним, выражая всем своим видом несогласие с сестрой.

Быть выгнанными из бара за непорядочное поведение — это же постараться надо было! И вот четверо наших отдыхающих уже глядят на огни портового района. Втягивая с воздухом солёную прохладу моря, затхлость влажных досок и романтику ветра, все хором вздохнули. Каждый думал о своём. Ласка — о матери, Хомяк — о Ласке, Суслик вспомнил одно из любимых стихотворений бабушки из детства наёмника Валентина, а Пума в голове разобрала и собрала пистолет, не забыв ни единой детальки.

— Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нём.

Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнём.

Голос Суслика прозвучал чужим, но вздрогнул лишь Хомяк.

— Ого! Ты написал? Это же про меня, да? Это же у меня глаза цвета морской волны? Мне сестра говорила, что тонет в моих глазах.

— Конечно про тебя, — отозвалась Ласка.

И как они оказались потом в том дешёвом портовом трактире, никто из них толком вспомнить не мог. Столы здесь пахли мылом, свет моргал, ставни скрипели, лишь sake по-прежнему был ароматным и тёплым, как грудь любимой женщины. Когда Хомячок, осмелев, потянулся за кружечкой, то Пума вырвала из его рук алкоголь, выпила, а после и опустошила всю бутылку с горла, и бросила её оземь.

Сзади неё выросла зловещая тень.

— Хочешь стать моей женщиной, черноглазая? — раздался хриплый голос.

В портовом трактире становилось жарко и тесно от людей в чёрном.

— Да как ты смеешь, грязное животное! — Начала Пума, постепенно зверея. Пьяно размахнувшись, она занесла кулак для удара, но её запястье перехватили и совершенно наглым образом стиснули в объятиях!

— Фуууу, — прошептал Хомячок. Он видел, как звероподобный детина полетел в угол.

— Почему хозяин не вмешивается? — спросил друга Суслик.

— Потому что это якудза, — ещё тише ответил Хомяк и уполз под стол, прихватив пакетик с маленькими зефирными шариками. Валентин профессионально оценил ситуацию и решил, что негоже мешать пьяным дамам развлекаться. Тем более, что своим вмешательством он бы только усугубил ситуацию — повторять вояж в сопровождении местного спецназа в их холодном фургоне, под прицелом полудюжины дул автоматов и с отбитыми почками он не хотел. А вовлекать в такие стрёмные эскапады ещё и хрупкого Джунгарика показалось ему в высшей степени неспортивным. Со вздохом он шепнул: «Живите, пока, гады!» И слился под стол к товарищу. Откуда и наблюдал за разворачивающейся дракой. Тем временем трындец приобретал феерический масштаб, а на Ласку тоже обратили внимание. Ласка пьяно огляделась, стряхнула с себя двух амбалов. Раздался хруст сломанной руки и душераздирающий крик ещё одного неудачливого ухажёра. Хомячок из-под стола запуливал зефирки прямо под ноги якудза, те смешно падали, но тут же получали вырубавший удар от Пумы.

Хрусть, и пополам! Шлёп! Бах!

В общей куче мала мелькали руки и ноги девушек, раздававших солидные плюхи боевикам гурэнтай. Внезапно прозвучал выстрел из огнестрельного оружия. Суслик напрягся и потянулся к ножу, готовясь вмешаться, но не успел. Потому что Ласка обеих их вытащила из-под стола за шкуру и лихо выкинула в окно, после чего выпрыгнула сама. Пума догнала их через пару секунд.

Вечерело. Асфальт уже охлаждал попы, полные приключений, но четвёрка продолжала сидеть на земле за рыбацкими лодками. Скоро начнут сиять звёзды. Надо возвращаться в школу.

Продлись мгновенье!

За соседней лодкой так же на асфальте сидел Кагосима Сёго и недоумевал, почему, ну почему сегодня Суслик такой обычный?

Примечания к главе 14

Существует три основных типа якудза — бакуто, тэкия и гурэнтай. Бакуто традиционно зарабатывали в сфере азартных игр и букмекерства, а также промышляли сутенёрством, махинациями в торговле, строительстве и сфере услуг. Тэкия занимались спекуляцией, торговали на рынках и ярмарках бракованной и контрафактной продукцией, а также вымогали деньги у владельцев магазинов, ночных клубов и ресторанов. Гурэнтай действовали преимущественно в местах скопления развлекательных заведений, где контролировали проституцию, продавали стимулирующие средства и порнографию, не брезгуя при этом мелкими кражами, выбиванием долгов и шантажом богатых клиентов борделей (также гурэнтай, несмотря на строгий запрет в оккупированной Японии на огнестрельное оружие, первыми отошли от традиционных мечей и стали применять для решения конфликтов пистолеты). (с) Википедия

Глава 15 «Утренняя гимнастика»

Вчерашний день ещё парил розовым туманом в голове, отдавался привкусом мороженого на губах, а из коридоров уже ломился в сонное сознание сигнал подъема. Грёзы рассеялись, а на их место, без спроса, влезла реальность.

В виде ворчащего Хомяка.

— Кто, кто это мог быть? Сюя? Хироки? И главное — как я не проснулся?!

По комнате, как тигр по клетке, бродил Джунгарик и заглядывал в каждый угол.

— Синдзи-кун, ты что такой странный с утра?

— Вот, полюбуйся! — он остановился и указал пальцем на свой лоб, где был выведен иероглиф: цума — жена.

— Неплохая каллиграфия, — заметил Суслик, с опаской ощупывая свою собственную «доску».

— Не переживай, поместили только меня. И знаешь, что?! Теперь это личное! Он поплатится! — возопил

Хомяк голосом киношных злодеев.

— Кто — он?

— Кто бы он ни был!

— В этом я не сомневаюсь. Иди, смывай, а то опоздаем.

Весь учебный день прошёл под гримасы Джунгарика — он щурился и кивал головой так, как будто всё знает про каждого встречного. И в этом была логика — за время учёбы он успел насолить многим.

Но вот занятия закончились, а провокация не дала никаких результатов. Всё что сделал Хомяк за день, это составил список подозреваемых. Он уже намеревался сегодняшней ночью начать «бить по площадям» — то есть устроить пакости сразу всем несчастным из списка, когда в их комнату постучали.

В дверях стоял Хорёк, спокойный и даже церемонный. Он спросил разрешения войти, и ему, конечно, разрешили.

— Господа кадеты, до соревнований остались считанные дни, а наша команда не слажена. Предлагаю провести командную тренировку. Я...

Но что он хотел досказать осталось тайной, потому что встрял Синдзи.

— А что ты делал сегодня ночью? — выпалил Хомяк, резко подавшись вперед.

Сёго аж отступил к стене.

— Спал, естественно!

— Тебя видели на нашем этаже! — продолжал провокацию Джунгарик.

— Что?! Ты сдурел, Минамото-кун?! — Хорёк шагнул вперёд, и стало очевидно, что он не врёт. — Прекрати эти idiotские шутки и немедленно тащи свою хилую задницу на КПП! Мы едем на полигон! Всех касается!

Хорёк глянул на Суслика и вышел, хлопнув дверью.

— Это не он, но наверняка кто-то из его девочек, — заявил Хомяк.

— Не важно. Собирайся, Синдзи-кун.

— Что? Ты собираешься поехать?

— Не просто собираюсь — я ещё и тебя собираю.

— После того, что было? Никогда! — он указал себе на лоб, где, по правде сказать, ничего уже и не было.

Хомяк скуксился, но Суслик пообещал его всю неделю называть Одзё-сама, и тот сдулся.

Через пятнадцать минут друзья уже были у КПП. Хомяк всё ещё хмурился и ворчал себе под нос, но влез в микроавтобус. Как ни крути, но Хорёк прав — без тренировок им нечего и думать о победе.

Когда Суслик сел в машину, то к своему удивлению, обнаружил внутри Ласку. Она сидела сзади со своим походным рюкзаком на коленях. И колени эти не были совершенно ничем не прикрыты — юбка доходила чуть дальше середины бедра.

— Юки-сан, — Суслик коротко поклонился.

— Садитесь рядом, кадет Фудзивара-кун, здесь как раз есть место, — она хлопнула рукой по соседнему сиденью.

— Конечно.

— Мне надо присматривать за вами, дополнительные тренировки так скоро после травмы могут вам повредить.

Суслик ничего на это не ответил и плюхнулся рядом.

Всю дорогу он старался благовоспитанно смотреть на подголовник переднего кресла, но взгляд его то и дело падал на белую коленку. На какой-то выбоине машина подскочила, и рюкзачок с медикаментами съехал к самому животу девушки, смяв просторную юбку и обнажив бедро.

Ласка будто и не заметила этого, а Суслик уже больше не мог оторвать взгляд. Выходил он из машины

последним и очень медленно.

На полигоне их встретил хмурый Ямана Оути. Скрещенные на груди руки, склоненная голова, нахмуренные брови, словом, весь вид его выражал презрение и недовольство тем фактом, что его оторвали от важных дел.

— Внеплановые занятия, господа кадеты, — слово «господа» Оути облил всем отпущенным ему богами сарказмом, — следует согласовывать заранее.

— Господин начальник полигона, позвольте вас на два слова, — обратился к Ито Хорёк и, взяв того за плечо, отвёл в сторону.

О чём они говорили слышно не было, но Сёго передал господину начальнику некий конверт и поклонился. Это, казалось бы, нехитрое действие возымело чудесный эффект — Орыч будто в горном ручье умылся: посветлел лицом и улыбнулся.

— Что ж, такое похвальное рвение необходимо поощрить — я сам буду проводить тренировку. За снаряжением, бегом марш!

Кадеты получили на складе каски, бронежилеты, разгрузки, муляжи гранат и обойм, а также автоматы Тип 89. Когда вся амуниция была надета и закреплена, то каждый боец прибавил в весе не менее пятнадцати килограмм.

Пока кадеты готовились, Ито вполголоса отдал какое-то распоряжение своему солдату, и тот убежал выполнять.

— У меня будет сюрприз для вас, в качестве награды за усердие, — объявил сержант, — а пока начнем с разминки — кросс по третьему маршруту, бегом марш!

Третий маршрут на полигоне был самым длинным — пять километров через лес, изобилующий низинами и холмами.

Хомяк отчетливо застонал, а Суслик только довольно сощурился. Он привык бегать налегке, но это всё равно не составляло для него большого труда. Тренировка начиналась как надо.

Лес встретил отряд прохладой и тенью. Солнце клонилось к закату, и под кронами деревьев уже было свежо. Кадеты бежали друг за другом и берегли дыхание. Только Джунгарик то обгонял одного-двоих, то откатывался назад — ему пришла в голову гениальная идея проверить подозреваемых во время кросса. Он осматривал руки на предмет следов от красных чернил, заглядывал в глаза, а то и лез с вопросами. И, конечно, выдохся первым.

— Оставьте меня, я их задержу! — Лежа на спине и раскинув руки, стонал Хомячок.

Откуда-то сбоку, как чертик из табакерки, выпрыгнул Ито.

— Внимание вводная — кадет Минамото подвернул ногу. Соорудить носилки и нести травмированного. Дополнительное время — две минуты, — сообщил инструктор и снова скрылся из виду.

— Но... я... могу... бежать — прерывисто проблеял Хомяк, внезапно осознав масштабы нарисовавшейся подставы.

— Заткнись уже, — прошипел Хорёк, а затем скомандовал, — Хироки-сан, достань веревку и спальный мешок, остальные — за жердями!

Кадеты разбежались по лесу в поисках подходящих деревьев.

Суслик как раз пробирался к тонкой осинке, когда увидел Ласку. Её белая блузка и синяя юбка отчетливо выделялись на фоне растительности. Девушка стояла на холме и разглядывала отряд.

Откуда она здесь? Инструктор-то ладно, он этот лес с закрытыми глазами пробежит, но медсестричка? Удивительное дело.

Тем временем Ласка повернулась к Суслику, помахала ему рукой и в два шага исчезла из поля зрения.

Суслик рванул за ней, одним духом взлетел на пригорок, но там её уже не было. Тогда он пробежал наугад сотню метров, но тоже безрезультатно. Он был уверен, что ему не померещилось, и всё же, медсестры нигде не было. Кадзуо двинулся назад, и когда стоял на том же месте, где Ласка была минутой раньше, когда сзади отчетливо хрустнула ветка. Он резко обернулся — девушка подходила к нему в полный рост и дышала ровно.

— Кадет Фудзивара-кун, дайте вашу руку, мне нужно измерить пульс.

Ласка приблизилась вплотную и взяла его за руку, и Суслик увидел, что она всё же немного вспотела — блузка в одном месте прилипла к груди, а на шее стали видны бисеринки пота.

«Она не могла прийти сюда просто так!», — билась мысль Вала в голове Суслика. В этот момент душа мужчины перехватила управление телом юноши.

Вал заглянул Ласке в глаза, медленно поднял свободную руку, провёл пальцами по бедру, задирая платье, поднялся до попы, чуть сжал упругую плоть и притянул девушку к себе.

— У вас растёт пульс, кадет, берегите дыхание, — сказала спокойно Ласка, но в глазах её плясали ехидные искорки.

Она вывернулась из его рук и отступила.

— Вас ждут ваши товарищи.

— Подождут, — хрипло сказал Вал, делая шаг к девушке.

— Нет. — Ласка указала рукой и глазами куда-то ему за спину.

Парень обернулся, но там никого не было, как не было перед ним и Ласки. Исчезла.

Суслик повертел головой, обогнул ближайшее дерево — никого. Со стороны тропы уже доносились голоса, там укладывали Хомяка на носилки — пора было возвращаться.

Кадеты несли носилки поочередно, но продвижение всё равно замедлилось. Хорёк перераспределил поклажу — те, кто шел с носилками освобождались от вещмешков и разгрузок, но они всё равно не вписывались в норматив. Сёго стиснул зубы, примотал ремнём свою руку к жердине и тянул изо-всех сил, пропуская очередь на отдых. Однако не рассчитал силы и к финишу выдохся.

Суслик сбился с темпа — его подводило воспоминание о прижатых бедрах, о мягкой и одновременно упругой попке Китано Юки. Из-за этого кровь в организме прилила совершенно не туда, куда надо, и в конце концов, Суслик тоже отстал.

Кадеты прибыли к финишу на три минуты позже норматива.

Их уже ждали инструктор и медсестра, причем, Ито отпускал явно нелицеприятные шуточки о кадетах, а Ласка благосклонно улыбалась.

— Плохо, — резюмировал Ито. — Двигаемся к полосе препятствий.

— Господин инструктор, — обратился Хорёк, — разрешите нам повторить кросс!

— Повторить?

— Да, мы сможем лучше!

— Смелое заявление, почему ты так решил?

— Мы здесь для этого. Для тренировки, для победы.

— Что ж, инструктор не может быть против тренировок, хорошо, начнем сначала.

Ито снял рацию и переговорил с кем-то.

— Сейчас сюда подъедет микроавтобус, и мы вернемся на исходную.

— Спасибо, господин инструктор.

Хорёк поклонился, а затем развернулся к команде.

— Вы хотите победить? — задал он риторический вопрос. — Тогда выкладывайтесь! На соревнованиях будет поздно!

Затем посмотрел на ожившего Хомячка.

— Минамото-кун, ты можешь унять свой идиотизм на время?

— Нет, он ведь питается от твоей самоуверенности — автоматом ответил Хомяк.

Сёго провёл ладонью по лицу, а потом неожиданно поднял руки.

— Хочешь командовать — пожалуйста. У кого какое снаряжение — знаешь? Кто может нести дополнительно десять килограмм, кто лучше всех стреляет, кто быстрее всех накладывает повязку? Если знаешь — командуй. Ну, будешь?

Хомяк глядел сначала с вызовом, но командовать он и не собирался, колкость была просто привычной реакцией.

— Нет, — выдавил он, стушевавшись.

— Хорошо. Так что насчет шуточек?

— Нет, я непреклонен, — Синдзи вновь поднял голову. — Кто-то сегодня утром оставил у меня на лбу послание, и я намерен выяснить кто.

— Но причем здесь мы?

— Может не причем, а может и наоборот!

— Это такая глупость, что мне даже нечего сказать. Хотя нет, есть чего. Как насчет клятвы юбкири? Для тебя она в самый раз.

— Я давно не ребенок!

— Но ведешь себя как младенец! Мы в одной команде, в одной лодке и на дно пойдём все вместе!

— Ладно, пусть будет юбкири!

Хомяк и Хорёк зацепились мизинцами и одновременно произнесли:

— Клянусь мизинцем, десять тысяч ударов тому, кто солжёт!

— Я ничего не рисовал у тебя на лбу, — заявил Хорёк.

— Верю, — ответил Синдзи и посмотрел на остальных. — Ну, кто следующий?

Двое стояли спокойно, а вот Сюя отводил взгляд, но потом решился и вышел вперед.

— Да, это сделал я!

— Ты?!

— Да! Крашенные ногти и фиалковые волосы я прощать не собираюсь!

— Что ж, тогда мы ещё встретимся!

— К твоим услугам!

Оба глядели друг на друга весьма воинственно.

— Накагава, не ожидал от тебя, — заявил Хорёк — с тобой мы поговорим позже. Занимайтесь своим идиотизмом, но только не в ущерб тренировкам, ясно?

Этот вопрос был решён, и Сёго повернулся к Суслику.

— Фудзивара-сан, а с тобой что случилось? Ты хорошо начал, а потом сдулся. Почему?

Отвечать было нечего, но Вал не собирался терпеть, пока его отчитывают как мальчишку.

— Я не сдулся, это ты тормозил, не сменяясь на носилках.

— Я?! А кто плёлся в хвосте? Мне что, тебя надо было поставить?!

Растаявшее было напряжение мгновенно вернулось. Хорёк заскрипел желваками. Он не привык решать вопросы дипломатией. Суслик отвечал ему тем же, и неизвестно как бы пошло дело дальше, если бы не вмешался Ито.

— Знаете, что лучше всего спаивает команду? Общий враг. И я с удовольствием помогу вам с этим. Во второй раз вы понесёте не хилого Миномото, а меня, и не половину пути, а две трети. А теперь — в машину.

Спустя четверть часа команда снова стартовала кросс. Кадеты бежали, а Ито отпускал комментарии о снулых рыбах и черепахах на отдыхе. Однако, когда он запнулся и картинно упал с криками «О нет, моя нога, моя нога» это даже всех развеселило.

В этот раз кадеты действовали слажено, в носилки впряглись не четверо, а шестеро, что снизило нагрузку на каждого в отдельности.

Ито развлекался — просил его бросить и передать жене, что он её любил. Кадеты, не знающие тонкого армейского юмора, поддакивали ему. А потом выяснилось, что он не женат и им сначала придётся подыскать для него подходящую невесту.

Хорёк следил за временем и исправно сменялся на носилках, даже Хомяк был настроен добежать в срок и героически молчал, хотя его так и подмывало ответить инструктору. Он наивно полагал, что сможет противостоять старому солдату в деле тупого юмора.

В этот раз они пришли на две минуты раньше и в лучшем настрое.

— Что ж неплохо, хотя до профессиональных рикш вам далеко, — резюмировал Ито, вставая — К полосе препятствий, бегом марш!

Полоса препятствий, или командирская дорожка, как её называли, представляла из себя последовательность из семи видов препятствий: стена, ров с двумя канатами, окоп, колючая проволока, труба, насыпь, канат.

Её нужно было пройти именно командой, без индивидуального зачета.

— Широки, поможешь Кёити-сану со стеной и окопом, — скомандовал Хорёк.

— С окопом я справлюсь, — повеселел толстяк Кёити.

— Фудзивара-сан, Минамото-сан, вам нужна подстраховка?

— Нет.

— Нет.

— Тогда вперёд.

Ито включил секундомер.

Стартовали бодро — Хорёк и Сюя перемахнули стену, а Широки встал к ней спиной и приготовил ладони для Кёити. Тот разбежался в два шага, ступил на скрещенные замком ладони и... ему чуть-чуть не хватило для того, чтобы достать до верха.

Широки принял вес на руки, а пузо приятеля на лицо и стремительно краснел. Надо было срочно что-то делать.

Суслик подскочил, упёрся руками в ягодицы Кёити, напряг ноги, и они вместе с Широки приподняли толстяка на пару сантиметров! Он уцепился, подтянулся и закинул наверх ногу.

— Спасибо, — поблагодарил Широки.

— Мы в одной команде, — ответил Суслик, и они перемахнули преграду.

Остальные препятствия прошли легко, разве что вводная инструктора, о том, что Кёити ранен и его нужно протащить под колючей проволокой замедлила продвижение. Но они всё равно успели.

Ласка наблюдала за тренировкой, но не приближалась, что Суслика даже устраивало, ведь недавние воспоминания могли вернуться.

Впереди был штурм укрепления — полуразрушенного двухэтажного барака. На этот раз его предстояло брать с торца, где было только два окна на первом этаже и пара проломов на втором. Крыша в этом месте отсутствовала.

Обычно инструктор идет вместе с группой и фиксирует выполнение задания, но иногда Ито предлагал поиграть и вместо фиксации вставал на сторону условного противника. В этот раз он решил так же и засел где-то в здании. Теперь важно было не только пройти все здание за отведенное время, но и не попасться инструктору.

Бывали случаи, когда он расстреливал всю штурмующую команду.

— Синдзи, Кёити, на вас огневая поддержка, как только мы войдём — подтягиваетесь следом. Кадзуо, Хироки вы входите через левое окно, мы с Сюя через правое. Перед заходом кидаем гранаты — по одной в каждое окно. Всё ясно? Вперёд.

Хомяк с толстяком начали стрелять холостыми в сторону окон, а четверо штурмовиков рванули к зданию. Они бежали пригнувшись, стараясь не пересекать линию огня собственной группы поддержки. Прибыли под окна, метнули муляжи гранат и двое первых уже ухватились за откосы окон.

Суслик замешкался. Второй этаж условно обстреливала группа поддержки, но душа Вала требовала бросить туда лимонку, а лучше из «мухи» туда пальнуть, а ещё лучше всё вместе, много и сразу.

Суслик отстегнул свою лимонку и забросил в проем.

— Ау! — донеслось сверху, и в проеме появился Ито, потирающий ушибленный лоб.

Лимонка прилетела ему как раз, когда он собирался сбросить вниз пару своих гранат.

Среди кадетов раздались сдавленные смешки.

— Что ржёте? Время тикает — сообщил он из окна, и штурм продолжился.

Но и это задание они выполнили в срок.

Тренировка закончилась, вокруг уже начались сумерки, но Ито не спешил возвращаться на КПП. Вместо этого они подъехали к ангару с техникой.

— А вот и награда за упорство, — заявил инструктор.

В свете фонарей перед ангаром тускло блестели зелено-коричневой расцветкой два танка Тип 74. Тяжелобронированная покатая башня с орудием сто пять миллиметров, и двигатель в семьсот пятьдесят лошадей делали эти машины внушительной силой.

— Так как освоить эту технику вы уже не успеете, то проведем занятие с водителями, — заявил Ито.

— Экипаж танка — четыре человека, так что места как раз хватит. Один танк поведу я. Итак, кто со мной?

К Ито попали Суслик с Хомяком, и Кёити.

Когда все расселись на свои места в люк заглянула Ласка.

— Ой, а можно и мне прокатиться?

— К сожалению, госпожа Китано, мест нет, — ответил Ито.

— А я так, сверху.

Ласка свесила ноги в люк, а сама взялась за крышку. В результате её ножки оказались прямо перед носом у заряжающего, то есть у Суслика. Лесная встреча мгновенно всплыла в памяти.

Хомяк с Кёити тут же потеряли интерес к приборам машины и стали косить влево, а Ито только проворчал что-то — с водительского места ничего интересного не просматривалось.

— Тронулись! — скомандовал инструктор по рации, и два стальных монстра, взревев двигателями, поползли вперёд.

Словно бронированные морские черепахи танки двинули к побережью. В свете фонарей они прошли весь полигон — ров, эскарп, подъем на холм и спуск, и вернулись к ангарам, когда сумерки уже перешли в полноценную ночь.

И хотя кадетам практически ничего не было видно, поездка всех очень вдохновила, и больше всего экипаж Ито, разумеется.

Глава 16 «Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх»

Жизнь императорского дворца была куда насыщенней и разнообразней размеренных будней кадетской школы. Особенно в эти месяцы. Внешне, всё было подчинено традиционному порядку и строгому церемониалу. Двор привычно кланялся Государю, а приближенные заверяли в своей преданности. Однако за ширмой внешнего благополучия скрывался заговор. В курсе зреющих перемен были немногие.

Не все подданные были в восторге от правления Императора Нарухито. Глава клана Тайра — Мицухидэ — считал, что нынешнее положение Японской Империи на международной арене оставляет желать лучшего, а глава государства не в состоянии вернуть стране былое величие. Внешняя экспансия Японии способствовала бы объединению цивилизованного мира под эгидой Империи. Среди офицерского корпуса было немало сторонников активной внешней политики, поддерживающих воинственные устремления кланов Тайра и Асакура.

Немало беспокойства при дворе вызывал вопрос престолонаследия. Хотя у Императора был кровный сын, но наследником трона на данный момент не являлся. Ходили слухи, что старшее поколение Морозовых, родителей Императрицы, не позволили вывезти в Японию первенца императорской четы. По другим сведениям, не захотела этого сама императрица Серафима. Да-да, шептались по углам царедворцы — императрица имеет большое влияние на Нарухито, и частенько тому перечит. Что и говорить — у Императора всего лишь одна любовница, да и та неофициальная! Позор, ужас и попрание традиций! А сын Георгий родился до заключения официального брака по японской традиции. Так что легитимным преемником Нарухито, якобы, признан быть не может. Так рассуждали при дворе, не находя других объяснений отсутствию принца в Японии.

Клан Асакура, не оставляющий надежды на объединение императорского дома и сегуната, выступал за брак принцессы Айко и нового сегуна. Только вот назначить сегуна предполагалось после кончины Государя. Идею устранения главы государства во славу перемен разделял и Ёсида Наримаса. В нынешних условиях иерархия кланов была жестко выстроена. Политические перемены же обещали продвижение смелым и амбициозным, к которым и относил себя клан Ёсида.

Устранение Императора в столице было почти невысказано, слишком много придворных, охраны, верных кланов, которые тут же вступят в противоборство. А визит на Кюсю мог бы стать для сторонников сегуната подарком судьбы. Тем более местный клан Оути обещал помощь в деле «спасения империи».

Расписание мероприятий готовилось заранее, и получить необходимые сведения было несложно. После многочисленных обсуждений и споров местом устранения Императорской семьи был выбран полигон. До приезда столичных гостей он не вызывал особого интереса ни у местного руководства, ни у спецслужб. Там занимались только учащиеся местного кадетского училища на списанных с военной службы джипах. И какой-то Ямана получил синекуру начальником полигона. Мощный взрыв под императорской ложей, устроенной из переносных трибун, с почти стопроцентной вероятностью отправит к праотцам и Императора, и ближайшее окружение.

По замыслу заговорщиков, внимание излишне бдительных представителей спецслужб должны были отвлечь диверсии в самой кадетской школе и ближайшем к ней городке. На бумаге план выглядел очень неплохо. Мицухидэ верил, что и при воплощении задуманного в жизнь ему будет гарантирована победа. Он привлек немалые средства и фактически шел ва-банк. В нужный момент «антиимператорскую партию» должны были поддержать морские и воздушные силы, и даже маги союзных Асакура, Тайра и Оути кланов.

Подготовка к визиту Императора шла полным ходом: администрация острова и школы старались продемонстрировать лучшие стороны Кюсю, а привлеченные заговорщиками специалисты разведывали обстановку и стягивали ресурсы.

* * *

Несколько иностранных наемников под видом туристической группы ожидали паром на Кюсю. Перед самым отправлением на палубу поднялся еще один отряд, состоящий из более чем десятка молчаливых матёрых бойцов и одной молодой девушки. Некоторое удивление вызывала их одежда. Погода была жаркой, дождь не ожидался. И тем не менее никто из рослых мужчин не расставался с длинным плащом.

«Оружие под ними прячут что ли?» — подумал Джексон, возглавлявший наемников Тайра. Он знал, что постепенно на Кюсю собираются несколько групп, каждая со своим заданием. Но все необходимое уже было доставлено на остров.

Наниматели обещали хорошую поддержку в ключевой момент нападения. Задумка «реформаторов» была грандиозна, и заговорщики не были склонны недооценивать императорские силы.

Помощница Джексона Лаки тоже не спускала глаз с занятых пассажиров. Ее что-то беспокоило в их облике, однако она никак не могла уловить эту деталь. И явственно чувствовала исходящую от них опасность, особенно от

белокурой девчонки, затесавшийся в странный отряд. Лаки и сама была единственной представительницей так называемого слабого пола в своем отряде, но не раз доказывала, что большая ошибка считать всех женщин слабее другой половины человечества.

«Интересно, какое место эта блондинка занимает в своей японской группе?» — наемница не скрывала своего любопытства, хотя и не лезла знакомиться с чужаками. Сама Лаки — тоже светловолосая, но европейка — не так давно стала заместительницей командира отряда и гордилась своим статусом. Среди ее товарищей не было ни одного японца, но на компанию зарубежных туристов они были не похожи, несмотря на все старания.

В нынешней охотнице за удачей Лаки Хэлл едва ли кто узнал бы несчастную Летицию Ковадис, растерянно плачущую в приемнике-распределителе в Лимасоле. Девушка тряхнула головой: она ненавидела воспоминания о приюте и полицейских участках, куда ее регулярно привозили после побегов. Лаки не понимала, почему именно сейчас ее пробило на прошлое и вызываемые им эмоции. Кто-то будто копался в ее душе, теребил края раны и слизывал капельки боли.

Гречанка поймала довольный взгляд незнакомки. «Прямо как лиса, стащившая цыпленка, — фыркнула Хэлл. — Вот на кого похожа эта девка».

На острове пути отрядов разошлись. Джексон сразу направился в город, чтобы оглядеться и решить вопрос проживания. Надо было рассредоточиться по территории, но выбрать контрольные места сбора. А затем выяснить как можно большее про полигон и заняться делом, ради которого и прибыли.

Любители же плащей предпочли городу лес. Тут они были в своей стихии, отлично ориентировались и чувствовали себя как дома. Без видимой усталости пробрались через самую чащу и вышли к школе. Тут было пока все спокойно. Отыскали пару тайников с оружием и перетащили запасы в другое место.

Из-за забора слышались крики на стадионе, там в очередной раз тренировались кадетские команды.

Вся группа повернулась к ограде, словно унюхали что-то необычайно вкусное.

— Десять минут привал! — скомандовал старший, аккуратно садясь на землю. В тот же миг остальные сложили ровной стопкой плащи. Мелькнули рыжие хвосты.

— Учитесь уже их прятать! — буркнул начальник — Что за детский сад мне достался...

Прикрыв глаза, он следил, как молодняк пожирает эмоции. Кто-то от восторга перекинулся и носился вдоль забора в лисьем облике.

— Не дури!

Блондинка равнодушно поймала товарища за хвост. Тот тихонько взвыл, но принял приличный вид.

— Подлиза! — бросил он девчонке.

— Говнюк! — не осталась она в долгу и сделала подсечку. Затем удобно расположилась на спине поваленного товарища.

— Ненавижу на земле сидеть! Из тебя отличный коврик, дорогуша!

* * *

В школе заканчивался обычный учебный день. Старших кадетов гоняли на тренировки и репетиции, служащие и младшеклассники наводили красоту на территории школы.

Суслик возвращался в жилой корпус мимо старого архива. На двери красовался свеженький замок. Однако в окне буквально на секунду мелькнул свет. «Интересно...» Вал осмотрел замок — новый и крепкий. «Кто ж тогда в архиве и зачем?» Решил спросить Сёго, негласно это было место его компании.

Привычно свернул на аллею, идущую вдоль лазарета. Странно, казалось, что перед приездом высокого гостя на территории стало еще меньше работающих камер. Вал точно помнил, что еще недавно лазаретная камера отнюдь не являлась муляжом. «Вроде наоборот, должны бы усилить бдительность. Если только...» Благодаря фотографической памяти Кадзуо Суслик мысленно сопоставил картинку недельной давности и нынешнего дня: часть оборудования была заменена накануне.

Краем глаза Вал зацепил тень, скрывающуюся в здании лазарета. Это была не Ласка — ее бы Суслик узнал за километр — и не меланхоличный доктор школы. Парень вошел следом. Всегда можно сослаться на поиски Хомячка.

На лестнице горел лишь дежурный свет, в приемной было пусто, компьютер Ласки выключен. Все закрыто. Суслик постоял, прислушиваясь.

Едва заметный шум шел из маленькой палаты, так хорошо знакомой Суслику. Однако информационный листок у входа, на котором писались сведения о пациенте, отсутствовал.

Фудзивара приблизился, чтобы разобрать голоса. Неожиданно дверь приоткрылась. Суслик едва успел нырнуть под стол Ласки, сам удивившись своей скорости.

Новый преподаватель младшеклассников и заместитель начальника школы покинули палату. Учитель

смущенно краснел, поправляя пояс. Капитан нежно провел рукой по его талии, и с независимым видом стал спускаться по лестнице. Преподаватель же выждал еще какое-то время.

«Ужель голубая луна осветила их путь?» — фыркнул про себя Вал.

Он поспешил на плац, до построения оставались считанные минуты. Суслик решил сократить путь через первый этаж учебного корпуса. По правилам, в это время не полагалось там находиться, но бежать в обход было лень.

Фудзивара быстро пересек холл и уже был у черного хода, когда услышал знакомый голос секретаря школы:

— Вот, я перенес на карту все пометки, где кто будет стоять-сидеть. Поторопитесь.

Тонкий конверт перекочевал в руки начальника кафедры военной истории.

— Главное, чтоб в последний момент не поменялись планы.

— Все утверждено и отрепетировано. Там указаны оба варианта: основной и резервный.

— Вы не сомневаетесь в успехе?

— Я верю в Тайра. Вы ж видели, весь город и окрестности уже наводнены его людьми.

Суслик припомнил визит в Китакою. «Ох, неладно в Датском королевстве. И в Японской империи тоже».

— Мне не нравятся эти встречи в лесу! — пожаловался историк.

— Даже если вас заметят, все будут уверены, что у вас свидание с местной шлюшкой, не более. Это самый безопасный вариант.

* * *

Фудзивара встал в строй в последнюю секунду и получил лишь строгий взгляд курсового батьки. После построения Суслик в двух словах рассказал об увиденном Кагосима. Они решили воспользоваться временем до отбоя и прогуляться в лес.

Оба шли в глубокой задумчивости, но не желали демонстрировать это друг другу. Вал уже не сомневался, что на острове готовится что-то недоброе. Но не мог оценить масштаб: Кадзуо не слишком хорошо разбирался в подобных делах и был далек от политики, а сам Вал не обдал достаточным опытом проживания в этом мире.

Хорьку происходящее казалось абсолютно нереальным. Даже помыслить было странно, что японцы готовы поднять руку на священную особу Императора или нанять кого-то в исполнители. Но ведь не зря подозрительная деятельность неких личностей совпала именно с готовящимся визитом Нарухито на остров и в школу.

Хотя покидать территорию школы без дозволения начальства было запрещено, Кагосима и Фудзивара делали это не раз. Суслик — сначала что бы убежать от реальности, а затем тренировать из Синдзи боевого Хомячка. Кагосима загадочно отмолчался, но при это его выдал яркий румянец — мальчик созрел и решал свои половые вопросы по-взрослому. Они решили перебраться через забор и прошвырнуться по ближайшему лесочку, который последнее время вызывал подозрения, и, даже, не очень смутные. Если все окажется тихо-мирно, можно будет спокойно заняться своими делами. Или же утвердиться в своих мыслях. Бездействие казалось парням соучастием. Оба кадета были лояльными присяге и Императору.

Сёго только хмыкнул, глядя как тихо и ловко Суслик преодолел ограду.

— Зачем придурился? — в очередной раз удивился Хорёк.

Они внимательно осмотрелись. Конечно, другие кадеты тоже иногда совершали «побег из курятника» и гуляли по местным лесам да кустам, обжимаясь там со знакомыми цыпочками.

Вал заметил едва различимые следы привала. На маленькой полянке явно кто-то ночевал или отдыхал. И хотя хорошо за собой прибрался, наметанный взгляд бойца уловил детали. Нет, тут явно был не быстрый подростковый перепахон. С ветки парень снял запутавшийся клок меха. Собака? Или другой зверь? Суслик теребил в руках этот клочок.

Вдруг в кустах мелькнуло белое пятно. Но ни ветка ни хрустнула, ни лист не шевельнулся. Легкий порыв ветра взлохматил волосы. Вал помимо воли припомнил день смерти матери, когда на него как обухом обрушилось известие о том, что теперь он остался совсем один в своем мире. И в тот же миг он ощутил, как горестные воспоминания захлестывают Кадзуо. Аж слезы подступили к горлу. «Ну ни хрена себе! Япона мать вас всех за все места!» — Вал уже научился сосуществовать с «соседом по парте», и понимал, что какая-то чуждая сущность пробуждает сейчас душевные страдания.

«А вот хрен тебе, дементор недоделанный!» Он напрягся, и стараясь не терять бдительность, заставил себя читать по памяти отрывок из «Горе от ума».

«Наслаждайся, хрень неведомая! Черт, Хорёк, судя по придурковатому виду, тоже потек!»

Фудзивара собрался. Он чувствовал себя мышью посреди дома, где явно обитает кошка. Опять на периферии зрения будто искорка огня мелькнула. Но ни дыма, ни запаха. Парень был как натянутая струна, и все же появление красотки застало его врасплох. Она возникла словно из ниоткуда.

Длинный хвост белокурых волос струился по спине и... Вал захлопал глазами и открыл рот. Девушка была обладательницей роскошного лисьего хвоста.

«Извращенка?» — он припомнил хвостики из секшопа. У парочки его подружен были такие для взрослых игр, но ходить так по лесу... Да и вид у дамы был не особо игровым.

«Может, мы кому-то томный вечер испортили?»

«Кицунэ! — панически запищал маленький Суслик из своей норки, — это она в наших душах копалась!»

— Ах ты сучка крашенная! — возмутился Вал.

А чертовка стояла ухмыляясь. Кажется, она легко читала его мысли. И ей это доставляло большое удовольствие.

— Хватит тарашиться, коза дранная! — это было не по-джентельменски, но Валу крайне не понравилось, как его развели на слезы и сопли.

Девушка улыбнулась, продемонстрировав острые зубки хищницы.

— Коно-яро! Ахооо! — последнюю гласную она нарочито растянула.

— Тупица деревенская, дурачок. — услужливо пояснил Кадзуо, хотя Валентин и сам прекрасно понял.

— Иди ко мне, детка. Я сделаю тебе ата-та! — хмыкнул Вал.

Но в этот момент на Кицунэ бросился Хорёк. Вал мысленно сделал фейспалм — движения бойца были слишком явными и читались на раз. Сёго собрался сделать мавашу-гери. Не слишком хорошее начало боя. Девушка лишь пожала плечами и поймала парня за ногу, которой тот собирался нанести удар. Раскрутила, будто собиралась метнуть молот, и отправила в дальние кусты. Суслик оценил силу противника — явно лига Ласки и Пумы, вместе взятых.

«Концепция меняется. Кажись ата-та получу я!» — оценил положение Суслик, но сдаваться не собирался.

Лиса прыжком повалила его, хотя Вал был уверен, что увернется. Но девушка легко просчитывала каждый его маневр. Удар, блок. Еще удар. И снова Суслик лупил лишь воздух, в то время как его задница получала все новые пинки от кицунэ.

Вал демонстрировал свои лучшие приемы, но они вызывали лишь сдержанное хихиканье противницы. Она снова поймала кадета, щелкнула по носу, развернула и отвесила такой смачный пендель, что Суслик всем своим весом впечатался в дерево. Вес был небольшой, но всё равно — обидно!

Единственное, что он понимал: оборотень не собирается его убивать, она играет с ним. И жрет его злость и ярость. Отскребая себя от клёна, он постарался приглушить все эмоции. И как заводной, стал вспоминать «Слово о полку Игореве». В свое время отрывок никак не давался ученику Валентину, но, когда он все же вызубрил текст, тот был высечен в подкорке словно в камне.

«И тогда великий Святослав изронил свое золотое слово...»

Кицунэ скривилась. То ли ей надоела игра с глупым мышонком, то ли «Златое слово» в переводе Заболоцкого показалось слишком скучным.

— Не лезьте, куда не просят! — бросила она, махнула хвостом и исчезла. Лишь яркая искорка мелькнула за дальними деревьями.

Из кустов, наконец, выбрался помятый Хорек. Он имел весьма печальный вид — одна щека была исцарапана ветками, а в волосах застряли листья и сухие ветки. Куртка была порвана, и ремень будто разрезан пополам.

— Охренеть, — только и выдавил из себя Суслик, садясь не землю. Но тут же со стоном встал. Его задница превратилась в один большой синяк.

Глава 17 «Воздух крут перед грозой»

— И почему вы снова битые? — Ласка ограничилась пристальным осмотром и лейкопластырями. Хомяк краснел, стягивая края рваной рубашки, а Суслик хмурился, потому что больно щипала только что зашитая рана на плече. Валу внутри него казалось, что он выглядит максимально брутально: снятая с плеча рубашка, нитки, торчащие из раны, синяк под глазом. Но Ласке они оба казались чрезвычайно милыми. Мускулы ещё так себе, ещё не мужчины, но уже и не подростки.

— С кем вы дрались? — Немного невероятная история была тщательно зафиксирована в памяти медсестры, хотя, глядя на её бесстрастное лицо, казалось, что ей всё равно, из-за этого Хомяк жутко бесился, мол, у нас такие дела, такие делищи, а вы совсем нам не сочувствуете.

— Свободны. А вас, Фудзивара-сан, я попрошу остаться.

Хомяк выплыл за дверь, переступая маленькими шажочками, словно актер театра кабуки, которого он тщетно пытался изображать, и завистливо зыркнул на друга.

Стоило двери захлопнуться, как Ласка села на краешек стола, подтянув раненого «Штирлица» к себе за ремень.

— Правильное и обильное питание, между прочим, улучшает регенерацию клеток. Вы уже завтракали, Фудзивара-кун?

— Я... Да... Н-нет...

— Так да, или нет, Кадзуо-кун?

Голос Ласки и её провокационная близость заставили сердце биться сильнее, а Суслик совершенно запутался, начав думать о еде. Из окна донёсся какой-то шум, охрана шерстила густые заросли кустов, где происходило нечто неясное. Кадзуо вздрогнул от порыва ветра, потому что Ласка открыла дверь, выпроваживая его.

— Через полчаса в крыле Омега. Там чудный сад и милая столовая. Приходи.

Всю дорогу в своё крыло Хомяк теребил его, дёргая за рукава и задавая радостно-завистливые риторические вопросы, а Суслик пытался навести порядок в своей голове, которая пухла от противоречивых мыслей.

— Всё! Я в следующий раз приглашу её! Я! Сам! А ты должен будешь сидеть в комнате. Понял?

— Ты слишком возбуждён, Синдзи-кун, иди, отдыхай. А заодно в окно погляди, охрана ведёт себя странно. Возможно, назревает новый финт твоих соперников — вассалов Хорька. — Суслик усадил друга на широкий подоконник, указал куда глядеть и исчез. Буквально сразу же его и увидел Хомяк, идущего по тропинке в сторону больничного корпуса.

Но возмущённый стон Джунгарика уже никто не услышал.

Ласка сидела на лавочке у фонтана, а вокруг неё толпились кадеты, делая вид, что заняты какими-то невероятно важными делами. При этом, успевая кидать на красавицу-медсестру вождедеющие взгляды. Ласка жмурилась от удовольствия под градом комплиментов, сыплющемся от подходивших поздороваться, выразить почтение или спросить пустяшного совета, подростков. Корпус Омега занимался лечением душевнобольных. Это, конечно, громко сказано. На самом деле настоящих спятивших там можно было по пальцам пересчитать. Основную массу занимали ребята с бессонницами, навязчивыми тревожными состояниями, порой с галлюцинациями. И да, их не считали психами. Просто подлечись, кадет, и в строй! Особый электрофорез, курс массажа, курс политического внушения, и на учёбу, нечего пролёживать, Империя ждёт!

— Так вы считаете, что видели это, но никто не подтвердил ваши слова?.. — с участием спрашивала Ласка какого-то юношу. На его лице выражение тупого отчаянья сменилось обожанием, но ответить он не успел. Ласка поднялась и попросила всех разойтись. Суслик получил дозу ненависти в спину и предложил Ласке пройти. Ему и самому было любопытно понаблюдать, что происходит за тем самым окном, где сейчас дежурил Хомяк. Но и внезапное свидание он пропускать не планировал. Китано Юки знала каждый сантиметр больничного крыла, поэтому, ухватив Кадзуо за худощавую ладонь, повела его неведомыми дорожками в глубь сада. Она остановилась среди ровных высоких кустов. Очумелый от близости объекта вожделения Суслик совершенно потерялся, хотя Валентин внутри него всё ещё пытался запомнить дорогу.

— Прекрасный лабиринт — улыбнулась Ласка, — из этой точки нас никто не увидит.

Она встала на носочки на невысокий камешек, словно пыталась заглянуть выше края зелёной стены. Перед глазами Суслика оказалась пышная грудь с натянутой петелькой от пуговицы, которая едва держалась на месте. Он задержал дыхание. Но Ласка уже глядела на него и наслаждалась его замешательством. Она качнулась на камне, а Суслик среагировал и обхватил её за талию, наконец вдохнув.

— Может закружится голова, Фудзивара-кун — прошептала Ласка, — это кустарники Вечнозелёного Дёрена Амиталя, в пору своего цветения они выделяют особый аромат, заставляющий говорить правду.

— У меня... Нет секретов. — еле выдавил из себя Суслик.

— Секреты есть у всех, Кадзуо-кун, но ты можешь не волноваться, сейчас же дёрен не цветёт. — перешла на более фамильярное обращение обольстительница. Суслик прижался головой к груди Ласки и почувствовал, как её соски напряглись.

— Но листья Амитаии тоже имеют такой эффект, так что дыши, дыши, Кадзуо-кун. И расскажи мне всё, что тебя тревожит. — У кадета действительно закружилась голова, но Вал тихонько посмеялся внутри него, дескать, вот хитрая бестия, психотропные вещества решила на нём использовать, но нет, неееет, не выйдет. Суслик внезапно отпустил её и сам встал на камешек, надавив себе на свежий синяк на бедре. Боль и движение воздуха выше лабиринта привели его в чувство, он вдохнул поглубже и собирался уже было целовать Ласку, как услышал шаги. Он спрыгнул с камня и присел, поманил девушку к себе, прижимая палец к губам.

— ... делу сёгуната?

— Политика меня не интересует. Я не состою в клане, чтобы всерьёз рассматривать подобные вопросы.

— Ну а если мне просто интересно, что ты думаешь о гипотетическом сёгуне?

— При сёгуне у меня появится возможность основать клан? Если да, то я окажу самую деятельную поддержку делу сёгуната.

— При Императоре новых кланов не появлялось никогда, — уклончиво ответил первый из собеседников с другой стороны живой изгороди.

— Значит, причина в Императоре? — прямо спросил второй.

— Многие полагают, что божественный микадо попал под сильное влияние гайдзинов в своем окружении, — снова ушёл от ответа собеседник.

Наверное, господа продолжили обмен любезностями и дальше, но Суслик и Ласка не стали следовать за ними, чтобы продолжать подслушивать. Разговоры о политике убили всю романтическую атмосферу.

* * *

Хомячок пытался вытрясти из друга все воспоминания о неудачном свидании, но того больше интересовали подробности наблюдения из окна. Была замечена нетипичная активность дежурных на КПП; повсюду сновали незнакомые люди. Суслик припомнил, что особо чувствительные кадеты с бессонницей в крыле Омега, перебивая друг друга, рассказывали о необычных звуках ночью и странностях: мол не всегда узнают своих офицеров — через раз другое лицо мерещится.

— Нужно увидеться с Пумой, — решил Суслик. Джунгарик расплылся в ехидной улыбке.

— Ай ты проказник, Фудзивара-кун! Тебе одной дамы мало, значит? Но тебе повезло. Я видел, что сестрица сегодня здесь, правда, при исполнении, но так даже лучше. Ей так идёт форма! — Глаза Хомяка неведомым образом сформировались сердечками и он выскочил за дверь. Затормозивший Суслик вышел за ним и столкнулся нос к носу с Хорьком.

— Позже поговорим, Кагосима-сан, есть кое-что важное.

Хорёк внимательно поглядел на исчезающую за поворотом фигуру кадета, заглянул в приоткрытую дверь комнаты. Какие беспечные. Не комната, а проходной двор!

Пума руководила осмотром военных кораблей. Хомяк договорился, чтобы его и друга пропустили к сестре. Это было достаточно легко, кто ж не знал этого милого Минамото с шилом в заднице? Обнимашки Синдзи быстро наскучили, и он здорово удивил друга знаниями об особенностях установки противолодочных орудий. Да, Хомяк ввязался в спор с парнями из группы Пумы, чему Суслик был только рад.

— Новая броня на палубе, отлично! — Довольно подмигнула Каори, — Приглядиись, Фудзивара-кун, этот корабль — мечта! Таким и должен быть настоящий мужчина. — Девушка ловко пригнулась и погладила палубу.

— Такая сильная, такая гладкая, такая молодая! Ещё ни разу не была в боях, но уже готова принять на себя всю страсть битвы, — Пума продолжала поглаживать палубу кончиками пальцев. Ей действительно безумно шла форма, высокие берцы стягивали ноги, только подчёркивая всю красоту ног и аппетитных ягодиц. Суслик вспотел, ему казалось, что Пума гладит вовсе не палубу, а его тело.

— А какие там переборки! Пойдём, покажу.

Кадзуо решил, что пора прервать это безумие.

— Этот корабль ещё кто-нибудь уже видел?

— Побойся небес! Ты здесь исключительно из-за моего брата, — Каори взялась обеими руками за штормовой леер, — какой он крепкий, гляди. Прочный, жёсткий, такой длинный. Он готов выдержать любой шторм. Фудзивара-кун, я хочу такой леер себе. — на последнем слове она тихонько застонала, и Суслик ощутил, как одежда прилипла к его спине. Он взял её руки в свои, и наступила тишина. Волны тихонько бились о корпус.

— Помните, в порту...

Взгляд Каори помутнел. В порту у них случилось много чего интересного. Фудзивара унял волнение и

продолжил.

— ... Было много подозрительный проходимцев, ошивающихся там с оружием. Насколько хороша наша военная охрана? — Очки его съехали на нос, Пума хищно улыбнулась и резко притянула его в объятия.

— Обо мне беспокоиться, малыш? Не стоит.

— Нет, об этом великолепном судне, — промямлил, ища воздух, затисканный Суслик. А вот это был уже другой разговор. Капитан отделения охраны императорской семьи не могла пропустить это. Она отпустила голову Кадзуо.

— Следуйте за мной.

Так и появились они перед замолкнувшими Синдзи и ребятами отряда — лохматый, вспотевший Фудзивара и озадаченная Каори. Теперь мысли о недостаточности охраны корабля и города начали тревожить не только Валентина Соболева.

— Проверка закончена. Я подпишу все необходимые документы — сказала взъерошенная Пума начальнику порта. Он улыбнулся девушке, и подал планшетку с бумагами.

— Но... Каори-ниисан, мы ведь... — начал Хомяк.

— Не спорь с сестрой. — одёрнул его Суслик.

Выйдя из порта, Пума отослала отряд на базу и попросила прикрыть её отсутствие.

— Корабль отличный, тут без нареканий. Но где экипаж? — пояснила Пума брату.

— Да! Здесь что-то нечисто.

— Сегодня я ещё раз слышал странный разговор. Давайте называть вещи своими именами: готовится заговор.

— Проверку порта должен был осуществлять другой отряд стражи. Я вписала себя в последний момент. — продолжила Пума.

— Зачем? — удивился Суслик.

— У меня были на то причины — сказала она уклончиво, но её плотоядный взгляд всё объяснял без слов.

— Кто ещё в курсе про заговор? — спросил Хомяк

— Ласка. Мы с ней слышали тот разговор вместе.

— Вы с ней вместе? — рыкнула Пума.

— Она, эм, сопровождала меня в столовую. Через сад.

— Но они же с разных сторон! — воскликнула Пума.

— Разве? — удивился Суслик.

— Мы можем доверять Ласке? — Хомяку было очень непривычно выступать в роли голоса разума, но он храбро взял на себя эту роль.

— Да. Доверять можно. — процедила Каори.

— Ласка — это хорошо, но мало. Заговор против Императора готовят как минимум два могущественных клана, а у нас только Фудзивара, в почти полном составе, и Минамото...

— Мы не сможем перебросить наших бойцов незаметно — посетовала Пума.

— Тогда, как насчёт Хорька? — предложил Суслик.

— Клан Кагосима? Да, это имеет смысл. Они смогут оказать поддержку, но можно ли им доверять?

— У нас нет выбора.

Неспешным шагом они дошли до кафе «Парфэ». Оттуда Пума позвонила в академию, и попросила позвать свою «подругу» к телефону. Через пятнадцать минут она прибыла в кафе вместе с Хорьком, и тут же накинулась на мороженное, которое затребовала в качестве взятки.

— Что происходит? — спросил Хорёк.

— Какой клан владеет портом Китакою? — спросила его Пума в ответ.

— Оути.

— Это те самые Оути, из которых был Ёсио? — уточнил Вал.

— Да, те самые. И я ещё раз хочу принести извинения за тот случай...

— Да проехали, Хорёк, проехали — остановил японскую вежливость Валентин.

— Это имеет смысл. Жёсткая таможенная политика императора нравится не всем владельцам портов.

— Да о чём вы говорите?

— А кто напал на ресторан? Полицейские ведь никого так и не нашли. А служба безопасности Кагосима?

— Они не отчитываются передо мной. Но по слухам — это были простые наёмники. И я всё ещё не понимаю, куда вы клоните.

— За-го-вор!!! — отдельно произнес Хомяк, с улыбкой до ушей и вскинув руки вверх.

— З-заговор? — Хорёк начал заикаться.

— Ночью в медпункте мы слышали странный разговор... — начал Суслик.

— Ночью в медпункте? — перебила его Пума.

— Мы там были с Джунгариком, — пояснил он.

— Яой! Яой! — обрадовалась Ласка, ненадолго оторвавшись от поедания мороженого. Три порции уже были сожраны, и ещё пять ждали своей участи.

— Может быть и яой. Мы там двух мужиков видели. Но скорее всего это заговор против императора.

— А мы... Участвуем или предотвращаем? — спросил Хорёк.

Пума задумалась.

— Предотвращаем. — уверенно сказал Суслик.

— Нам понадобится оружие — улыбнулась Каори. Она любила большие стволы.

— У охраны Императора нечем стрелять? — удивился Вал.

— Ты думаешь, мы дома арсенал храним?! Максимум дозволенного — личное и наградное оружие. Ну сотня-другая патронов в тире пострелять. Но это дорого, поэтому мы предпочитаем использовать запасы из оружейки, — пояснила Пума. Присутствующие переглянулись и Суслик с Пумой заметно скисли. Голыми руками и заклиниванием не особо повоюешь.

— У моего дядюшки есть склад, но его бойцы сейчас на Корейском полуострове, — начал размышлять Хорёк.

— Меньше, чем танком, на Императора лучше не нападать — продолжила мысль Пума.

— Да, РПГ-7 и «иглы» тоже есть. Как и пулемёты Калашникова. Мы работаем с русскими, — пожал плечами Кагосима.

— Мы не должны привлекать к себе внимание. Если собираются убить Императора, нас тем более убьют. Нужно будет забрать оружие со склада в день визита, и провезти его за кортежем. Я почти уверена, что официально мне не дадут ничего, а то и табельное отберут.

— Я предупрежу дядю. — Сёго поклонился, сидя на стуле. Японской вежливости не помеха ни физика, ни физиология.

— А давайте Аку попросим помочь. — заявил вдруг Хомячок.

Ласка подавилась мороженым, а Пума и Хорёк засмеялись.

— Что такое «Аку» — поинтересовался Суслик.

— Тайный клан обжор — сказала Пума. Она осеклась на полуслове, и внимательно посмотрела на Ласку.

— Что? — не поняла медсестра.

— У тебя очень хороший аппетит.

— Нет. Просто диета строгая.

— Строгая диета, которая позволяет есть мороженное?

— Не позволяет. — сказала Ласка, поедая ещё одну ложечку с половиной шарика.

— Но ты же ешь! — не выдержал Хомяк.

— Да. Но мне нельзя. — объяснила Ласка.

— Женская логика... — простонал Валентин — И что, клан обжор съест всех заговорщиков? Уничтожит их запасы провизии? Зачем нам «Аку»?

— Аку — городская легенда. Говорят, они нечеловечески сильны и быстры, оказывают услуги тем, кому доверяют, а свидетелей своей работы не оставляют в живых, разрывая их голыми руками на маленькие кусочки! — Хомяк встал и начал медленно надвигаться на Суслика, постепенно делая свой тонкий голосок низким и «страшным».

— То есть нам помогут слухи? — сказал он, остановив надвигающегося «Аку» ладонью.

— Аку существуют, — сказала вдруг Ласка.

— Правда? — удивился Хомяк.

— Я знаю человека, который слышал слухи от другого человека, которому одна бабка сказала. Правда, слухи не очень правдивые, но, я думаю, Аку предпочтут выступить на стороне Императора, а не заговорщиков.

— Тогда нужно попробовать. У нас всё ещё не хватает бойцов. — подытожил Суслик скептически.

* * *

Проехав на автобусе к противоположному концу города, кадеты с двумя красотками высадились на шумной улице рядом с базаром. Продуктовый рынок генерировал непомерное количество шума, грязи и запахов. Пума вертела головой во все стороны: её профессиональные навыки говорили о том, что здесь повсюду наблюдатели, засады и тайные заговорщики. Как минимум треть обитателей рынка она сразу записала в журнал.

— Сюда. — позвала Суслика Ласка.

Все вместе они углубились в торговые ряды. Кадзуо радовался, что не взял с собой нож и пистолет — в этой толпе их точно стащили бы, а Вал, наоборот, очень сожалел, что не имеет никакого оружия.

— Кто будет договариваться? — спросила Ласка, остановившись около кафе под открытым небом.

— Ты! — единогласно проголосовали все.

— От чьего имени? — удивилась Ласка.

Аристократы переглянулись. Они как-то позабыли, что медсестра вообще-то человек из другого круга.

— Я пойду. Где твой знакомый? — вызвался Суслик.

— Внутри. Подойди к официанту, и спроси, где найти Арахбаки.

— Что это? — вырвалось у Валентина.

— Кадзуо... Это бог хаоса и безумия, разве ты не знаешь? — удивился Хорёк.

— А, Арахбаки! Мне слышалось «арахно-бака».

— Сам ты... бака. — обижено сказала Ласка.

— Видимо, так и есть, раз обидел такую милую девушку. — сказал Суслик и моментально удрал, не дожидаясь очередной перепалки между Пумой и Лаской.

Официант нахмурился, но поклонился и пригласил гостя следовать за ним. Всё это он сделал одним поклоном, в котором Кадзуо распознал целую бездну смыслов. Но предпочел не расстраивать Валентина.

В палатке, рядом с огромным котлом с рисом, сидел человек в маске. Он был тучным как суматори, и держал в руке гигантский черпак.

— Арахбаки слушает, — сказал официант за спиной Суслика.

— Ты — Арахбаки? — не понял он.

— Мы все — Арахбаки. — пояснил суматори.

— Да... Чем больше, тем лучше, пожалуй. Мне нужны бойцы, чтобы предотвратить покушение на Императора.

Первый взрыв хохота произошёл с сидящим у котла гигантом. Затем заржал официант. Потом смех донёсся оттуда, где вроде бы не должно быть людей вообще, и Суслик никого не увидел.

— Клан Аку поддержит тебя, Фудзивара-сан — прошептал ветер, когда безумный хохот замолк.

Глава 18 «Полчаса до атаки»

Утро встретило кадетов криками с плаца.

— Эй, лежебока, погляди как рушатся карьеры, — позвал Хомячок.

— Отстань, труба ещё не звала, — Суслик закрылся подушкой.

— Ты теперь не суслик, ты больше похож на медведя. На китайскую коалу. Да проснись же! — Хомячок оторвался от окна и стал расталкивать друга.

— Директор вопит, не каждый день такое увидишь!

Что ж, пожалуй, можно взглянуть.

А на плацу и в самом деле бегал директор и кричал на рабочих, учителей... Он наверняка наорал бы и на императора, если бы тот вдруг появился перед ним. Ночью был сильный ветер, и часть широких вертикальных лент с приветствиями, что повесили на торцы спортивного корпуса накануне, сорвало с креплений и изрядно измочалило. Зелёные газоны, подстриженные щипчиками для волос, оказались потрёпаны и занесены листьями, ветками и обрывками тех же лент. Естественно, это поставило психику директора на грань срыва — неделя подготовки коту под хвост!

«А из него вышел бы неплохой прапорщик», — мелькнула у Вала мысль.

Кипучая деятельность давала результаты — с криками и нервами, призывами к богам и какой-то матери, но пространство потихоньку приобретало приличный вид.

— Может, расскажем ему о заговоре? — предложил Суслик.

— Ты что?! А если он нам не поверит? Да нас же не возьмут встречать императора, ещё и в кладовке запрут как буйно помешанных. А если меня не будет в строю, то Пума меня убьёт, потом реанимирует и снова убьёт.

— Надо будет отметить! Это первый раз, когда Минамото Синдзи упускает возможность довести человека до истерики, переходящей в нервный срыв.

Хомяк засопел, и не придумал ничего лучше, как надуться на друга. Насупленный хомячок пошёл умыться и готовиться к завтраку.

Прибытие прямых родственников богини Аматерасу намечалось на двенадцать, и следующие шесть часов, с коротким перерывом на завтрак, кадеты провели за выглаживанием формы, чисткой ботинок и сдуванием пылинок с фуражек.

— Если долго всматриваться в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя, — заявил Хомячок, кидая измочаленную губку в мусорное ведро. — И я только что проверил это изречение со своими ботинками. Как же медленно тянется время!

Суслик был полностью согласен, его форма и обувь тоже уже были доведены до совершенства.

— Интересно, что наденет Ласка? — поинтересовался Синдзи.

— Я бы отпустил ехидную шутку, но вопрос и в самом деле интересный. Спасибо, друг, это благодатная тема для размышлений.

Наконец прозвучала команда на построение, и ровные колонны отутюженных, аккуратных и до отвращения красивых кадетов двинулись к отведенным им местам.

«Нам бы ещё упаковки розовые и хоть сейчас в магазин, к Барби на полочку», — съехидничал Вал, но эта мысль быстро утонула в восторге Кадзуо. Сам император скоро будет смотреть на их соревнования — не всякий японец удостоивается такой чести.

Шеренги выстроились возле ворот по обе стороны красной ковровой дорожки и тянулись вплоть до плаца, где была установлена трибуна. Ленты на торцах корпусов оказались починены, газон приведён в порядок.

Без четверти двенадцать вдоль строя прошёл директор с преподавателями. Удивительно, но он казался спокойным, даже чересчур.

Ровно в двенадцать ворота школы распахнулись, и в проеме показался лимузин. Трепет порывом ветра прошёлся по всем кадетам, застывшим по стойке смирно. Головы их смотрели перед собой, но глаза непроизвольно косились в сторону входа.

Вал относился ко всему этому скептически, но не мешал Кадзуо наслаждаться. Сам он плевать хотел на больших шишек. Одетые в мундиры или пиджаки, они часто задирают нос перед подчинёнными, а сами внутри, в лучшем случае, пустышки.

Со стороны корпусов зазвучал военный марш, а на дорожку ступил император — крепкий японец среднего роста в парадной военной форме сухопутных войск без знаков различия. Воротник и манжеты его кителя блестели золотым шитьем, а к золотому же поясу была пристёгнута сабля. Кадеты метнули руки к козырькам и снова застыли статуями. Следом за императором из машины практически выплыла женщина-сказка, женщина-мечта.

Император взял под руку супругу и двинулся неспешным шагом вдоль шеренг, приветливо помахивая

встречающим левой рукой. Улыбался и вообще держался очень раскованно.

«А император-то ничего, может — нормальный мужик», — мысленно высказал одобрение Вал, но тут же умолк. Он увидел императрицу.

Высокая, статная, с европейскими чертами лица женщина захватила всё его внимание. Строгий костюм был не в состоянии скрыть роскошь её фигуры — шея, разворот плеч, грудь, живот, бёдра, ножки — всё восхитительно совершенное и какое-то знакомое, родное что ли... А походка! Уверенная, грациозная. А взгляд! Взгляд, правда, прохладный, недоступный, несмотря на улыбку.

«Жена императора, Серафима коугоу хейка, родом из Российской Империи», — сообщил Суслик, заставив Вала окончательно потерять рассудок.

Ностальгия Валентина и естественный гормональный фон юношеского тела наполнили глаза курсанта щенячьим восторгом и обожанием, а чресла горячей кровью. Венценосная пара приближалась, и взгляд пришлось вернуть на место, в результате чего весь восторг и обожание досталось каменному лицу кадета напротив.

Вслед за императорской четой шла какая-то миловидная девчушка в бежевом костюме-двойке. Проходя мимо, она неожиданно повернула голову и поймала взволнованный взгляд курсанта. Удивление, восторг и смущение мгновенно промелькнули в её глазах. Одна секунда, и она потупила взор, а затем отвернулась.

«Дочь императора, Айко кётаиси дэнка,» — подсказал Суслик. Вала это сообщение не слишком заинтересовало.

За принцессой шёл директор с учителями и остальным персоналом школы. Ласка шла с ними. Вместо строгой, пусть и обтягивающей формы медработника, она была одета в пышное платье по европейской моде. Солнечно-жёлтое, оно хорошо сочеталось с её рыжими волосами, а глубокое декольте было способно затмить саму императрицу. Следом, мимо Суслика прошла Совушка, одетая в парадную военную форму. Сапоги с толстой подошвой делали девушку выше и выгодно подчёркивали её стройные ножки.

Как только основные гости прошли, кадетам скомандовали повзводно двигаться на плац. Строевая подготовка — предмет ненавидимый и Валом, и Кадзуо, но сейчас его нельзя было запороть.

Как только курсанты отмахали ногами и построились в шесть каре перед трибуной, к микрофону поднялся император. Он поприветствовал строй, пожелал удачи на соревнованиях и даже пошутил, после чего всех распустили переодеваться.

— Ласка... — начал было Хомячок.

— Серафима... — одновременно заговорил Суслик.

Друзья переглянулись.

— А ты шалун, мой стукнутый друг. Меняешься прямо на глазах. В чём была Ласка сегодня?

— Не заметил. — соврал он. Но блестящие глаза выдали его.

— Он не заметил, нет вы видели? Но императрица — это перебор даже для тебя. Где уважение к традициям нашего общества? — заявил Хомячок, подражая менторскому голосу преподавателя.

— Уважение где надо, в... — Суслик не договорил, потому что дверь распахнулась, и в комнату ворвался Хорёк.

— Где твоя сестра, Хомяк? Где Пума?!

— А что, её нет?

— Ты поразительно догадлив! Мои парни видели, как заходили отряды охраны, они прибыли еще четыре часа назад, и среди них нет тринадцатого! Шевроны с первого по шестой, а из тринадцатого вообще никого! Я думал Пума будет сопровождать императора, но там только толпы слуг и всего пара телохранителей!

— Что же делать?!

— Это, в конце концов, твоя сестра! Кто теперь доставит нам оружие?! Кто пронесет через охрану школы?!

— Спокойно, девочки, — взял слово Суслик. — Хорёк прав. Хомячок, сестра твоя и, значит, что? Значит, ты должен с ней связаться. Позвони ей.

— Точно, в дежурке есть телефон, я мигом!

Джунгарик летел, не чуя ног, и чуть было не врезался в группу девушек в холле, а крайнюю немного задел. Барышня среагировала мгновенно — не успел он пролететь дальше, как его ухватили за локоть и развернули ко всему женскому обществу. Только одна — особа в бежевом костюме, отвернулась и даже зашла за спины спутниц.

— Передвижение с такой скоростью, юноша, может лишить вас головы, — произнесла поймавшая его девушка. Высокая и крепкая, рыжеволосая, с пышными, притягательными формами.

— Гоменнасайсумимасэн, но я очень тороплюсь, — затараторил Хомячок, затем сделал попытку поклониться и попытался вырваться, но не тут-то было.

— Ах, вы торопитесь и на этом основании наскაკиваете на людей и говорите им... простите, — вступила вторая барышня. Чуть пониже ростом, стройная, черноволосая, с тонкими и приятными чертами лица.

— Поверьте мне я сделал это нечаянно, а сделав это нечаянно, я сказал "простите меня" и поклонился! По-

моему, этого достаточно, — Хомячок так вырвался из захвата, но просто убежать теперь не мог.

— Юноша, вы невежа, но, быть может, у нас ещё будет возможность поучить вас манерам... позже, — заявила третья. Невысокая субтильного вида барышня, но с задорной искоркой в глазах.

— К... к вашим услугам, — пробормотал Джунгарик и рванул к дежурке.

Четвертая девушка, та, что все это время стояла спиной звонко расхохоталась.

— Вот, а вы говорили, что здесь будет скучно!

— Вы были, как всегда, правы, ваше высочество, — ответила третья, и все рассмеялись.

Джунгарик добрался до дежурки, выгнал охранника и набрал сестру.

— Ниисан, где ты? Что случилось?

— Дворцовая бюрократия! Нас не поставили из-за тупого графика, который не поправить без начальника охраны, а начальник уехал на медитативные практики. Заместителя тоже нет! Проклятье! — из трубки послышался удар и треск — какая-то несчастная мебель пала жертвой гнева Каори-ниисан.

— Что будем делать?

— Синдзи, ты должен постараться — нужно получить приглашение в школу для меня и моих парней.

— У директора?! Но он же с императором!

— Ты сможешь, у тебя язык подвешен что надо! К тому же ты — Минамото!

— О боги! Я не переживу этот день!

— Я еду на полигон, приглашительные нужны через тридцать минут!

— Так я выиграю забег ещё до соревнований! — продолжал ныть Синдзи.

— Давай братик, пригласи сестрёнку в гости, — с нежностью прозвучало в трубке.

— Когда ты так говоришь, мне становится по-настоящему страшно. Ладно, я пошёл.

Джунгарик рванул к административному корпусу, на бегу пытаясь продумать разговор с директором.

«Господин директор, моя сестра... Или лучше сразу воспользоваться фамилией? «Господин директор, Минамото-сан желала бы...».

Он промчался мимо плаца, притормозил об угол трибуны и ринулся вдоль манежа. Вокруг бродили гости, и Джунгарик, памятуя о недавней встрече, чуть сбавил ход.

«А может сначала похвалить приготовления? «Господин директор, замечательный прием!» Да какое ему дело до моей похвалы?!» Так ничего окончательно не придумавший Хомячок ворвался в здание, и побежал к кабинету директора.

«Или сказать, что она из охраны императора? «Господин директор, дополнительный отряд охраны не будет лишним». Но это же не моё дело, он так и скажет! Теперь по коридору и до поворота. Или пошутить? Раньше срабатывало... Нужна остроумная шутка, остроумная шутка! Да где ж они все, когда надо?!»

Поворот, и Хомячок со всей скоростью врезался в кого-то. От столкновения он отлетел и плюхнулся на задницу. Когда Синдзи немного отошёл от удара, он увидел, что сшиб того, в кого врезался. А ещё через секунду осознал, что перед ним сидит директор школы, с вытянутыми перед собой ногами.

— Господин директор, остроумная шутка, — скороговоркой вырывалось у Хомячка.

Но директор в совершенной прострации, на лице его блуждает улыбка.

— А, кадет Минамото-кун... Как мы встретили императора, а? Хорошо?

— Хорошо, — тут же сам себе ответил директор и начал вставать.

— Господин директор, прекрасная встреча! Моя сестра, Минамото Каори, мечтает посетить сегодняшние соревнования. А вы же знаете если женщина чего-то хочет, то ей нужно это обязательно дать. К тому же не бывает много охраны для императора!

Неизвестно, что именно подействовало на директора, но он, всё так же улыбаясь, выудил из внутреннего кармана пачку приглашительных.

— Держи, и не увлекайся — сказал он с отсутствующим видом, поднялся и пошёл дальше.

Хомячок ещё немного посидел на полу, удивляясь тому, как это все произошло. Должно быть директор выпил ведро валерьянки... Но расслаживаться времени не было и кадет рванул к дежурке.

На пути мимо жилого корпуса его перехватил Хорёк. Он выскочил из дверей, как чёртик из табакерки и ухватил Джунгарика за локоть.

— Скажи мне что-нибудь, Хомяк! Или... — одними губами процедил Сёго.

— Или что? Оглушишь меня зубовным скрежетом? Расслабь челюсть — пломбы выпадут. Вот — приглашения для Каори. Скоро она будет здесь.

— Раз в год и от тебя толк бывает.

Поговорив с братом, Пума спокойно положила трубку, прошлась по отелю, где её группу разместили в качестве «резерва», собрала весь свой отряд и вывела его из здания. Теперь следовало действовать быстро: за ними наблюдали как официально, так и негласно. Теперь, если нападение не состоится, она пойдёт под трибунал за нарушение приказа, и у бойцов тоже будет масса проблем.

Но, по крайней мере, по ним не начнут стрелять свои, ведь Синдзи достанет ей приглашение. Она не сомневалась в своём брате.

Так же она всё меньше сомневалась в реальности заговора: в Китокюсю была замечена подозрительная активность в портовом регионе, в отелях города — появилось множество иностранных моряков, которые держали путь в разные страны мира, но вот остановиться на длительную стоянку для заправки, загрузки продуктов, посещения достопримечательностей и портовых борделей приспичило именно сейчас.

Система регистрации преступлений так же давала сигнал о том, что драк с поножовщиной, убийств и изнасилований стало больше. Практически все — всяки. Никто ничего не видел, не слышал, или живых свидетелей вообще не удастся найти. Начальство на все служебные вопросы крутило фигурально пальцем у виска и, с непревзойденной вежливостью и этикетом, отфутболивало такие запросы. Дескать, не какому-то там капитану семафорить об опасности — у него и так целый штаб над этим работает. А в сопровождение только оперативных агентов шестьдесят человек. И в каждом городе подстраховка из ОПОНа.

Мало того, ее вообще отстранили от задания, а команде дали обязательные оплачиваемые отгулы — что в их структуре, крайне бережливой и бюрократичной, и вовсе нонсенс! Ну кто откажется от такого подарка, когда на три дня отгула тебе дают пол оклада?!

Пума приказала отряду не отсвечиваться, отгулы и деньги взять, документы на отгулы не терять и вообще отксерить в двух экземплярах, а ксерокопии положить в сейфы, небрежно бросив оригиналы на виду или засунув в открывающиеся ящики столов.

Она как в воду глядела — каждый из сотрудников доложил, что оригиналы пропали. Что-то серьезное готовилось.

— Оторваться от наблюдения — коротко приказала она.

Отряд бросился в рассыпную. Сама Каори пошла прямо по улице, и не пыталась никуда скрыться до самого поместья Кагосима. Там на подземной парковке уже был подготовлен грузовик с кунгом на десять бойцов, а в грузовом отсеке лежали два десятка автоматов Калашникова, пулеметы Калашникова — пять штук, два десятка цинков с патронами, пять ПЗРК и сапёрные лопатки с запасом. Пулемёт без сапёрной лопатки — деньги на ветер, как сказал дядюшка Хорька. Ещё от себя он добавил несколько магов, специализирующихся на постановке щитов, они уже должны были находиться в школе. Хорошо, но катастрофически мало. Остальное оружие поджидало на территории полигона, куда его должен был подвезти некий Ямана, с которым Кагосима имели хорошие деловые связи.

Через десять минут, после того как Пума с техником клана Кагосима проверили машину, стали подтягиваться её бойцы. Всё должно было выглядеть так, что юная Минамото сбежала со службы, чтобы развлечься с тайным любовником из Кагосима, а отряд отправила погулять. Стражники императора тоже люди... Более того, подобное поведение и правда могло бы сойти ей с рук в несколько иных обстоятельствах.

За руль Пума посадила одного из своих подчинённых, и вся команда выехала с парковки. Предстояло проехать через центр города. Каори прекрасно понимала, что теперь заговорщики начнут действовать против неё открыто. Она давно обзавелась устройством радиоперехвата, и всю дорогу до поворота на главную магистраль слушала болтовню в эфире. Выцепить ничего не удавалось.

Когда она взглянула, наконец, на автостраду, её слегка удивила колонна из джипов и автобусов, проехавшая перед грузовиком. Когда в зеркале заднего вида замаячила ещё одна подобная колонна, подозрение переросло в уверенность.

— Подтверждаю — зашипела вдруг рация, настроенная на поиск переговоров в непопулярных частотах — Встретимся на берегу.

— Поднажми! Нужно догнать... — начала Каори, но её прервал грохот выстрелов.

Сзади, в джипе без крыши, пассажир встал на сидение и дал очередь из автомата по кунгу.

— Все живы? — спросила Пума. Грузовик резко затормозил, развернувшись поперёк дороги. Никто не врезался в него: все машины сзади ожидали, что атакованный транспортник остановится.

Бойцы быстро открыли боковую дверцу кузова и выгрузились наружу. У каждого уже была штатная армейская винтовка «тип 89», готовая к бою. Пума включила магический щит и запрыгнула на подножку грузового отсека, откуда достала пулемёт для себя.

— Новая задача: устранить противника и добраться до полигона рядом с кадетской школой! Нападение будет

там! Ясуо, засри этим сообщением весь эфир! — скомандовала она специалисту по связи. Остальные готовились выйти из укрытия и перейти в наступление на заговорщиков. Время работало против них, ведь большая колонна уже проехала перед ними, а значит, вокруг полигона, который как раз расположен на побережье, замыкается кольцо осады. С портов Оути не составит труда организовать морской десант, а со стороны города прижмут те, кого Пума упустила.

— Связи... больше нет. — сказал Ясуо.

— Проклятье! В атаку! — закричала Пума.

Теперь всё будет зависеть исключительно от того, сможет ли Суслик организовать верные императору силы. Сама Пума к началу покушения уже не успеет.

Примечание к главе 18

Хэика (陛下, “его Величество”) — добавляется к титулу царствующей особы.

Примеры: Тэнноу хэика (天皇陛下) — “Его Величество Император”, Коугоу хэика (皇后陛下) — “Её Величество Императрица”, Кокуоу хэика (国王陛下) “Его Величество Король”, Дзёоу хэика (女王陛下) — “Её Величество Королева”.

Слово хэика (“Ваше Величество”) используется при обращении к царствующей особе напрямую;

Дэнка (殿下, “Королевское Высочество” или “Величество”) — добавляется к титулу нецарствующего члена королевской семьи. Например, Сувэ-дэн Оукоку, Виктория Кётаиси дэнка (スウェーデン王国, ヴィクトリア皇太子殿下) — “Её Королевское Высочество Кронпринцесса Королевства Швеции Виктория”;

Первые этапы соревнований прошли в школе. Началось всё со вступительных речей, которые должны были зачитывать лучше ученики школы. Конечно, это оказался Кагосима Сёго, какой-то плохо знакомый Суслику Ямана, и конечно же, вездесущий Хомячок.

Звукорежиссёр почтительно поклонился в сторону императорской семьи, директор, стоявший максимально близко к императору, вскинул руку и махнул, отдавая приказ к началу. Согласно новейшим протоколам, теперь не требовалось сидеть перед императором в догеца, отвернувшись в обратную сторону, как в старину. Заиграла бравурная военная музыка, учащиеся спели гимн... В общем, всё шло своим чередом.

Суслик, как один из самых низкорослых старшекурсников, стоял не в первых рядах, и, теоретически, это лишало возможности его видеть происходящее. Но стратегически правильная позиция, с боем взятая у курсового батьки, позволяла ему незаметно пялиться на императрицу Серафиму. Что, в свою очередь, заметила глазастая Ласка и внимательная Совушка. И если первая стала метать в сторону императрицы громы и молнии, то Совушка лишь покачала головой и мечтательно вздохнула. О чем она там мечтала — сказать было совершенно невозможно.

Благодаря постоянно скошенным глазам, Суслик первое заметил неладное с Хомяком. Тот, стоя спиной к зрителям вместе с Хорьком и Ямана, отчаянно подавал знаки сложенными за спиной лапками. Это могло означать только одно. Хомяк опять что-то сделал, и это что-то попадет по кому-то очень больно. Иначе бы он так отчаянно не жестикулировал!

Суслик отвлекся от осмотра Серафимы-сама, и запустил внутренний проектор последних событий, в которых он участвовал с Хомяком. «Так, тренировки можно пропускать — ничего интересного, дальше, дальше, а, вот оно, стоп!» — словно в трёхмерной игре перед ним предстала сцена подготовки пакостей Хомячком, еще до того, как они замирились с Хорьком и стали частью его команды. Мысленно покрутив сцену перед глазами, он приблизил бумаги, валявшиеся на столе Джунгарика.

«Вот, список пакостей. Зачеркнутые — значит реализованные. С галочкой — подготовленные, с пустым кружочком — планируемые. А вот это уже совсем интересно — одна пакость обведена и около нее стоит несколько галочек и жирный восклицательный знак. Давай как попробуем ее прочесть, друг Суслик!»

И действительно — пакость была знатная: заменить в телесуфлере на сцене карточку Хорька на почти такую же, с очень небольшими изменениями. Пока Суслик читал содержимое, ему приходилось ОЧЕНЬ сильно держать себя в руках. Каждое предложение начиналось невинно и дипломатично, но, как и любое предложение в японском языке, заточенном на моментальное изменение смысла, могло быть драматически изменено единственным последним словом. Что и было сделано Хомяком — и, без вариантов, он забыл об этой подставе!

Суслик воочию представил себе ситуацию, когда Хорёк, воодушевленно готовившийся последнюю неделю, и везде таскавший с собой карточки, начнет читать. Сначала все будет идти хорошо, затем Сёго входит в ритм, и заканчивает предложение вариантом Хомяка. Первый раз — небольшое недоумение, мол это я не учил. Второй раз — он сомневается, но что бы не соскочить с нужного военно-патриотического задора и настроения — продолжает самозабвенно читать без осознания текста. И вот, фактически загипнотизированный своим текстом, он начинает читать последние два предложения. А там сплошное дадзярэ — или, как иногда еще называют такие плоские шутки, «стариковский юмор!»

Репутация погублена, все смеются, но уже с самого Кагосимы Сёго, которого потом Хомячок планировал дразнить «дедовскими остротами!»

Ксо! Надо спасать положение. Так как Суслик стоит в задних рядах, ничего не стоит исчезнуть, пока взоры строгих командиров направлены в стороны первых рядов и императорской ложи. Суслик на максимально доступной скорости рванул в сторону звукорежиссерского пульта. Как раз в этот момент Хорек стал подниматься на сцену для выступления.

Он постучал по микрофону кончиком пальца, сказал дежурную фразу «Проверка, раз-раз, один-один!» — в ответ оператор сделал пальцами фигуру что всё Ок, и Сёго начал декламировать, почти не глядя в телесуфлер. Когда половина текста была прочитана, Суслик подобрался к будке звукорежиссера. Разбираться, что там надо выключить, что бы не случилось несчастья, он не стал, и, дождавшись, когда Сёго добрался до опасного места, просто выдернул штепсель силового кабеля из розетки. В результате прозвучавшего «дадзярэ» никто не услышал, а сам Хорёк понял, что читает что-то не то, и его взгляд приобрел осмысленное выражение. Сёго быстро глянул на Хомяка, увидел скорченную в попытке изобразить раскаяние рожицу и всё понял. Затем, переведя глаза на режиссерскую будку, где в этот момент звукорежиссер пытался найти причины проблемы, увидел выходящего из-за будки Суслика и с благодарностью тому кивнул. Суслик заложил руки за голову, но затем вытянул правую руку вверх и изобразил знак «виктория» — всё прошло замечательно!

Сёго, воодушевившись, продолжил чтение в мертвой тишине без микрофона и телесуфлера, старательно

пытаясь достичь прежнего накала пафоса по памяти, и успешно завершил свое выступление.

Все рассыпались в воодушевленных аплодисментах, и даже император благосклонно склонил голову. К этому моменту звукорежиссёр обнаружил выпавший штепсель, воткнул его обратно в удлинитель и настроил аппаратуру для следующего выступления.

Принцесса Айко восхищенно проводила глазами высокого и мужественного Сёго глазами, и немного краснела.

Следующими были Хомячок и Ямана.

* * *

Принцесса Айко откровенно скучала. Всё задуманное директором кадетской школы шоу её угнетало. Нет, ребяташки добросовестно старались произвести впечатление на императорскую семью, но вот её, Айко, вся эта шагистика «не вставляла», как говорили в школе. Маги они ещё никакущие, как мальчишки — интереса не производят. Только если Кагосима-сан... И, почему-то, еще она вспомнила одного паренька — блондина с зелеными глазами. Но смотреть как они будут пытаться перебодать друг друга в этих железных коробках, которые так любит папа...

Нет, сил её определено на это не хватит.

— Мама! Мы с девочками обратно в город поедem, съедим парфэ, может быть, в кино ходим. Не-ску-чай! — зайкой допрыгала Айко до Серафимы, чмокнула в щечку и под присмотром двух фрейлин ускакала к лимузину. Рослый телохранитель сразу же сообщил по радию об изменении обстоятельств и к лимузину Айко присоединился джип с охраной.

— Ты ее слишком балуешь. — тихо, но строго попытался отчитать супругу Нарухито. Та лишь улыбнулась и положила свою прохладную руку мужу на предплечье. Она никогда не спорила, но Нарухито не забывал, кем была бабка Айко, и кого кличут Генерал Мороз на Руси.

Сложно было забыть о том, как они познакомились с Серафимой. Тогда клан поручил ему очень ответственное задание — произвести диверсию в цепочке поставок колумбийского наркокартеля. Они смогли договориться о дозаправке своих самолётов на севере Евразии, и повадились возить кокаин в Японию. Перепадало и России, но эти пусть сами разбираются. А Нарухито тогда утопил в море товара на 500 миллионов долларов, прямо в самолете, в котором летел сам. Выжить при этом было совсем не просто, но того, кто находится под покровительством богини Аматерасу, Солнце греет даже на северном полюсе. Пока не истощится магический резерв... Но удача не оставила будущего правителя Японии: он встретил охотников из племени эвенков раньше, чем замёрз насмерть.

Суть миссии заключалась в том, чтобы провести «показательную порку» наркоторговцам, показать позицию японской аристократии по этому вопросу. Нарухито постарался явно указать на себя, как на виновника уничтожения груза, однако он не ожидал, что бандиты придут мстить настолько быстро. Они напали на приютившее его поселение после полуночи, если верить часам. Других ориентиров полярный день не давал.

Местные шаманы пытались отбиться и даже смогли отправить в мир иной с десятков рядовых бойцов, но Нарухито решил не отягощать своей судьбой оставшихся эвенков, поблагодарил главного шамана за собачью упряжку и был таков. Он не заметил особых знаков, которые подавали шаманы с помощью дыма.

Унылое и однообразное побережье изобиловало скальными гротами, холмами, изрытыми песчовыми норами, и поэтому показалось беглецу гораздо более привлекательным, чем бескрайняя ледяная пустыня, в которой не было даже барханов. Собачья упряжка не могла тягаться в скорости с джипами колумбийцев, но это на первый взгляд. Достаточно было держаться подальше от утрамбованного в «зимний асфальт» снега, чтобы скорость сравнялась.

Чудо-оружие бандитов — пикап с пулемётом над кабиной — абсолютно непобедим в джунглях и в городе, но в тундре это скорее обуза. К тому же бандиты привезли с собой всего три машины, одну из которых уже потеряли, при перестрелке с охотниками эвенками. Всё вместе это складывалось в неплохую фору для беглого японского мага.

Нарухито опасался только вертолётов, которые колумбийцы могли бы нанять у русских, но этого пока не произошло. Собаки бодро перелаивались, двигаясь к спасительным скалам. Отдалённый рык моторов пугал только японца, собаки же оставались невозмутимы даже тогда, когда загрохотали выстрелы. О прицельности говорить не приходилось, но при той скорострельности, что была у американских пулемётов, шальная пуля запросто могла настигнуть удаляющиеся нарты.

Нарухито старался располагать между собой и предполагаемым противником любой бугорок, а лучше целый

холм, который колумбийцам придётся долго и мучительно объезжать.

И без того ненадёжный план рассыпался, когда оказалось, что бандиты искали его не только живым, но и мёртвым — в океане и на побережье. Редкой цепью, с автоматами за спинами, они шли по снегу и смотрели по сторонам, в поисках провинившегося японца.

Упряжку собак они заметили издали, но вместо того, чтобы начать стрелять, как и положено безмозглым бандитам с отрицательной дисциплиной, потянулись к рациям. Двое ближайших к Нарухито залегли, а остальные продолжили брести, пока не поступило иного приказа. Они были настолько далеко, что сливались в чёрные точки, а сам Нарухито для них должен был выглядеть ползущим по тундре серым камнем. Однако, счёт шёл на секунды.

Нарухито спрыгнул с нарт, и побежал вперёд, туда, где скалы резко обрывались. Эту возвышенность нужно было объехать, но сейчас японец радовался допущенной оплошности, ведь собаки довели его почти до гребня. Оставалось каких-то сто метров. По хорошей, асфальтированной дороге, для тренированного бойца в лёгком снаряжении, это не больше пяти секунд бега.

Нарухито добирался целую минуту.

На доклад у солдата уходит в среднем десять секунд. Ещё пять — на получение новых указаний. Третью пути по глубокому рыхлому снегу. Пару секунд, чтобы приготовить к стрельбе автомат и взять верное упреждение. Нарухито замер, и фонтанчики снега взметнулись перед ним с двух сторон.

Точный расчёт, удача и благорасположение Амаэрасу спасли его. В этот раз. Пока снежинки, потревоженные пулями, не улеглись, японец рванул вперёд изо всех сил, пробежал ещё добрую треть пути и залёг. Рано! Выстрелов не было. Нарухито пополз, царапая руки и колени об едва занесённый снегом камень. Так даже лучше. Гребень обрывается так резко, что с него точно придётся прыгать. Свеситься и спуститься будет проще.

На голых камнях он представлял отличную мишень. Пять метров — зона смерти. Не жалея себя, Нарухитс пополз к спасению. Или кончине, но об этом он старался не думать. Бандиты переместились, и теперь могли стрелять в него даже когда он лежит, чем немедленно и занялись. В последнюю секунду, осыпаясь каменной крошкой, Нарухито свесился с края скалы. Внизу, буквально в нескольких сантиметрах, обнаружился широкий уступ.

Японец смело спрыгнул на него, но ноги подвели его, и он упал, едва не сорвавшись на россыпь острых, заточенных ветром камней. Очень болела нога. Её задело пулей, простая царапина и ушиб, но сейчас это может стать решающим. Нарухито вытерпит, спрыгнет ещё раз, спустится. А дальше? Впереди ещё целый километр причудливо нарезанных гор.

И кто знает, что может поджидать тебя за одиноко торчащим камушком.

Неотвратимые, как ледник, сползший в воду и ставший айсбергом, бандиты стягивались в кучку позади Нарухито. Двадцать, может быть тридцать человек. Продержаться бы ещё несколько часов! Без шансов. Стиснув зубы, японец хромал по острым камням. Если понадобится, он будет ползти, сопротивляться пока есть хоть малейшая возможность! Нарухито не верил в чудо.

А чудо не знало о существовании Нарухито.

Проходя мимо очередной скалы, японец упал, подскользнувшись на хорошем, сухом и шершавом камне. Он ударился головой, но понял, что его куда-то тащат.

— Где беглец? — спросил холодный женский голос.

Простившийся с жизнью, Нарухито представлял себе Смерть совершенно иначе. Она коснулась его затылка ледышкой, и вместо наполненного темнотой черепа, он увидел лицо молодой девушки с длинными белыми волосами. Боль немного отступила.

— Какой беглец? — спросил Нарухито.

— Мои друзья попросили помочь беглецу. Вы его обнаружили? И кто ты такой? Дезертир? — начала допрос девушка.

Нарухито любовался её лицом, с высоким лбом, аккуратным носом, бездонными голубыми глазами и алыми губами.

— Я беглец. Эти колумбийцы гонятся за мной. — признался японец.

— Идти сможешь? — спросила девушка.

— Идти — да. Бежать — нет.

— Ты ранен. Я помогу. — она коснулась раны на бедре Нарухито, и тот почувствовал, как всё замерзает. Девушка была магом, и при том очень могущественным. Не целителем, от такого «лечения» больше вреда, чем пользы, но с дыркой в черепае до целителя будет добратся сложнее, чем с обморожением на бедре.

И они побежали. Длинное ущелье, последняя преграда на пути к океану. Зачем? Колумбийцы никогда не узнают. Нарухито с помощницей выходить к воде вовсе не собирались. Девушка дала японцу один из своих пистолетов и запасной магазин. Шестнадцать патронов. Можно уложить половину банды, если не промахиваться. Нарухито решил, что будет счастлив, если сможет забрать с собой пятерых. Он всё ещё не верил в чудо, а чудо не

верило в него. И всё же, они собирались сражаться вместе.

Текущий будто сам по себе лёд подхватил каменную осьпь, несколько тонн щебня, и поднялся к вершине отвесного утёса, застыл, притворившись столь же древним, как остальной лёд вокруг. Бандиты штурмовали ущелье с двух сторон. Нарухито вlepил первому в колонне пулю в грудь, и выстрелил ещё трижды в том же направлении, из-за укрытия, не целясь. В ответ ему кинули гранату. Выстрелы и взрывы подстегнули вторую группу, и они понеслись, сломя голову. Граната оглушила японца, глубоко забившегося в щель между камнями, но не лишила зрения.

В звенящей тишине он наблюдал, как бегут загорелые колумбийцы, как по стене начинает ползти лёд, смешанный со щебнем. Он видел, как потоки стремительно падают вниз, разбрызгиваются во все стороны тяжёлыми и острыми брызгами, перемалывают кости и мясо бандитов в кашу. Всё это происходило прежде, чем они успевали осознать хоть что-то.

Нарухито спешно вылез из щели и снова стал стрелять по удирающим бандитам, видевшим ту же самую картину, что и он, только гораздо более пугающую. Ведь они — следующие в очереди на расправу. Позади них что-то взорвалось, забитая снегом расщелина оказалась с сюрпризом. Ледяные копыта вылетели из неё, спрятанные в снежной пыли, и мгновенно убили троих. Прицельным огнём Нарухито остановил одного бегущего, и застрелил второго, замешкавшегося. Оставшиеся пять патронов он расстрелял по рассеянным паникой колумбийцам, попытавшимся спастись от врезавшегося в их толпу снежного вихря, с блестящими ледяными лезвиями внутри. Перезарядив пистолет, он взглянул на стоящую перед ним девушку с белыми волосами. Они были единственными живыми людьми в ущелье. Нарухито поверил в чудо. А чудо улыбнулось Нарухито.

* * *

Воспоминания скрасили императору время по пути на полигон. Суслик же наоборот, ехал как на иголках, постоянно ожидая нападения. Причем он где-то уже успел опоясаться личным оружием, состоявшим из пистолета, танто, и подсумка с запасными обоймами. Из-за этого оставшиеся в школе головорезы из команды № 6 поглядывали на него с нехорошим блеском в глазах — полиция Китокюсю уже успела провести рапорты о «бойне Терузуши» через ЕСОП — Единую Систему Отчетности о Преступности.

Кто-то даже догадался загрузить туда черно-белые фотки: полуголого — в одной майке, шортиках и шарфике мальчика, пакет целый отряд полицейского спецназа. Ну и заодно фото орудия преступления.

По отчету оказалось потраченным — ноль патронов Парабеллум. Задержанный Фудзивара Кадзуо так и не вынул пистолет за всё время боя из нашитого на шорты кармашка.

Убитых тактическим ножом танто — ч/б фото ножа с камоном прилагается — два нападавших. Первый убит ударом ножа в темечко, второй — точным ударом в сердце.

Третий умер от перелома шейного отдела позвоночника, прежде чем успел истечь кровью.

Два подозреваемых успели выпустить по 3 пули каждый по своей цели — предположительно — Минамото-сану и Кагосима-Сану, которые смогли вовремя поднять щиты и затем покинули помещение при помощи эвакуационного устройства. Фото альпинистского крюка и тонкой бечевки прилагается.

Затем при помощи двух гранат, трофейного АК-47 были уничтожены пять боевиков. Один из них на стоянке.

Третья граната не разорвалась, так как кольцо не было выдернуто.

По подсчетам криминалистов бойня продлилась около минуты.

Поэтому императорским охранникам из всех отрядов было дано особое распоряжение главой Императорской службы безопасности ни в коем случае не подпускать троицу Минамото-Фудзивара-Кагосима к августейшей чете ни под каким предлогом.

За Фудзиварой и Кагосимой установить негласное наблюдение, так как именно Кагосима передал указанное оружие Фидзиваре. Ну а Минамото, похоже, сопровождал и координировал эвакуацию. В файле было даже кодовое прозвище «объекта» — «Хитокири», которое ему дали местные полицейские.

И даже Кадзуо не мог скрыться от действительности, оставив Валентина разбираться с техникой самостоятельно. То, что сегодня прольётся много крови, явно подтверждали там-тамы, стучащие на самом краешке сознания весь день. А находились они будто на полигоне, потому что чем ближе подъезжал Суслик, тем громче они становились.

Вал не мог поверить, что сегодня им выдадут настоящие танки. Да, речь идёт о японских танках, что уже смешно, но у них всё ещё есть полная неуязвимость против пуль и большая пушка! Правда, без боеприпасов. Их точно не выдадут: кадеты ведь ребята такие, не со зла, так по дурусти зарядят 120 мм фугасом по императору, и что потом делать? Та же история с пулемётами. А с другой стороны, Валентин понимал, что совсем без боеприпасов танки не пришлют, значит на складах у Орыча снаряды всё же найдутся. А уж пулемётные патроны он

лично видел, они там ещё с появления БТР лежат.

Согласно сценарию, два танка Тип 74 должны отбить атаку превосходящих сил, которые прорываются в «город» — а точнее, к нескольким быстровозводимым модульным постройкам, что появились на полигоне специально для шоу. Судя по вывескам, тут был штаб, медпункт, столовая, и три склада. На танках атакующих была закреплена пиротехника, которую подорвут, как только защитники наведут пушку в нужную сторону. Так как машины выглядели одинаково, различать их предлагалось по раскраске: врагов покрасили в чёрный и красный, а защитникам нарисовали японские флаги на бортах и несколько иероглифов по остальным поверхностям. «Герой», «Защитник» «Патриот» и тому подобное.

Разумеется, к настоящим военным действиям всё это представление не имело ни малейшего отношения — там всё прячутся как могут, а стреляют с предельного расстояния, промахиваясь девяносто девять раз из ста. Современная война максимально не зрелищна. Забравшись на броню танка, Суслик понял, что в последний раз смотрит на этих людей. Барабаны стучали совсем рядом. Вот трибуна для императора, императрицы и свиты.

— Принцесса не приехала — простонал Хомячок.

— Радуйся. Я думаю, тут погибнут почти все. — Мрачно ответил ему Суслик.

На Хорька — командира второго танка «защитников» приехали посмотреть половина клана, не меньше. А вот Минамото не было ни одного. Пума задерживается. Изменившийся ритм барабанов подсказал Суслику, что Каори тоже сражается прямо сейчас. А значит, в Китакюсю тоже неспокойно. Но сообщать об этом Синдзи Суслик не стал. Его друг — храбрый малый, но сейчас в опасности и его сестра, и обожаемая принцесса.

Император лично подал сигнал к началу шоу, выпустив из руки яркую вспышку. Как Суслик ни приглядывался, он не смог разглядеть никого, кто мог бы быть Аку. Похоже, в предстоящем бою он сможет рассчитывать только на свои навыки и верный пистолет.

Глава 20 «А на войне, как на войне»

«Я не из тех попаданцев, что придумывают командирскую башенку на Т-34, но из Тип-74 тоже ни хрена не видно» — посетовал Валентин.

— Противник на девять часов! Разворот! — сказал он водителю, которым оказался Сюя. Скорое нападение заговорщиков не освобождает от необходимости участвовать в шоу.

«Застрелив» танк, выполняющий разведку боем, Суслик получил небольшую передышку. Он ориентировался по «данным разведки», которые предоставлял ему сидящий на складе Орыч. Тот, в свою очередь, ориентировался на сценарий, а там главным героем являлся другой танк, тот, что под командованием Хорька. Пока Кагосима геройствовал, Суслик думал. Чтобы научить кадетов ездить на песке на полигоне использовали натуральный пляж. А дальше, значит, открытое море. Морем занимается только береговая охрана и клан Оути.

— Разворот на шесть часов — скомандовал Суслик.

— Противник? — спросил Хомячок, посаженный в тесную башню как самый маленький.

— Нет. Я считаю, что нападение будет с моря. Прямо сейчас. Полный ход, Сюя.

Никто не стал спорить. Танк покатился к утёсу, за которым начинался песчаный пляж. Суслик не знал, что лучше: занять господствующую высоту, или встать на подходе к ней? Единственная доступная ему атака — психологическая, боеприпасов и правда не выдали. Танк на заметной позиции воодушевит защитников, а на пути у нападающих — испугает врагов.

— Кадет Фудзивара! Ты что творишь, кусотарь! Этого нет в сценарии! — заорал в наушниках голос Орыча.

«Если бы только этого...» — связь в радиии была односторонняя.

— Немедленно вернись на позицию, иначе... — угрозы командира потонули в треске помех. Вот теперь точно началось.

Хорёк успел получить приказ разобраться с товарищем, действующим не по сценарию, но вместо этого примкнул к его «безумию». Оба танка поехали вниз по склону, как будто решили искупаться. Они уже успели уничтожить три из пяти машин условного противника, а оставшиеся две замерли на месте. В условиях отсутствия связи экипажи стали открывать люки, чтобы запросить новые приказы с помощью флажков, и увидели, как из-за утёса выныривают вертолёты, один за другим. После недолгой паузы все они приняли решение покинуть машины.

Вертолёты как раз в это время запустили ракеты «Хеллфайр» — новейшие американские снаряды, которые сами наводятся на цель. Быстрее всех отреагировали на появление вертолётов маги из клана Кагосима. Они сразу прикрыли щитами себя и ложу императора, а затем стали расширять защитный периметр на все трибуны. Вертолёты приближались, но до сих пор не все поняли, что они — не часть шоу, а ракеты — не пиротехника. Когда «Хеллфайры» долетели до танков, и все пять машин почти одновременно загорелись, началась паника. А вертолёты летели прямо к трибунам, чтобы перебить всех зрителей ракетами помельче, и курсовыми автопушками.

Император вскочил со своего места, воздел руки к небу, и в воздухе над трибуной будто бы образовалось второе солнце. Наверное, все в Японии слышали про «Слёзы Амагерасу», но видеть его доводилось очень немногим. Толпа даже забыла, что нужно продолжать паниковать. От крупного шара во врагов полетели маленькие капли, жгучие сгустки, уничтожающие всё на своём пути. Вертолёты остановились, не долетев до прицельной дистанции, спешно отстреляли ракеты куда-то в сторону трибун и стали удирать от сгустка солнечной энергии, который двинулся прямо на них. Почти все снаряды сгорели в пламени «Слёз», а те, что проскочили не смогли пробить даже самый зыбкий внешний щит Кагосима.

Но основную ставку заговорщики делали на наступление пехоты. Суслику было почти что физически больно видеть, как прямо под прицелом их пушки плывёт десантный катер на шестьдесят человек, и ещё четыре рядом с ним. Потопить такое одним выстрелом было бы отлично, эта идея вызывала восторг у скелетов, с энтузиазмом бивших в там-тамы из человеческой кожи бедренными костями.

— Покинуть машину! — приказал Суслик.

Танк остановился на видном месте, грозно направив главный калибр на десантирующихся врагов. Хомяк вылез ещё до полной остановки, а когда наружу выбрался Суслик, рядом уже остановился танк Сёго.

— Шестьдесят к одному! — неправильно посчитал соотношение сил Хорёк.

— Вам незачем тут погибать. Позаботьтесь о Ласке. Уходите. — сказал Суслик.

— Я тебя не брошу! — воскликнул Синдзи.

— У меня тоже есть пистолет. — Сёго встал рядом с Кадзуо.

— Это бессмысленно! Нам всем нужно уходить! — сказал Акамацу Кёити, водитель из танка Хорька.

— Я должен остаться. Из всех наших союзников сейчас могут помочь только Аку.

— Их же не существует! — удивился Тэндо Хироки, бывший наводчик из второго танка.

— Мне обещал Арахабакки. Я говорил с ним, и он должен помочь, когда придёт время. Значит, я должен

принять бой, иначе в чём он мне поможет? В том, чтобы убежать, поджав хвост? Я всё сказал. Уходите, и позаботьтесь о Ласке. — Кадзуо достал из кобуры пистолет и снял его с предохранителя. Он не смотрел на друзей, потому что верил — они сделают так, как он сказал. И не хотел разочаровываться в этом.

Внезапно, Суслик оказался в стальных объятьях, прижатый руками с выдающимися бицепсами к пышной женской груди

— А кто это у нас тут такой сладенький на нашу Ласочку запал?

Суслика отпустили так же быстро, как прижали. На него сквозь камуфляжную повязку на лице смотрели большие миндалевидные глаза, и только мягкие выпуклости в районе груди говорили, что перед ним женщина.

— Аку-сама... — прохрипел он.

— Ты можешь звать меня Ока-сан... Пока что. — уточнила незнакомка.

— Вашу... Ласку?

— Медсестру из кадетской школы, мою маленькую дочурку! — она сделала шаг назад, и Суслик смог как следует её рассмотреть. Он онемел — мать Ласки оказалась еще более одарённой в определённых местах, чем её дочь.

— Мальчики, сюда! — позвала свой отряд командир Аку.

Из негустого леса просочились девять теней, постепенно превращаясь в камуфлированные фигуры.

Каждый боец Аку был экипирован в тяжёлые армейские ботсы, камуфляжку, толстую металлическую каску, и носил на теле несколько бронепластин. У них не было автоматического оружия, но мало что из ручного вооружения могло пробить особую гибкую броню Аку. А когда они, развив скорость свыше десяти метров в секунду, выпрыгивали на врагов из засады и начинали крошить их огромными палицами и мечами, похожими на ломы, то единственным способом остановить этот кровавый вихрь был крупнокалиберный пулемет.

Из отряда выдвинулась громадная, метров двух ростом, фигура, так же, как и остальные запакованная в разнообразную броню.

— Аку-сама, катера причалили. Началась высадка. Считаю, это лучший момент для нашего нападения. — прогудел незнакомец басом паровозного гудка.

— Тогда вперед, — предложил Суслик. — Сёго, возьми остальных и займи позицию на утёсе, чтобы нам не зашли в спину.

— А ты решил идти с нами... Смелый и отчаянный мальчик... — промурлыкала Ока-сан.

Суслик ничего не ответил, лишь запрыгал вниз по крутому скалистому спуску.

Наёмники уже начали десантироваться. Некоторые особо нетерпеливые прыгнули в воду, не дожидаясь, пока аппарель опустится на берег. Аку свою работу знали. Пятеро взлетели вверх по склону и прыгнули прямо к катерам, чтобы уничтожить их крупнокалиберные пулемёты и огнемёты. Остальные зашли с фланга, прорубаясь на соединение с товарищами.

Затем началась кровавая жатва — словно средневековые рыцари, защищенные на поле боя от всего, кроме такого же рыцаря, гиганты из Аку перемальывали наемников на кровавый фарш, медленно, но неизбежно. Даже гранаты не особо пугали их — в своём хаотичном перемещении по полю боя они не стояли на месте.

Суслик не отставал — подхватив подсумок и, затрофеив знакомый автомат Калашникова, он укрылся за камнями. Как только кто-то из наёмников избегал удара от союзных Аку, Вал начинал прицельно бить по нему одиночными. Когда вражеские силы сократились на половину, наемники оставили все попытки удержать плацдарм. Их командирам удалось организовать отступление.

Почти полностью был уничтожен десант только одного корабля, остальные понесли гораздо меньшие потери. Суслик перевёл переводчик огня на автоматический и поливал отступающих в спины очередями, но дисциплина наёмников оказалась сильнее. Следуя командам своих офицеров, часть из них залегла, часть упали на одно колено, а остальные остались стоять. Все автоматы оказались направлены в одну сторону, а в следующую секунду наёмники получили приказ открыть огонь. Ближайший Аку получил целую тысячу попаданий за пару секунд. Пули не пробивали его броню, но каждая из них это мощный удар. Боец опрокинулся и теперь неподвижно лежал на песке.

Остальные прекратили хаотичное движение и выстроились линией, прикрывая упавшего. Они выставили перед собой вертикально свое чудовищное оружие, залитое кровью и запачканное мозгами. Короткое заклинание и оружие превратилось в магические щиты, закрывавшие Аку.

Они наступали, наемники отступали. Суслик сделал еще десяток фрагов, когда у него наконец-то кончились патроны. С сожалением поглядев на простреливаемое пространство поля боя, где лежало множество магазинов и автоматов. Но свистящие над головой пули и осколки камней убедительно намекали, что любая вылазка за трофеями чревата пулей в задницу. Наконец, все оставшиеся в живых смогли под прикрытием подавляющего огня залезть на катера и те стали отходить назад. Аку остались на берегу. Вышедший из-за камней Суслик оглядел побоище и присвистнул.

— Ну вы, блин, даёте!

Самозванная Ока-сан подошла к Суслику поближе и интимно прижавшись, сообщила:

— За тобой должок, сыночек!

Затем зычным голосом скомандовала:

— Собираем трофеи и уходим!

Через пару минут пляж был пуст. Только трупы наемников, брызги крови и ошметки мозгов говорили о том, что здесь произошла чудовищная бойня.

Суслик осторожно поднимался по склону, прихватив ещё три автомата с ремнями для переноски и взяв в каждую руку по разгрузке с рожками и гранатами. Они были великоваты, чтобы надеть на себя хотя бы одну, к тому же настолько забрызганы кровью, что пропадало всякое желание. Сам себе он стал напоминать мула, на которого нагрузили десяток мешков муки. Автоматы болтались где-то в ногах, мешая нормально двигаться, а разгрузки, вопреки своему названию, ощущались как сумки с гантелями — такие же тяжелые и неудобные.

Поднимаясь среди разбросанных по склону валунов в человеческий рост, он не заметил, как кто-то появился сзади.

— Стой! — он почувствовал, как ствол пистолета упирается ему в затылок.

* * *

Пума выпрыгнула вперёд первой. В щит перед ней сразу же ударилось несколько пуль, но её это не пугало. Она расставила ноги пошире, вскинула пулемёт и начала стрелять. Тяжёлые пули пробивали тонкие гражданские автобусы насквозь, джипы армейского образца держались лучше. Но её задачей было не уничтожить противника, а подавить, чтобы её бойцы смогли разойтись по сторонам и приблизиться.

Их гранаты были гораздо безопаснее для использования в городе, чем огненная магия Минамото.

Когда гранаты взорвались, у Каори как раз закончился магазин на пятьдесят патронов. Она аккуратно положила оружие на землю, достала из кармана тонкую металлическую струну на рукоятке, и прошептала:

— Огненный локон Кагуцути.

В следующую секунду она прыгнула вперёд с места, преодолев всё расстояние до противника в мгновение ока. Прямо в прыжке она хлестнула струной, превратившейся в чистое пламя, и разрубила ближайший автобус напополам. Следующим прыжком она перекатилась через стоящий рядом джип и добила раненого гранатой наёмника ударом кулака. Тому, что пережил взрыв и удирал повезло меньше, он ушёл так далеко, что Пума не смогла убить его мгновенно. Её струна дотянулась только до ступней, и самым кончиком разрубила ногу чуть выше пятки. Как только он упал, по Каори начали стрелять его товарищи, и она кувыркком откатилась к краю дороги, откуда снова прыгнула.

Приземлившись на капот следующего джипа, она оставила на нём глубокие вмятины, а огненная плеть прошла сразу по трем стрелкам. Её отряд тоже не терял время даром — они зачистили оба автобуса, и теперь прикрывали своего командира огнём из автоматов. Но это было не очень нужно: увидев, что у противника есть маг, наёмники начали разбегаться во все стороны, потому что в этом бою им не победить, да и не подписывались они на такое.

Пума не стала преследовать их.

— Возьмите периметр! — приказала она своим, а сама пошла к раненому.

— На кого ты работаешь? — спросила она по-японски. Тот корчился от боли, дёргался, но головой помотал именно в ответ на вопрос. «Он не азиат. Может, не знает японского?» — подумала Пума и повторила вопрос на английском:

— Who do you work for?

Пленник вдруг успокоился и гордо произнёс:

— Fuck you bitch. Go to Lucky Hell!

И с улыбкой посмотрел куда-то на землю. Пума проследила за его взглядом — около разжатой руки лежала граната без чеки. А в следующую секунду она взорвалась, унося его жизнь и отбрасывая Пуму прочь. Щитовой медальон сработал и рассыпался в прах, спасая владелицу.

* * *

— Бросай оружие на землю! — Суслик облегченно сбросил автоматы и разгрузку. Он уже узнал голос, никого убивать было не надо.

— А теперь подними руки и медленно повернись! — Суслик выполнил команды в точности, и, повернувшись,

изобразил удивление изогнутой бровью.

Перед ним стоял Хорёк, нервно сжимавший невесть откуда взявшийся автомат.

— Фух, ну и напугал ты меня, Фудзивара! Я же чуть тебя не пристрелил — ты выглядел как какой-то ёкай из ада!

— Ну хорошо, что не пристрелил, Сёго-кун. Теперь я могу опускать руки? Они устали, знаешь ли.

Сёго передернуло от фамильярного обращения.

— Извини-извини, конечно, опускай! Я сейчас тебе помогу!

Хорёк поднял разгрузки и пару автоматов, сильно облегчив тяжкую ношу сильного, но маленького Суслика, совсем не приспособленного быть мулом!

Вместе они за пару минут добрались до вершины утёса. Рядом с укрытием лежали два трупа наёмников, с которых, видимо, и забрали снаряжение кадеты.

— Что у вас тут произошло?

— Когда ты оставил нас прикрывать твою операцию сверху, мы помочь ничем не могли — у пистолетов прицельная дальность не позволяет. Поэтому мы просто наблюдали внимательно — вот жуть была!

— Да уж, — скривился Суслик, — Аку работают совсем не «аку»-ратно. Я в укрытии лежал, а всё равно до меня кровь и всякое такое долетало.

— Видели, мы, как ты лежал — прогудел Акамацу — Сверху еле успевали заметить, куда ты переполз, а уж там в бою никто и подавно за тобой уследить не мог!

— Потому и жив. Пули там летали стаями, как пчёлы, со всех сторон. Хорошо, можно было к скалам прижаться.

— Пока мы за тобой наблюдали, несколько живчиков решили смыться — прервал восхваление Суслика Хорёк.

— Кёити-кун первый их заметил.

— Ага, пятеро их всего было. Смогли к нам подобраться, хотели тепленькими взять. Только мы пистолеты из рук не выпускали. — хихикнул Хомячок.

— Ну и как вы с ними справились? — поинтересовался Суслик, которому действительно было непонятно, как пятеро наемников не смогли захватить или хотя бы перестрелять двоих кадетов, никогда не участвовавших в боевых действиях? — Ах, магия...

— Так точно, Фудзивара-тайчо, — доложил Акамацу. — Кагасима-доно довольно хорошо держит щиты. Он поставил щит, а мы начали стрелять.

— Ранили всех, а кто не удрал, тех добились, — было видно, что такое хладнокровное убийство гнетет школьников.

Суслик довольно жестко пресек жалость к врагам.

— Если бы вы их не добились, это было бы последнее ваше ошибочное решение в жизни. Каждый наемник имеет средства «последнего шанса», чтобы не даваться живым. И вы его никогда не найдете, если не знаете точно, где искать. Кто-то держит яд, кто-то — взрывчатку.

Хорёк и Хомяк заметно побледнели. Кто-то из них точно предложил связать наемников и оставить их в качестве пленников.

— Ладно, остались в живых. — 12 баллов каждому за первое боевое столкновение. Хватайте трофеи и бегом за мной. Жопой чую, ничего еще не закончилось!

Глава 21 «Разведка боем»

Когда кадеты направились к зданиям, в которые эвакуировали гражданских и императора, на них выскочил БТР — колёсный «Комацу». Увидев Суслика и компанию, машина резко затормозила, а потом из неё выскочил очень злой Орыч.

— Где танки, Кагосима? — внешне спокойно спросил он. Но воздух вокруг него буквально искрился, что выдавало сдерживаемый гнев.

— Мы заранее знали о нападении. В условиях готовящегося заговора было решено действовать своими силами, так как неизвестно, кому можно доверять. Танки были выдвинуты на позицию, перекрывающую пути наступления противника! — бодро отрапортовал Суслик.

— Фудзивара? — он на секунду проявил удивление — От лица командования объявляю вам благодарность за проявленную инициативу. Но впредь извольте согласовывать свои действия со штабным начальством.

Орыч развернулся кругом и залез обратно в БТР. Машина поехала мимо кадетов вниз по склону, где стояли два последних исправных танка.

Ласка и весь врачебный корпус собрали раненых в одном месте, и старались помочь им в полевых условиях. Тут и там мелькали всполохи зеленой лечебной магии. Около трибун лежали тела, накрытые кусками брезента. Император и императрица переоделись в камуфляжные комбинезоны, надели каски, разгрузки и взяли в руки оружие.

Император руководил обороной. Он приказал навести порядок среди гражданских и школьников. Их приспособили к рытью окопов и постройке баррикад из обломков. Улицы макета города следовало перекрыть полностью, уже наметили два эшелона обороны. Из автобусов и машин соорудили цепь заграждения. Школьные маги готовили большие ритуалы на статические защитные купола. Центральный проход оставался открытым, если не считать выставленного поперёк дороги БТР Тип 73. Гусеничная машина играла роль ворот.

Суслик вёл свой отряд, чтобы доложить в штаб. Так как император взял командование на себя, полный отряд его стражников держал периметр, не пропуская никого внутрь здания. Увидев кадетов, охранники сразу же перенаправили их к ответственному за рытьё окопов сержанту Сато. Хомяк хихикнул, услышав это имя. Суслик вспомнил, что это самый тупой сержант во всей школе, но видимо с рытьём справляется. После короткой перепалки с охраной, которая наотрез отказалась даже докладывать о том, что они принесли важные разведанные, Суслик молча сел на землю. Остальные последовали его примеру. Не обращая внимания на недовольную охрану, они начали обсуждать произошедшее.

— Не думал, что мне доведётся увидеть Аку в живую, — начал Суслик.

— Говорят, наблюдать за тем, как они сражаются и выжить почти невозможно. Они убивают всех, просто ради секретности! — прошептал Хомячок.

— Да уж. Увидеть такое... Я не понимаю, как командирам наёмников удалось организовать отступление, — протянул Хорёк.

— Откуда вообще взялись эти наёмники? — Хомяк всплеснул руками.

— А вот этого даже мы не знаем. — голос подошедшего сзади мужчины был Суслику не знаком.

Когда он обернулся, то тело само по себе вскочило на ноги и согнулось в поклоне, повинувшись отпечатанному на подкорке рефлексу. Рядом с императором стояла императрица, одетая в камуфляж. Валентин автоматически отметил, что в стиле милитари она стала еще соблазнительнее, и что камуфляж она носить явно умеет.

— Не будем играть в дворцовый этикет, ситуация критическая. Я не могу связаться со своими армейскими подразделениями на острове, поэтому любая идея или информация будет полезна.

Стоявший позади императора высокий стройный мужчина с автоматом в руках и рацией за плечами, пояснил:

— По КВ-каналам я слышу только «шепот мертвых». Значит кто-то играет против нас по-крупному — сделать гулшилку такой мощности и размеров требует много времени и жертв. Всё это готовилось заранее.

Суслик в это время снова залип на улыбающуюся Серафиму, которая находилась в близкой досягаемости. Хорёк больно пнул его по шиколотке, но так, чтобы это было не заметно для остальных.

— Гоменасай-гоменасай! Задумался и устал! Мы сейчас отбили атаку с десантных катеров, а у многих наемников были шевроны «Костерезов.» На вертолетах, которые выпустили по нам два с лишним миллиона долларов в ракетах, можно было издалека различить эмблему «Стиллвотер». Не сомневаюсь, что где-то вне территориальных вод Цусимского залива стоит вертолетоносец, откуда нам прилетели подарки и приплыли гости. — сказал Суслик.

— Сколько катеров было? — с любопытством спросил Император, видимо имея в виду маломерки на двенадцать человек.

— Мы смогли насчитать пять десантных катеров «LCM-8» с общим количеством наемников примерно триста

бойцов, вооруженных легким стрелковым оружием — сообщил Суслик.

По жесту Императора вся компания с присоединившимися к ним охранниками, которые полагали что наемники где-то еще бегают, пошла к утёсу. Император встал на самый край и оглядел место побоища. На когда-то золотистом песке, теперь смешанном с кровью, плотью и нечистотами, лежало полторы сотни трупов.

— И что же случилось, в тебя вселился дух Хатимана или Энмы?

— Гоменасай, тэнно хейко, не хотел вводить вас в заблуждение! Мы запросили помощь у клана Аку и десять мастеров клана ожидали нас здесь на всякий случай. Они и нанесли поражение наёмникам, заставив их отступить, потеряв преимущество в живой силе. Теперь если они и высадятся, то только в другом месте, гораздо дальше отсюда!

— Тэнно хейко, прошу прощения за дерзость, но и Фудзивара-сан внес посильный вклад в уничтожение наёмников — он участвовал в битве и лично уничтожил не менее пятнадцати бандитов, осмелившихся посягнуть на ваше божественное величество! — совершенно некстати, по мнению Суслика, влез Хорёк.

— Кагосима-сан и остальная команда прикрывали нас с утёса, и когда на них напали, смогли поразить пятерых нападающих, и, тем самым, предотвратили прорыв диверсионной группы! — не остался в долгу Суслик.

— А где-же сейчас эти самые Аку, — немедленно заинтересовался Император?

— После такого боя они получают среднее магическое истощение и им необходимо восстановить расход жиров и углеводов, дорогой, — пояснила Императрица. — Особенностью клана является то, что за минуту боя они могут потерять до десяти процентов массы тела. Раньше были известны случаи людоедства на поле боя. Особенно они любили мозги — самую питательную часть человеческого тела.

Все поежились от такого рассказа.

— Так что на ближайшие сутки они будут отжираться и отдыхать, — подвела итог Серафима.

Император повернулся к кадетам.

— За ваш беспримерный по храбрости и результативности подвиг вы уже удостоились получить из императорских рук орден Восходящего Солнца! Как только прибуду в столицу — тут же и подпишу декрет...

Внезапно речь Императора была прервана частым грохотом выстрелов, который доносился от импровизированной крепости. Император отдал приказ своей охране, и вся группа поспешила к месту предполагаемого прорыва. Когда они достигли редутов, все уже было кончено. По отчетам императорских охранников — это была попытка прощупать огнем укрепления. Нападавшие откатились сразу после получения отпора и рассеялись в лесу.

По сообщению лейтенанта, докладывающего императору, нападавшие потеряли убитыми и раненым трех или четырех человек, но поддержка огнем из густой лесной поросли дала возможность их эвакуировать. Поэтому определить, кто это был — не представляется возможным.

— Тэнно хэйко, — с глубочайшим почтением обратился Суслик к Императору. — У меня есть основания предполагать, что капитан тринадцатого отряда, Минамото Каори, прибудет к нам со своим отрядом и тяжёлым оружием с минуты на минуту. Прикажете оказать огневую поддержку, чтобы колонна не попала в засаду?!

— Молодой Фудзивара — ты уже отличился сегодня, но не перестаешь меня удивлять и радовать! Поручаю командование операцией прикрытия тебе.

Суслик коротко кивнул и пошел собирать отряд. Хорька и Хомячка он оставил в укреплении и пригрозил самолично расстрелять каждого по два раза, если они с магическим истощением куда-то рванут — мир и Императора спасать.

Сам же Суслик, обратившись к командирам императорской стражи, попросил всего десять человек для осуществления операции поддержки.

* * *

Автоколонна игнорировала светофоры и прочие правила дорожного движения, и прибыла на полигон на пять минут раньше назначенного времени, но их уже встретили звуки взрывов и стрёкот автоматных очередей. Джексон, командир основных наземных сил, был в ярости. За связь в условиях секретности отвечали какие-то черти... И это не столько фигура речи, сколько вариант перевода. Ёкаи, разновидность «кицуне». Они сопровождали группу с самого прибытия в страну, и постоянно отирались поблизости. Они собирали разведанные, корректировали планы — именно их стараниями было решено отказаться от нападения на школу, гораздо более укрепленную, чем этот простреливаемый насквозь полигон со множеством лесных массивов, где так удобно прятаться.

Этот же чёрт распознал в военном грузовике врагов, что стоило его заместительнице — Лаки Хелл — двух третей личного состава. Однако, в этом поганец не подвёл, в кунге грузовчика оказались не какие-то случайные солдатики, а целый отряд императорской стражи во главе с магичкой. Если она присоединится к битве, всё станет

совсем паршиво. Но спросить с ушастого за время прибытия всё равно следовало.

Вот только он исчез.

— Они здесь. Повсюду. — сказал он, и сплюнул — Японцы совсем не следят за своими духами!

— Джексон? — Стоящая рядом Лаки наклонила голову и потянулась за пистолетом. Ей давно было пора на повышение, но Джексон не был храбрым наёмником, а значит проживёт долго... Если не расстрелять его за трусость, конечно же.

— Итак, ситуация следующая. Мы опоздали к атаке основных сил. Лаки, на тебе остаётся контроль дороги. Заминируйте её, и уничтожьте всех, кто попытается прорваться на полигон или с него. Я проведу свой отряд через лес на соединение с основными силами.

— Принято.

Бойцы из её отряда уже сгрузили с джипов ящики с минами «Клеймор», а также взяли один пулемёт у другой группы. Один из наёмников — «оруженосец», ответственный за транспортировку любимой снайперской винтовки Лаки — огромного антиматериального «Баретта», способного пробить лёгкий БТР, держался чуть поодаль от остальных, чтобы никто не задел чехол с высокоточным оружием чем-нибудь тяжёлым. Хотя, ему очень сильно влетит, даже если винтовки коснётся чужой палец...

Лаки решила не изобретать новые тактики, а потому просто, как по учебнику, приказала устроить засаду на повороте. Три ряда мин поперёк дороги, и несколько зарядов вдоль, чтобы, когда выжившие начнут вылазить, им оторвало ноги. Десять бойцов спрятались в лесу, а пулемётный расчёт разместился напротив поворота. А для большей надёжности сама Лаки забралась на дерево и оборудовала себе снайперскую точку, из которой можно было просматривать дорогу с обеих сторон поворота.

Она всегда была снайпером. Ей не нравилась работа в прямом контакте. Лучше ощущать отчужденность к жертве. Потом — да, можно подойти, положить монетки для Харона, отпустить дух по всем правилам.

Ей не нравились азиаты. Не нравились их странные верования и чудные маги. Но люди есть люди, даже если они полу-демоны. Демонов Лаки еще не встречала, но, говорят, в Японии их полно. Они даже не особо прячутся от людей. Якобы сам Сатана — уважаемый и почитаемый бог в их религии. Какого оно пола, и как это зовут — хрен разберешь. То ли Идзанаги, то ли Энма. У них даже Ад разный. И у каждого Ада свой Сатана.

Лаки никогда не была религиозной. Она плохо разбиралась во всех этих концепциях. А что она не понимала, того справедливо опасалась. Убивала Лаки много и часто. Людей, полулюдей, полудемонов, магов — все умирали одинаково. Но ни разу она не убивала ёкаев. Это будет новый, опасный опыт. Ведь они тут и правда повсюду — трусливый Джексон был прав.

Забравшись чуть выше, с одним лишь биноклем, она наблюдала за тем, как на полигоне возводят укрепления. Но стрелять по защитникам даже не пыталась: у них могут быть какие угодно недостатки, но рядом с Императором дисциплина будет несокрушимой, а знатоков военной тактики там хоть отбавляй — учителя в кадетской школе — это офицеры в прошлом. Нет, она ничего не добьётся парой выстрелов, а потом её вычислят и в лучшем случае перестанут попадаться в сектор обстрела.

И всё же, ей пришлось пострелять.

Джексон, как конченный идиот, затеял разведку боем, хотя было очевидно, что первая атака провалилась, и десант не занял плацдарм. Пятеро наёмников выскочили на окопавшихся япошек и ожидаемо получили отпор. Их бы всех взяли в плен, если бы она не прижала защитников к земле, рискуя выдать свою маскировку. Но, кажется, обошлось. Защитники просто откатились на второй эшелон обороны, а раненых успели оттащить в лес.

А грузовичок, в котором были подкрепления защитников, появляться не спешил. Лаки спустилась с дерева и заняла позицию, с которой лучше видно лагерь. Судя по всему, он ушёл в глухую оборону, но на войне ни в чём нельзя быть полностью уверенной.

И всё же, выход диверсионной группы с полигона она пропустила. При всей жестокости, Лаки очень переживала за своих ребят, и делала всё, чтобы они остались в живых. Поэтому, когда она услышала выстрелы, её сердце пропустило несколько ударов. Кто стрелял? По кому? Врага не видно...

Сосредоточенные на дороге, они не заметили, как им в спину зашёл целый отряд императорской стражи. Расправа заняла у них не больше пятнадцати секунд! Но как им удалось подкрасться так быстро и незаметно?

«Тут не обошлось без магии!» — подумала Лаки.

Подавив ярость и жажду мести — ведь она вполне могла расстрелять половину врагов на месте, она стала искать их командира. Если прошлыми стражами командовал маг, значит и этими тоже.

И точно.

Вместо сбора трофеев — а у защитников на счету каждый патрон — они двинулись к пулемёту, обходя расставленные мины. При этом они косились куда-то вверх. Она поудобнее перехватила винтовку, привалилась спиной к стволу дерева и стала искать цель. Их командир наблюдает сверху и думает, что его не достать.

Неожиданная стрельба пулемёта отвлекла её — Лаки надеялась, что оставшиеся бойцы спасутся бегством.

Вернуть их в засаду было бы непросто, но куда легче, чем если их убьют или того хуже — захватят в плен. Вообще, наёмники предпочитали не сдаваться, ведь статус военнопленного им не полагался. Нет, наёмник — солдат удачи. Попал в плен — не повезло, никто не скован никакими законами при определении твоей участи. Показательная казнь — это лучшее, на что можно рассчитывать. А в этой миссии пленных скорее всего будут пытаться. Когда заговор заходит так далеко — каждая крупица информации имеет огромную цену.

Но получив длинную очередь из пулемёта, стражники залегли и потянулись за гранатами. Лаки улыбнулась, когда увидела, что её ребята тоже открыли счёт. Как минимум один из стражей получил две тяжёлые пули в грудь. Бронежилет не был пробит, но на таком расстоянии это не важно, из его рта толчками выплёскивалась кровь — лёгкие разбиты в клочья. А второму попали в ноги, и одна из них уже лежит отдельно. Вторую ампутируют позже.

Лаки оторвалась от прицела и взглядела в листву на противоположной стороне дороги. Маг должен себя проявить. Застрелить его, и можно спасаться бегством. Наконец, ветки едва заметно шевельнулись. А потом ещё раз. Он что, двигается по деревьям? Гранаты взорвались, императорские стражники вскочили и побежали вперёд, а шевеление в ветках прекратилось.

Как опытный снайпер, она умела ждать.

Вот один из японцев выходит на дорогу и начинает доклад жестами. Он смотрит туда же, куда и Лаки. В густой листве ничего не видно, лишь на секунду она заметила отблеск солнца в глазу врага. Задержав дыхание, Лаки Хэлл прицелилась и выстрелила туда, где была голова вражеского мага.

Глава 22 «Мой командир меня почти что спас»

Добровольцы, вызвавшиеся работать с «Хитокири», как его уже успели прозвать ушлые охранники императора, ознакомившиеся с файлами на «особо опасных» и растрепавшие об уникаме всем своим коллегам, были немедленно зазваны в один из шатров с анимационными принадлежностями. Суслик быстро намешал зеленых, коричневых и просто грязных оттенков из имевшихся красок для тела и помог каждому своим примером нанести окрас на лица. Затем заставил набрать веревочек и лент и повел к другому участку леса, находившемуся на полигоне. Здесь они нарубили веток и кустов, и Суслик показал, как правильно привязывать их на тело, что бы они продержались нужное время. В результате получилась команда лесных ёкаев — ночью встретишь, сразу почувствуешь дыхание сверхъестественного.

Суслик помог всем своим бойцам нанести маскировку на одежду, и повёл их через лес. Опыта боевых действий у Валентина в таких лесах было меньше всего — пусть ими покрыта почти вся его родина, действовать приходилось по большей части в тропиках.

Но вот у Кадзуо... Японский лес бывает разный. Это он знал с уверенностью. В детстве, в поместье, он часто гулял с гувернанткой сначала по бамбуковой роще. Затем, став повзрослее, он уходил с местными мальчишками в маленький лесочек близ деревни — играть в ниндзя.

Часто оказывался в роли спасаемой принцессы, так как даже девочки хотели быть ниндзя. Тот лесок был легким, по сравнению с чащобой, которая окружала полигон.

Здесь можно скрываться бесконечно. А если враг обладает теми же навыками что и Валентин Сусликович Фудзивара — то прятки становились смертельно опасными. Тем более, что всё дальнобойное Суслик оставил, потому что в таком лесу даже от ОСВ-96 толку было чуть.

Только нож, только хардкор. И там-тамы в голове соглашались. Свежая кровь, пролитая своими руками — куда как приятнее безличной пули.

Но форма у императорской стражи всё равно была малозаметной, матово-чёрной. Немного листьев, краски, и грязи и вот — с сотни метров залёгшего бойца не отличить от кочки.

Систему жестовых сигналов кадеты изучали на занятиях, поэтому все переговоры было решено вести именно так.

Суслик осторожно взобрался на первое дерево и затаился в кроне. Словно военный компьютер, его мозг фотографически запоминал расположение каждого листика, ветки, уступа или углубления и просчитывал возможность появления противника в обозримом секторе.

Валентин безбожно пользовался возможностью 3Дэ обзора, который был обнаружен им с Сусликом ранее. Достаточно было посмотреть на картинку с нескольких ракурсов, затем погрузиться в медитацию и быстро изучить её так, как будто находишься в виртуальной реальности. Валентин считал это читом, Кадзуо — милостью богов.

Пока в него не вселился кровожадный попугчик, он даже и не задумывался об особенностях своего восприятия мира. Так, иногда пользовался что бы найти «потерянную» рассеянным дедом вещь.

Суслик осторожно метнул кошку, конфискованную у Хомячка, на соседнее дерево, проверил натяжение и закрепил на своем дереве быстроразвязываемую петлю. Второй конец тонкого каната он карабином прицепил себе на пояс и быстро на аккуратно перебрался на другое дерево.

Наёмники в засаде были совсем не видны с дороги, но сзади их не прикрывало ничего. Суслик отдал приказ к атаке, и зачистка заняла считанные секунды. Он тут же отдал следующую команду — проверить поворот. В таких местах принято устраивать засады из двух частей, первая перед поворотом, а вторая прямо на нём.

Так и вышло. Пулемёт ранил двоих бойцов, одного, похоже, смертельно. Отряд разделился. Нужно было помочь раненым и проверить территорию, а Суслику следовало распределить людей. Несмотря на шум выстрелов, они сохраняли молчание. То, что засада стреляет это вполне нормально, а вот кто может услышать голоса — неизвестно.

Дернув за второй конец каната, он смотал канат в бухточку и снова затаился. Во время скоротечного боя с засадой он заметил, что в где-то на дереве засел снайпер. Валентин называл таких «кукушками». И либо «кукушка» его не засекала, либо ожидает, пока он потеряет бдительность. Стоит сделать еще пару ментальных снимков и внимательно пройти по лесу. Суслик не стал повторяться и перебрался на соседнее дерево как ящерица — по сплетенным веткам. Еще минута на осмотр. Всё тихо. На следующее дерево — по земле, и снова осмотр.

Всё, критическая масса данных для этого участка леса набрана, пора закрыть глаза и пройти во внутренней виртуальной реальности.

Суслик действовал очень осторожно, он прятался как мог. Эта манера бесила императорских стражей, но они держали своё мнение при себе. Один из них выскочил прямо на дорогу с докладом, и Суслику пришлось подползти поближе, чтобы отдать команду. Ему не давало покоя жопное чувство. После устранения наёмников оно не только не утихло, но и наоборот — усилилось. Пока он полз по ветке, ему казалось, что она вот-вот сломается, а он упадёт и свернёт себе шею. Опять. Только на сей раз окончательно — никто не любит неудачников.

Вот жопное чувство просто завыло сиреной! Он прыгнул, но в полете цепанул руками другую ветку, чтобы резко изменить направление. Ветка прогнулась, но выдержала, а в следующую секунду ствол дерева, где он должен был оказаться изначально, взорвался щепками, осыпав Суслика. От удара ствол зашатался, и Суслик решил «упасть». Лёжа на земле и сливаясь с опавшей листвой, он слышал только кровожадные там-тамы, на которых костями врагов играли скелеты. Они зывали к отмщению, и Валентин был с ними полностью согласен.

*Смерть миновавшая
Напоминает
Что всегда рядом*

Кадзуо продекламировал с самурайским спокойствием.

— Разминировать дорогу! — бросил он подчинённым.

Осторожность и конспирация потеряли для него всякий смысл. Он сохранял контроль над собой лишь в небольшой степени — пока он не сопротивляется желанию отомстить, можно отдать пару приказов.

— На эвакуацию назначить троих. Дальше действовать по обстоятельствам.

Сказав это, Суслик перекатился, встал на четвереньки и прыгнул на дорогу. Там, где он только что стоял, образовался небольшой кратер от попадания тяжёлой пули. По дороге он побежал наискось, а потом спрыгнул с полотна и кувырком залетел в кусты. Ещё одна пуля прошла мимо него.

Подавление снайпера силами восьми бойцов — задача почти нереальная. Однако, стражи получили другой приказ — гораздо более важный. Позаботиться о раненых и обеспечить проезд подкреплений. Даже если снайпер расстреляет их всех, дорога должна быть разминирована.

Суслик всё больше отдавался своим ощущениям. Всего лишь одна жертва, но разве это важно? Сегодня от его рук погибло не меньше пятнадцати людей. Он не видел, не помнил их лиц, они все слились в одинаковую безликую массу. И сейчас он добавит к ней ещё одно тело. Убийство больше не вызывало вопросов, не нуждалось в мотиве. Мечь, война — всё осталось позади. Это уже не враг — это жертва, которой суждено погибнуть от его рук.

Он взглянул на дерево, и с него осыпалась вся листва. Жертва сидела на ветке, испуганная, она всматривалась в листву, пытаясь найти откуда он будет нападать.

Суслик вытащил нож. Магия всё также не подчинялась ему, а почему погибло дерево, его не волновало. Магия не нужна, ведь есть нож. Он вылетел из кустов, и снова едва не умер — помимо снайперской винтовки у жертвы были пистолет, и она отлично стреляла. Но Суслик двигался слишком быстро. Половину пути до жертвы он преодолел бегом, по вертикальному стволу. Оставалось всего два прыжка, чтобы настигнуть её, когда она снова начала стрелять. Ветка отклонила пулю, но Суслик лишился опоры. Пришлось цепляться за ствол, прятаться за него.

Зачем она сопротивляется судьбе?

Его всё равно не остановить. Пятисекундная задержка, и он снова атакует. Суслик забрался выше, и теперь преимущество в высоте у него. Быстро перехватываясь за тонкие ветки, он оказался на другой стороне ствола и спрыгнул на ветку рядом с жертвой. Она сначала хотела выстрелить, но передумала. Спрыгнула вниз. Но падения с десяти метров не получилось — её спас заранее закреплённый трос. Суслик обрубил его, так что последние пару метров жертва провела в свободном падении. Чтобы не терять время, он просто спрыгнул. Высота не показалась ему существенной, но рефлекс тела заставили его сделать перекат. Выпрямившись, он увидел перед собой оскаленное лицо наёмницы. Жертва и правда оказалась женщиной.

Чтобы уклониться от её следующего выстрела, Суслику понадобилась вся его скорость. Он с удивлением отметил, что выходит далеко за человеческие возможности. Ещё несколько перекатов, и пистолет щёлкает вхолостую. Патроны кончились. Она аккуратно вернула его в кобуру и перехватила нож поудобнее. Суслик встал в полный рост, и понял, что выглядит несколько комично — в грязной одежде с веточками, ножиком в руке и на полголовы ниже наёмницы.

— Я убивала людей, магов и демонов, но ты будешь моим первым ёкаем! — крикнула она по-английски.

Валентин спешно начал переводить русский матерный на понятный ей язык, а Кадзуо заметил: «Что мы тут делаем?». И правда — там-тамы чуть стихли, а желание убить жертву отступило.

— Сдавайся, — ответил Суслик.

Наёмница подняла руки повыше, сделала шаг вперёд, а потом со всей доступной человеку скоростью атаковала. Преимущество в росте позволяло ей целиться в голову, так что Суслику, вышедшему из состояния «потока», пришлось действовать исходя из собственных сил. Он пригнулся и сделал подсечку, в результате которой безрассудная атака наёмницы закончилась тяжёлым падением. Суслик сел ей на спину и повторил:

— Сдавайся.

Для придания большей значимости своим словам он приставил нож к её затылку. Отделить череп от позвоночника из такого положения можно за одну секунду. Внезапно, Суслик почувствовал, что должен сделать именно это. Немедленно! Судьба должна свершиться любой ценой...

Но он медлил, целую секунду. Этого времени хватило, чтобы в битву вмешался ещё один участник.

Огромная лиса, размером с тигра, попыталась его укусить за руку, держащую нож. Двигалась она слишком медленно и неуклюже, но само её появление отвлекло Суслика, и он не смог ударить ножом ни животное, ни наёмницу. Ему пришлось воспользоваться скоростью лисы, чтобы оттолкнуться и перейти в боевую позицию заново. Скелеты пришли в бешенство и заиграли на там-тамах мелодию агрессии и ярости! Он хотел убить, убить их обеих. Но Суслик уже знал, как бороться с такими желаниями. Он всмотрелся в морду лисы, и она показалась ему смутно знакомой. А в следующую секунду сзади послышался шум, и перед Сусликом появилась ещё одна женщина, загородив своей спиной всех врагов.

* * *

Цукико совсем разочаровалась в командире наёмников. Он был жесток, но и только. Для её планов нужен был азартный человек, готовый рисковать, и такой человек нашёлся совсем рядом. Его заместительница Лаки Хелл. Ёкаям нет дела до того, кто правит людьми Японии, однако их способности очень ценны. У Цукико не было ни одной объективной причины участвовать в заговоре, но об этом никто даже не подумал. Её с радостью приняли в ряды заговорщиков. Ещё бы — сообщения, которые передают кицуне, невозможно перехватить. Но всё же, интерес лисы в этом заговоре был вовсе не в убийстве Императора. И теперь, в решающий момент, она сообщила своему связному неправильное время начала нападения.

Потому что ей нужна была Лаки Хелл.

Цукико, как могла, подставляла наёмницу. Сначала отрезала большую часть верных ей людей, потом попыталась спровоцировать на драку с командиром, но неудачно, и, наконец, направила к ней диверсионную группу защитников Императора. Но эта девчонка наотрез отказывалась умирать!

Но удача улыбнулась Цукико. За Лаки начал охотиться посланник Энмы. Если она спасёт наёмницу от самой Смерти, та будет должна ей всю оставшуюся жизнь, ведь посланники Энмы от своего никогда не отказываются. Вот только она недооценила марионетку Энмы!

Он едва не убил её саму, когда она появилась в лисьей форме в решающий момент. А самое странное, что этот пацан был знаком ей. Но тогда он не был связан с богом смерти, а сейчас... Цукико внезапно почувствовала, как аура Смерти вытесняется, уходит. Отличный момент для атаки! Но от прыжка её удержало появление новой магической ауры — кровавого безумия, от которого пахло Арахабакки.

«А вот и Аку пожаловала» — фыркнула Цукико. — «Час от часу не легче!».

— Фу-фу-фу — наиграно засмеялась Ласка, приложив ко рту ладонь. — Стоит Кадзуо-куна оставить одного, к нему так и липнут всякие животные! Ничего, сейчас эта медсестра быстренько вылечит лисичек, страдающих бешенством матки!

То, что произошло после, никак не укладывалось в голове ни у Ласки, попытавшейся вмешаться в, казалось бы, безнадежный бой между Сусликом и кицуне, ни самой кицуне.

Кицуне решила, что носитель кровавого безумия опаснее, чем просто маг, который к тому же получал от нее хорошую взбучку в прошлом, Цукико решила начать с Аку.

Мощные задние лапы толкнули шестидесятикилограммовое тело в воздух, и тут Суслик начал двигаться. Стремительным рывком он схватил Ласку за плечо и шею, и положил на землю сбоку от себя. Затем развернулся к летящей лисе и ухватил её за передние лапы. Он не стал её удерживать, просто направил чуть вниз. Траектория полета поменялась, и лиса впечаталась в дёрн, только совсем не так нежно, как Ласка.

Суслик спокойно и нарочито медленно достал свой любимый танто из ножен и направился в сторону рухнувшей лисы, которая ворочалась во мху, старой листве и веточках. Ласка как раз успела подняться на колени.

«Вот и боевое безумие прошло. Вот что значит — мужик! Раз, и ты на спине» — захихикала она про себя.

Дойдя до лисы переростка, Суслик опешил — вместо монстра из лесной грязи пыталась подняться девчонка не старше его самого, только с настоящим лисьим хвостом, торчащим у нее из-под юбки. Ни Валентин в свое время, ни Кадзуо, особо не интересовались японской мифологией, потому слабо представляли себе, сколько в Японии живет ёкаев и прочей нечисти.

Цукико наконец-то села на колени и склонила голову перед победителем. Смерть её не сильно страшила, но умирать, так и не получи второго хвоста, не встретив любовь своей жизни, было столь обидно, что она тихонько заплакала. Теперь её убьют, и сёстры никогда не узнают, что она храбро сражалась, но была повержена более сильными противниками. Теплые пальцы коснулись ее подбородка и Цукико вздрогнула от неожиданности:

— Не бойся, малышка, солдат ребенка не обидит!

Подняв голову, она увидела того самого парня — Кадзуо-куна, которого в прошлый раз как следует отшлепала. А сегодня сама от него получила на орехи.

В голове Кадзуо она услышала, как один голос говорит сам с собой, имитируя то взрослого мужчину, то мальчишку.

«Что, на девочек с хвостиками потянуло, пацан? Так ты в Китаюсю сходи в бар с кошкодевочками, в прошлый раз же понравилось?!»

«Даже если и понравилось» — покраснел внутренний Кадзуо — «Убивать девочек нельзя!»

«Да никто ее не собирался убивать, сейчас отшлепаем хорошенько, чтобы в дела взрослых не лезла.»

С удивлением Цукико поняла, что её перегибают через колено и задирают юбку!

— Ара-ара, Кадзуо-кун — ты уже стал таким большим! Лезешь девочкам под юбку, даже не попросив разрешения! Фу-фу-фу! — засмеялась пришедшая в себя Ласка, теперь наблюдавшая за экзекуцией на корточках практически нос к носу с бордовой Цукико.

Та, наконец-то, осознав, что происходит, выскочила из захвата и стала поправлять юбку. Пятая точка болела — этот несносный Кадзуо-кун все-таки успел пару раз приложить ее чувствительную попку своей железной пятерней.

Цукико поклонилась всё ещё сидящему Кадзуо, неловко клюнула его в щёку, а потом, когда тот, не ожидавший такого, поднялся — быстро, но не глубоко, царапнула его по щеке ладошкой, обернулась лисицей и пропала в глубине леса.

— Что ты тут делаешь? — спросил Суслик Ласку.

— Ты просил помощи Арахабаки. Он согласился. — уклончиво ответила она, подчёркнуто серьёзным тоном.

— Помощь мне не нужна! — он указал на побеждённую наёмницу.

— А мне кажется, тебя нужно было спасти! Но не от неё, а от самого себя.

Суслик опустил глаза. Ему нечего было возразить. Чтобы прервать разговор, он скользнул мимо Ласки и пошёл за тросом, который отрубил на дереве. Это была прочная капроновая верёвка, отлично подходящая для связывания пленных. Он взял верёвку, поднял наёмницу на колени и зафиксировал ей руки за спиной.

— Поднимайся. Пойдём.

Ласка смотрела на него с интересом.

— Что ты собрался с ней делать?

— Оставлю себе. Когда ты в следующий раз откажешься идти на свидание, пойду с ней. — сказал Суслик. И даже сам Арахабаки не смог подсказать — говорит он серьёзно, или шутит.

Пока они шли к дороге, над ними пролетал вертолёт. Он шёл очень низко и громко, но деревья скрывали его. Оказавшись на открытом месте, Суслик смог его разглядеть. Он уже пролетел далеко вперёд, на территорию полигона, когда из него выпал человек.

«Опять американцы людей из вертолётов выбрасывают» — усмехнулся Валентин. Но скоро стало не до смеха. Вертолёт стал подниматься выше, и полетел над дорогой. Вскоре Суслик понял почему. Вдалеке показалась небольшая чёрная точка, стремительно приближающаяся.

Отбежав обратно к лесу, Суслик снова осмотрелся. Ласка решила пообниматься с молодым деревом, грузовик приближался, а вертолёт заходил на него для атаки. Грузовик резко затормозил.

Сзади раздался треск, и Суслик понял, что Аку совсем не воспылала нежными чувствами к ёлочке. Она вырвала деревце из земли!

— Пригнись! — крикнула Ласка.

Раскручивая дерево, она вышла на дорогу, и когда вертолёт оказался перед ней, швырнула ёлку в него. Пилот удивился не меньше Суслика, но дело своё знал крепко, да и жить хотелось. Он набрал высоту и вильнул в сторону, разминувшись с корнями дерева на считанные метры. И теперь настал черёд Ласки уворачиваться — по ней начал работать пулемёт.

Тем временем, из грузовика вышло два человека, достали из него ящик с тубусом внутри, раскрыли его так, будто делали это не одну сотню раз, и приготовили к стрельбе ПЗРК.

«Увернись-ка от этого, урод!» — подумал Валентин, даже с такого расстояния опознавший «Иглу». И урод попытался. Он перестал стрелять по Ласке, уже забежавшей в лес, отстрелил тепловые ловушки и начал снижаться, но ракета летела слишком быстро. Ловушки не успели её обмануть, она взорвалась у него прямо под брюхом, нашипивав его маленькими железками. Все, кто был внутри погибли, не долетев до земли, а вертолёт рухнул на

дорогу и взорвался.

«А знаешь, Кадзуо, почему крутые парни не смотрят на взрывы?» — спросил Валентин.

«Почему?» — Кадзуо не понимал, почему Валентин так расстроен.

«Потому, что пока ты смотришь на взрыв, у тебя любая лиса может пленника украсть!» — пояснил он.

Это была их общая ошибка. В руке Суслика остался только перекушенный «хвостик» от поводка, а наёмница как будто испарилась.

Грузовик подъехал к Суслику, и из кабины высунулась Пума.

— Подвезти? — предложила она.

Суслик залез в кабину, а Ласку Пума отправила в кузов. Она поворчала, но согласилась. Ей больше не нужно было скрывать свою клановую принадлежность, но бежать всё равно не хотелось, на это тратилось очень много сил.

— Выглядишь помятой, — заметил Суслик.

Водитель хихикнул, оглянулся на Пуму и замолчал под её суровым взглядом.

— Ничего страшного. Мальчишки с петардами баловались, — сказала она Суслику.

Она не наносила на лицо боевую раскраску, но его покрывали чёрные пятна, а волосы были растрёпаны и местами сплавлены в сосульки.

— Да, мальчишки. Такие весельчаки пошли, вот из этого вертолёт человека выкинули, и дальше полетели, — поддержал шутку Суслик.

— Что? Они выкинули своего? — Пума напряглась.

— Я не знаю! Может быть.

— Это плохо.

— Чего плохого-то?

— Если так, то выкинули его по той простой причине, что падение ему совсем не страшно.

— Хочешь сказать, у них есть маги?

— Это логично. Одними вертолётами Императора не возьмёшь...

— Но они попробуют. — закончил за неё Суслик.

Грузовик мчался по грунтовой дороге к укреплениям, и был опознан кланом Кагосима как дружественный, а в это же время со стороны пляжа на защитников заходило три вертолёт. Теперь следовало решить, отдавать приказ на уничтожение летунов, или прорываться к укреплениям, ведь после того, как «птички» отработают по траншеям, в атаку пойдёт пехота. А численное преимущество явно не на стороне Императора. И как бы не был могуч маг, его силы не бесконечны. Когда они истощатся, следующая пуля может стать смертельной.

— Тормози! На вертолётах противотанковые ракеты! — крикнул Суслик.

Не дожидаясь реакции на свои слова, он на ходу открыл дверь кабины и соскочил на подножку. Пума попыталась его остановить, но было уже поздно, так что грузовик начал сбавлять скорость. Суслик перескочил на подножку грузового отсека, и когда машина наконец остановилась, он выскочил из неё с ящиком в руках. Отбежав на несколько метров, он раскрыл ящик, достал ПЗРК и отправил ракету в ближайшую цель прежде, чем бойцы Пумы успели десантироваться. Отбросив тубус, Суслик вернулся в грузовик и подал новый ящик императорским стражам, а затем ещё два.

Вертолёты пережили взрыв ракеты, но это стоило им всех ловушек и высоты для захода на цель. Теперь они были вынуждены уходить, а Пума уже распределила цели между расчётами, и они запустили три ракеты одновременно. Всё произошло настолько быстро, что вертолёты не успели принять никакого решения, и упали на землю перед укреплениями.

— Ты что творишь, Кадзуо! — зашипела на него Пума.

— Думаю головой. Орыч должен был снарядить последние два танка, которые сейчас спрятаны...

Его слова подтвердил рёв двигателя, и последовавший сразу за ним треск стены, проломленной танком. Прятавшийся от ракет в одной из построек, теперь он выехал навстречу врагу, повернул башню и начал выкашивать наступающую пехоту из пулемёта. А когда они залегли, танк проехал ещё немного и выстрелил из пушки по скоплению противника.

— Что встали, живо в машину! — скомандовала Пума — А ты молодец, Суслик.

Бой затих очень быстро. Наёмники отступили, но всем было ясно, что они нападут снова, как только придумают новый план. А защитники получили ещё немного времени на подготовку.

Каори встречали как героя. Когда она рассказала, что сбит ещё один вертолёт, а значит у заговорщиков больше не осталось поддержки с воздуха, в штабе защитников началось ликование. А когда она доложила о том, сколько привезла пулемётов и патронов к ним, все затихли.

— Это всё меняет. — коротко сказал Орыч.

И они приступили к разработке нового плана. Новости оказались настолько хорошими, что не оставляли времени радоваться. Когда все попытки связаться с войсками и полицией окончились неудачей, они рассчитывали только продержаться подольше, а если честнее — продать свои жизни подороже. Но теперь танки и БТР пойдут в атаку, а малые силы останутся защищать Императора. Периметр сократили до второго эшелона, а на каждом направлении поставили по пулемёту. В итоге суммарная огневая мощь даже возросла, после ухода танков.

Орыч и Пума остались в укреплении, а остальных магов отпустили поддерживать наступление. Всё должно

было закончиться за пару часов, а это время уже установленные щиты продержатся.

Суслик не собирался отсиживаться за стенами, тем более что эти стены защищали только от наблюдения. Но за пределами душных коробок ждала иная угроза, не смертельная, но бессмысленная и беспощадная. Сержант Сато. Вооружённый длинным прутом, он загонял кадетов в укрытия, а сам храбро расхаживал между траншеями, не забывая покрикивать на гражданских и персонал школы. Они всё ещё копали, а он всё ещё был их начальником. Говорят, что власть портит людей, но в случае с Сато вышло наоборот — получив власть, он впервые за свою карьеру занялся чем-то полезным.

С помощью верного ножа Суслику удалось проковырять дырочку в стене. Хомяк тут же потребовал ещё одну для себя, и желательно с видом на Пуму — он очень волновался за сестру, а та не могла оставить свой пост. Она пристально следила за лесом с той стороны, откуда приехала. Суслик смотрел туда же, так что желание Хомячка осуществилось после трёх неправильных дырок.

Когда наконец заработали пулемёты, все вздохнули с облегчением. Простой и понятный бой гораздо лучше напряжённого ожидания.

Не мелочась, противник атаковал целым домом. Такой же бумажно-деревянной конструкцией, в которой сидел Суслик, но всё же, весьма эффектно. Пулемёты постреляли в сторону летящего «здания», а Пума бросила в него огонёк, который пробил стенку и полыхнул внутри, моментально спалив всё кроме каркаса. За ним шёл огромный, мускулистый человек... Нет, нечто человекоподобное, но лишь отдалённо напоминающее человека.

Серокожий, с непропорционально развитой верхней частью тела, что делало его похожим на гориллу, и с примерно такой же уродливой мордой. По нему стреляло сразу два пулемёта, но пули, кажется, не причиняли ему никакого вреда. А вслед за домом полетел кусок фундамента, который тварь вырвала из земли и запустила точно в траншею. Суслик заметил, что боец успел отскочить, а вот пулемёту повезло меньше.

— И всё? — спросил Орыч, спешащий к месту прорыва.

— По моим данным — всё.

— Данные — это хорошо, кадет Минамото. Но я не верю, что они рассчитывают только на этого чудика. Отправляйся на другой конец периметра.

— Я справлюсь с ним! — рыкнула Пума.

— Не спорь. Нам ни к чему меряться членами, мы оба понимаем, что ты сильнее меня. Здесь я справлюсь.

Каори коротко кивнула, развернулась и ушла. А в домик к Суслику зашла Ласка.

— Ара-ара, мальчишки, примеряетесь, как бы половчее получить новых ссадин? — спросила медсестра.

— Это же Орочи. Раз сказал справится — значит справится. — пожал плечами Хорёк.

Суслик промолчал. Он понимал, зачем на самом деле пришла Ласка. Только теперь никакие потусторонние силы её не направляли. Она переживала за него, и потому старалась быть рядом.

Тем временем уродливый маг, которого Акамацу опознал как румынского гуля, подавил второй пулемёт стремительным рывком и ударом тяжёлого кулака, но, когда перепрыгивал траншею, проигнорировав разбегающихся «сапёров», сверкнула молния. Такая яркая, что всё на секунду побелело, а потом Суслик увидел стоящего на краю траншеи Орыча. Он презрительно глядел вниз.

— Ух ты! Он двинул ему кулаком в рожу прямо в полёте! — протянул Хомяк.

На краю траншеи показались уродливые серые пальцы гуля. Орыч расправил ладони и из них начали сыпаться молнии поменьше. Раздался рёв, было слышно, как там, внизу бьётся в судорогах что-то огромное. Вдруг земля под Ямано Ита задрожала, и начала съезжать вниз. Молнии прекратились, гуль издал победный рык и ударил по Орычу кулаком. Тот подлетел на несколько метров, и через крышу упал в домик, прямо рядом с Сусликом.

— Ой-ой! — Хомячок начал паниковать.

Гуль выскочил из траншеи, взмахнул рукой, и снёс всю стенку, через которую кадеты наблюдали за схваткой. Жуткая морда его оказалась прямо напротив лица Суслика. Они закричали одновременно, когда их глаза встретились.

* * *

Отдаляться от битвы было испытанием для Каори. Она — Пума, охотница, и всегда считала, что должна нападать, а не стоять в карауле. Командование поддерживало её инициативы — наступательные операции охрана Императора тоже осуществляла, и Каори проявляла себя отлично.

В лицо ей подул тёплый ветерок. Что-то насторожило Пуму, она стала озираться по сторонам. Ничего. Ни одной живой души, ни малейшего движения. Даже деревья не шевелят листочками.

Но ветер?

Пума пригляделась ещё раз, и заметила дрожь воздуха позади. «Это был ну совсем не ветер» — подумала она.

Похоже, Орыч был прав. Нападение сразу с двух сторон, и если одно — громкое, заметное, даже можно

сказать — зрелищное, то второе скрытное. Как быть? Ей бы не помешал совет опытного офицера прямо сейчас. Пума дошла до траншеи, приободрила людей с лопатами фразой «Это вы — истинные герои» и пошла обратно. Дрожащий воздух как раз затёк в здание, где скрывался император.

Длинный дом, построенный из более прочных панелей, единственный во всём макете города обладал подвалом. Не ахти какая фортификация, просто котлован, закрытый деревянным полом, но это лучшее, что они имели. Пума рывком подскочила к двери.

По коридору шла фигура в чёрном хиджабе. Она заглядывала в каждую комнату, но везде было пусто. Пума оскалилась. Вот враг и открылся.

— Аш назг сакренаш, аш кхат... — услышала Каори у себя в голове и сразу же воззвала к Кагуцути.

Огонь покровительницы окутал сознание мягким покрывалом, наваждение рассеялось. С желтыми сполохами в глазах Пума выдохнула волну пламени, и ревуший шторм прошёлся по коридору. Фигура в балахоне остановилась. Она загорелась, но не корчилась от боли. Тлеющие куски материи сползли на пол, открыв взору красную кожу плеч, спины, бёдер... ниже начала бёдер тела не было, только широкий у основания и истончающийся к концу огненный хвост.

Дух медленно повернулась, открыв взору высокую тяжёлую грудь с почти чёрными сосками в окружении светлой ареолы.

— Ифрит! — воскликнула Каори.

Как справиться с огненным духом она не знала. Очевидно, огонь не поможет. Додумать она не успела. В руке ифрита появился огненный бич, она взмахнула им, и закрученная, извивающаяся спиралью плеть хлёстко ударила её по плечу. Пума едва не рухнула от боли, одежда проплавилась, а на коже появился ожог.

— Кагуцути, даруй мне свою защиту! — прокричала Каори, забыв в горячке, что мысленное обращение всегда слышится лучше.

Огненный бич свистнул, и растворился в завесе пламени. Дух-покровитель услышал. Ифрит изогнула бровь и улыбнулась.

— Жрица... как отобьёшь это? — прошелестела она на японском.

Снова взмах бичом, но на этот раз подвижная плеть не ударила в преграду, а обогнула её, распоров стену. Плеть обвилась вокруг Пумы, и прежде, чем она успела что-то сделать, дёрнула её вперёд. Девушку прижало к собственному щиту, волосы вспыхнули, кожа начала лопаться от жара, страшная боль резанула по всему телу.

— Кагуцути-сама!!! — вскричала обжигаемая Миномото.

Щит перестал жечь, сделавшись мягким и податливым словно одеяло, он просочился под плеть и закутал Каори в кокон. Ифрит усмехнулась, накинула на кокон ещё несколько петель и не спеша, победно, двинулась к люку в подвал.

Но люк распахнулся сам. Порыв ледяного ветра вышвырнул его, пробив крышу, а следом за ним из подвала вырвалась снежная буря. Сибирская стужа выморозила коридор в мгновение ока.

Следом за холодом, в снежных потоках из подвала поднялась императрица. Лицо её было покрыто изморозью, кожа посинела, а глаза ввалились внутрь, превратившись в две чёрные дыры.

— Замёрзла я, — произнесла она медленно и печально, — согрей меня.

Серафима протянула к огненному духу руки, и жар его стал рассеиваться, утекая к императрице видимым переливающимся потоком. Огненный хвост затрепетал и начал истончаться, кожа бледнела на глазах.

— Не-е-ет!!! — завизжала ифрит.

Неподдельный ужас проступил на её лице, она метнулась к окну, но не долетев до него, упала грудью на подоконник и сползла на пол. Ифрит стремительно теряла энергию, ещё немного и придёт полное развоплощение.

— Нет-нет! — пролепетала она, и, собравшись с силами, выкрикнула, — сархал аш!

Тело её сделалось прозрачным, зыбким и спустя мгновение истаяло. Ифрит сбежала в мир духов, где её, обессиленную, ждала незавидная участь.

Щит Кагуцути тоже развеялся, и обожженная Пума полулежала на полу.

— Ваше величество, я не справилась... — прошептала она из последних сил, — оборотень...

— Ты всё сделала правильно, Миномото Каори. Они потратили свой главный козырь, так что император уже в безопасности.

Императрица говорила всё живее, кожа её оттаивала по мере рассеивания заклинания ледяной бездны.

* * *

Ласка пробила гулю с ноги в грудь, и того отбросило. Суслик не успел воткнуть нож в его подбородок, но понимал, что это могло бы стать последним, что он сделал в этой жизни. А там-тамы возвращаться не спешили...

Гуль не мог сравниться в скорости с разъярённой Аку, но все удары её кулаков и ног его мало пугали. Только

отбрасывали, но он ушёл в глухую оборону и не позволял ей провести захват, а двигался так, чтобы его отбрасывало по кругу.

— Господин Ямана! Ито! Вставайте! — Хомячок хлопал Орыча по щекам и тряс за китель.

— Ну, как на тренировке! Хватаем его и драпаем! — сказал Хорёк.

— Идите. Я её здесь не оставлю. — бросил им Суслик и достал из кобуры пистолет.

Сильные стороны боевого стиля клана Аку Суслик видел в действии на пляже. Но видел он и слабые стороны. А именно — не имея возможности восстановить потраченную в бою энергию через плотный обед, Аку не то впадала в анабиоз, не то уходила в глубокую медитацию. И Ласка сегодня уже сражалась, а значит, скоро выдохнется.

Гуль обо всём этом не знал. Он просто увидел возможность, и врезал по ней огромным кулачищем. Ласка не успела увернуться и была вынуждена принять удар на жёсткий блок.

На этом бой для неё мог бы закончиться, но Суслик выпустил всю обойму в хилые ноги гуля, в коленный сустав. Эти ноги были куда толще его собственных, но на фоне рук чудовища смотрелись уязвимо. В отличии от пулемётной очереди в грудь, выстрелы по ногам его проняли. Он сбился с шага, потерял равновесие, и вместо того, чтобы добить Ласку был вынужден опереться на руки.

Медсестра откатилась и вскочила на ноги.

— Беги, бака! — крикнула она Суслику, и снова переключилась на гуля.

— Ну давай, попробуй пройти!

Несмотря на чудовищную внешность, это был преобразившийся маг, а не безмозглое животное. Он понял, что его просто держат на месте, не давая продвигаться к истинной цели, и попытался сбежать вглубь лагеря.

— У него есть помощники! — догадался Суслик.

Ласка рванула вслед за чудовищем. Какой бы сильной она ни была, её вес не позволял удерживать гуля на месте, а от схватки он уходил ещё более искусно, чем раньше. Тогда она решилась на отчаянный шаг — бросилась ему в ноги и попыталась их схватить. Тот будто только этого и ждал — он тут же нанёс ей два коротких удара кулаками и стал давить сверху, вдавливая Ласку в утопанный грунт.

Суслик перезарядил пистолет, и попытался прицелиться. Если стрелять в мышцы бессмысленно, а ноги закрыты, то что он вообще может сделать? Гуль снова победно зарычал. Ещё немного, и у Ласки кончатся силы.

«Нужно хоть в глаз ему дать напоследок» — предложил Валентин.

Кадзуо согласился. Вал опустил пистолет, достал нож, пригнулся, и с низкого старта побежал вперёд. Быстро, очень быстро по человеческим меркам. Его потуги привлекли внимание гуля. Он удостоил бегущего Суслика ухмылки. Когда их разделял всего лишь шаг, Валентин выхватил танто и воткнул его прямо в глаз ухмыляющемуся чудовищу. А потом повернул.

Глава 24. «А принцессу мне и даром не надо»

Суслик отскочил от гуля, надеясь избежать его ответной атаки. Вместо этого он завалился назад. Ласка, лежащая на земле, опустила руки и обмякла. Гуль так сильно вдавил её, что под ней образовалась ямка. Суслик подошёл и поднял отважную Аку на руки. Она была в сознании, но выглядела смертельно уставшей.

— Меня зовут Аку Куюсо, — прошептала она и закрыла глаза.

— Вон он! — услышал Суслик голос Хомячка.

Младший Минамото бежал с несколькими бойцами из отряда сестры. Они несли оставшиеся пулемёты и пару РПГ7. Суслик был рад, что они пришли. Ему не хотелось признаваться в том, что он едва держит тело Ласки на руках, а о том, чтобы куда-то нести девушку не могло быть и речи. Вместо этого он стоял с грустным видом и бесчувственным телом на руках, пока его не забрали солдаты. Один из бойцов проверил гуля. Тот «сдулся» до нормальных человеческих размеров, и боец пнул его.

— Живой! — с удивлением отметил он.

— Ласка! Как же так! — Хомячок заплакал.

— С ней всё в порядке. Она просто устала и ей нужно поспать. — сказал Суслик.

— Кадзуо... Я не маленький, я знаю, что такое смерть. Не надо меня обманывать!

— Ой. Прозвучало двусмысленно... Но она правда устала — особенность магии Аку, знаешь ли.

Дом, который стал укрытием для императора, разобрали. Уцелела только одна постройка, в которую сложили всех раненых. Там были Пума, Ласка и Орыч. У Пумы обгорело лицо и, частично, тело. Но Минамото в огне не горят — через пару дней всё пройдёт. Однако прямо сейчас её обгоревшее лицо и закрытое белой простыней тело производили гнетущее впечатление. Лекарства у защитников были представлены в основном содержимым аптечек из техники, так что ей вкололи обезболивающее и на этом всё. Синдзи и Кадзуо постояли с ними рядом пару минут, и пошли прочь.

— А где Хорёк и остальные?

— Их Сато поймал.

— Копать?

— Не знаю. Я удрал, чтобы привести к тебе помощь.

Хорька в лагере не оказалось, как и Сато. Это было очень странно, но вскоре они нашлись. Грузёные ящиками, показались из леса.

— Война войной, а обед по расписанию! — заявил сержант, поднося императору и императрице ящик с тушёнкой.

— Вот ведь гад! Явно на орден напрашивается. Ну я ему! — выразил своё недовольство Хомяк

— Главное не спрашивать у него, откуда на полигоне взяли такие запасы продовольствия, — ответил другу Суслик.

— А действительно, откуда? — спросил Синдзи.

— Ну так он их крадёт и прячет — ответил Кадзуо, опираясь на знания Валентина.

— Вот же... Хомяк!

Глядя на бушующего друга, Суслик впервые за этот тяжёлый день искренне засмеялся.

Все перекусили, дожидаясь возвращения ударной группы. У них было не так много техники, чтобы нанести поражение наёмникам быстро, но исход всё равно был предreshён. Император Нарухито собрал вокруг себя кадетов, и начал объяснять им, что произошло сегодня.

— В первую очередь я хочу отметить личный героизм Фудзивара Кадзуо и Кагосима Сёго. Их подвиг будет отмечен высочайшими наградами. Никто не будет забыт, и остальные кадеты, проявившие себя сегодня, также получат по заслугам. Эти события будут иметь тяжёлые последствия для всей страны... В первую очередь я хочу заверить, что дети не будут отвечать за грехи отцов, и вне зависимости от обстоятельств, которые откроются позже, все вы подтвердили свою лояльность императорскому дому. Этот заговор против императорской власти не ограничивается полигоном. Все боеспособные части Китакою должны были прибыть для защиты Императора в случае чрезвычайной ситуации, которой является потеря радиосвязи. Однако, они этого не сделали. О предательстве говорить не приходится: в этом случае они бы сражались на стороне наёмников. Значит, в городе сейчас происходят беспорядки невиданных масштабов. — Нарухито замолчал, выдохнул, вдохнул и продолжил:

— Мне особенно тяжело говорить об этом, но императорская власть это не только я. Это вся династия. И сейчас в городе находится моя дочь — Айко. Её охраняют фрейлины и не только, но этого может быть недостаточно. Как только вернётся техника, мы выдвинемся в город, чтобы помочь с наведением порядка. Однако, у нас есть лишь примерный маршрут принцессы. Её нужно будет найти, а расплыть столь мощный ударный кулак бессмысленно. Верные мне войска должны навести в городе порядок, а положение принцессы должно оставаться в

тайне. Поэтому я разработал план поисков. Прямо сейчас готовятся машины, из числа тех, что привезли нас на полигон. Они отвезут добровольцев в город. Задачей этих отрядов будет проверка нескольких точек на предмет условных знаков. Главный приоритет — ваше выживание и доставка информации координаторам поиска. Подробности вам сообщат в пути. А теперь, добровольцы, шаг вперёд!

Кадеты шагнули все без исключения. Кадзуо не хотел этого делать: на его долю выпало слишком много испытаний, он устал физически и морально, но Вал рассудил так, что ему не стоит подрывать свой авторитет тем, что будет расценено как трусость. К тому же, он был уверен, что ему выдадут самое бесперспективное направление поисков в самом спокойном месте.

* * *

Владелец небольшого зала с аркадными автоматами стоял и размышлял: сегодня удачный день или не очень? Ибо с одной стороны это большая честь, что его почтила присутствием сама принцесса Айко, но с другой стороны, её охрана, время от времени поглядывающая вокруг суровыми взглядами, в том числе и на него, слегка напрягала, увеличивая нервозность ситуации.

Остальные посетители только глазели и на рожон не лезли. Возможно желание лично поздороваться отбивала всё та же охрана. Хотя их было немного — основная часть народа была на религиозном празднике.

Хотя сама принцесса оставалась глуха к терзаниям бедного маленького человека, пытаясь победить Такару в автомате с Мортал Комбатом. Получалось с переменным успехом и, хотя первое время фрейлина пыталась поддаваться принцессе, через какое-то время её накрыл азарт и поддавки были отброшены. Обе рубились изо всех сил, время от времени прерываясь на «Постой секунду, я хочу кое-что попробовать».

Однако вскоре принцессе это надоело, и она переползла к другому автомату. А потом ещё к одному. И так всё это действие продолжалось около часа, пока принцессе всё это не надоело окончательно, и она заявила, что проголодалась. Поэтому вся группа отправилась на поиски какого-нибудь кафе.

После обеда принцесса решила зайти в пару магазинов — посмотреть себе чего-нибудь из одежды. Поэтому отправились они на поиски места, где можно будет исполнить это простое девичье желание. Через полчаса они нашли торговый центр Симотори. Айко нравилось такая особенность постройки: магазинчики были, по сути, отдельными небольшими домиками, между которыми были крытые проходы. А между рядами домиков растянулся стеклянный купол, накрывающий внутренний дворик.

— Как тебе это одеяние, Такара? — принцесса с довольным лицом одернула занавеску и покрутилась на месте, чтобы подруга могла рассмотреть со всех сторон.

— Очень даже миленько.

— А какие твои мысли, Акико? — Принцесса повернулась ко второй сопровождающей.

— Мне кажется вы отлично смотрите в таком наряде.

— Отлично! Тогда мы это купим, мне нравится.

— Как пожелаете. — Кивнула Акико, принимая очередной наряд.

— А этот вам как? — Айко показала в новом костюме.

— Неплохо, только как по мне кое-чего не хватает. — задумчиво посмотрела Такара.

— Это чего же?

— Секунду... — она извлекла откуда-то небольшую брошку и цветастую бабочку, что немедленно надела на принцессу. — вот, мне кажется так гораздо лучше. — Принцесса повернулась и всмотрелась в зеркало.

— Ммммм, неплохо, но мне не нравится. Ладно, я думаю, этого мне хватит пока.

Принцесса переделалась обратно и как только они приблизились к кассе, у одного из покупателей громко запищал будильник. Он полез в сумку, чтобы его отключить, но вместо того, чтобы достать оттуда пищалку, явил всем пару короткоствольных пистолет-пулемётов.

— Всем мордой в пол! Начнём с ограбления...

Похоже, он собирался чем-то продолжить, но фрейлины принцессы среагировали быстрее. Появившиеся непонятно откуда стебли с шипами скрутили грабителю руки за спиной, а Акико подошла и воткнула дёргающемуся мужчине в глаз длинную шпильку. Такара прикрыла принцессу щитом сзади, и вовремя: по ним начали стрелять из толпы. Люди в панике начали разбегаться, а Такара снова взывала к покровителю, чтобы обездвигить сообщника грабителя. Выстрелы раздавались не только рядом, но и повсюду. За ними следовали громкие, панические крики тысяч людей, на улицы выбегали толпы народа, и все бежали в разные стороны. Началась давка. Обездвиженного и упавшего бандита просто затоптали, а фрейлины были вынуждены перебросить принцессу за кассу. Сами они забрались на прилавок и никого не подпускали.

— Что происходит? — Айко сама была готова поддаться панике.

— Ничего страшного, госпожа — голос Такары предательски дрожал, сразу выдавая ложь.

— На город напали. — после нескольких секунд напряжённого молчания заключила Акико.

Немного отойдя от шока, фрейлина поняла, что мужчина, которого она заколола не был японцем, а говорил по-английски. Его одежда ни о чём не говорила — обычный турист, да и второй выглядел примерно также. Нужно было что-то делать.

Пробиваться к машине было бессмысленно. Да, там осталось трое охранников, но они — просто бойцы с пушками, ничего серьёзного. Лимузин бронированный, но что толку, если по улицам не проехать? Акико положила руки на плечи принцессы, и сказала:

— Мы тебя вытащим, Айко. Даже если нам будут противостоять все демоны этого мира.

Принцесса обняла фрейлину, та взяла её на руки и жестом указала направление своей напарнице. Такара пробежала вперёд, открыла дверцу во внутренний дворик, и когда Акико вынесла принцессу, ещё раз забежала вперёд и снова запустила её в домик. Там фрейлины нашли окно, выходящее во двор большого жилого дома, выбили его, и покинули магазинный комплекс.

— Такара! Лист! — приказала Акико.

Согласно инструкции, им следовало отвести принцессу в безопасное место, отмечая свой путь условными знаками, а затем разделиться и выйти на связь. В случае, если позвать на помощь не получится, искать долговременное укрытие и действовать по обстановке. Такара нарисовала на стене дома символ, а Акико, ещё раз взглянув принцессе в глаза, опустила её на землю. Путь предстоял неблизкий.

Когда схлынула первая волна паники, люди стали забегать во дворы в поисках спокойного места. Выстрелы стали реже, но полностью не прекратились. Женщины подбегали к идущим мимо фрейлинам и спрашивали, не видели ли те их детей. Иногда даже начинали описывать их одежду. Но это было неважно — Акико и Такара не вступали в разговоры, и принцессе не давали. Некоторые описания фрейлины узнавали, так как внимательно рассматривали всех вокруг в поисках погони.

Пройдя два или три квартала, они её нашли.

За незнакомым японцем шли пятеро европейцев, все в гражданской одежде с сумками. Сценарий в точности повторял события в магазине — как только они обнаружат цель, сразу же извлекут из сумок оружие и вступят в бой. Такара снова достала из кармана брошь, и приколотла её к одежде Айко. Остановившись на несколько секунд, девушка взяла подростка за руки, и сказала:

— Это тебе на память.

После этого Такара резко повернулась и не оглядываясь побежала в сторону.

— Что? Почему она... — начала принцесса, но Акико снова сгребла её в охапку и побежала в другую сторону.

Они должны защитить принцессу любой ценой. Даже если придётся пожертвовать жизнью. Их не могли отследить обычными средствами, а значит, наёмников ведёт маг. И Такара должна будет его ликвидировать.

Акико занесла принцессу в подвал и заперла за собой дверь. В полной темноте, наощупь, они нашли проход дальше и просочились в следующую комнату. Как раз вовремя, чтобы услышать звуки стрельбы. Оглянувшись, принцесса заметила свет фонарика, спускающийся за ними.

— Беги. Спрячься подальше — шепнула фрейлина, припадая к стене.

— Вижу её! — послышалось из темноты. Свет фонарика задёргался, боец рванул вперёд.

Акико выдохнула и воззвала к покровителю. В темноте было незаметно, как её глаза наполняются тенью.

— Что? — наёмник успел заметить фигуру, возникшую в паре метров перед ним, и направить на неё фонарик, но бежал слишком быстро, чтобы отвернуть. Фигура взмахнула руками, и голова наёмника покатила по полу. Живая тень, не выдержав света фонарика, развеялась.

Остальные двигались неспеша, напуганные участием своего товарища. Они подсвечивали всё вокруг, а дойдя до прохода, кинули перед собой химический светляк. Акико приготовилась забрать с собой как минимум двоих, но они не стали подходить.

— Назад! Живо назад! — заорал им японец.

Такара подросла вовремя. Она начала атаковать издалека, оживив колючий куст в придомовом садике, и несколько цветов. Куст хлестнул японца ветками, а цветы начали плевать магическими шипами. Но после первых успехов всё пошло гораздо хуже — маг поставил щит и начал уклоняться от ударов кустарника, отходить от него. Ожившее растение двигалось следом, но недостаточно быстро. Такара была вынуждена сделать рывок до нового укрытия, и попыталась достать противника обездвиживающим заклинанием. Лианы проползли по земле и завязались на ногах японца, не давая ему отступить.

Она слышала, что он что-то кричит, но слов разобрать не смогла. Битва с ожившими растениями продолжилась тем же самым — все атаки упирались в мощный щит. Помощи Такаре ждать неоткуда, Акико не оставит принцессу. И она решила подойти совсем близко. Если не сможет продавить защиту магией — воспользуется кулаками.

Увидев фрейлину, враг понял, что всё совсем плохо, опустил щит и выхватил нож. Он освободил свои ноги от

колпачек, получив за это время несколько ударов по спине, каждый из которых оставлял кровавый след на одежде. Бежать в полную силу он уже не мог, но Такаре пришлось забыть об осторожности и рвануть что есть мочи. Она догнала убегающего и накинула ему лассо из стеблей на шею. Дёрнула, повалила. Быстро подошла ближе, чтобы убедиться. Японец был мёртв, со сломанной шеей. Фрейлина не узнала его в лицо, но он был очень похож на Оути — цветом волос, глаз, формой носа. К тому же шёл по следу слишком хорошо, а ведь это покровитель Оути помогает отыскивать то, что спрятано.

Такара ощутила несколько сильных ударов. Боль пришла уже позже, после грохота выстрелов. Четверо наёмников стреляли в неё из пистолет-пулемётов, стоя метрах в тридцати. Кожа девушки загрубела, стала похожа на кору. Она упала и поползла к земле. А вокруг наёмников оживали новые цветы, взамен тех, что завяли, когда магия покинула их. Куст пронзил ближайшего к себе ветвями и замер навсегда. Он не расцветёт вновь следующей весной. Остальные стрелки получили шипами в спины, и предпочли спастись бегством. Сколько бы им ни обещали за поимку принцессы, жизнь дороже. Один из них упал, так и не успев скрыться — ему в печень вонзилось несколько иголок.

А на полянке, совсем не по сезону, расцвела сакура, которой тут никогда не было.

* * *

Бои с полицией продолжались вокруг крупных торговых центров. Кажется, властям нужно было отбить здание городской администрации, но заговорщики прикрывались заложниками как живым щитом, и не давали верным Императору силам подготовить мощный удар, растаскивали их по городу.

Но эту проблему скоро решат танки. Комфортабельная машина бизнес-класса сейчас везла трёх кадетов в такие дебри каменных джунглей, в какие не подумала бы соваться в обычное время. Кондиционер, мягкие сидения, даже минибар — в который строго запретили залазить, но всё же... Минамото и Кагосима могли позволить себе машины и покруче, но их наследники до них допущены не были. Суслик же на роскошь особого внимания не обращал, весь путь он проделал в полусонном состоянии.

Перед самым выходом им дали бумажку с рисунками символов, которыми фрейлины будут отмечать свой путь. Только это заставило Кадзуо проснуться. Быстро взглянув на символы, он передал бумажку Хорьку, тот изучал её чуть дольше, а Хомяк сказал, что никогда в жизни этого не запомнит, и оставил подсказку у себя.

— Итак, разделяемся, осматриваем вон те три дома, встречаемся на дальней стороне и думаем, что делать дальше — скомандовал Суслик.

Крайние направления взяли Кадзуо и Сёго, а Синдзи отправился по центру.

* * *

Через пол-часа и пятого круга безрезультатных поисков, Синдзи понял, что он потерялся. Вокруг царил мертвая тишина, все магазинчики были закрыты, кто мог — забаррикадировался. Некоторые строения пустовали — судя по их виду, сюда прилетело что-то большое и бумкнувшее. Звуки перестрелок и тревожные сирены были хорошо знакомы горожанам припортовых районов и даже центра. Уставший хомячок требовал хотя бы нескольких минут отдыха, и Синдзи был согласен со своим внутренним эго.

Он сидел, вцепившись в приклад и цевье АК-47. Автомат он подобрал, по совету Хорька, с трупа одного из наёмников. И двойной рожок, перевязанный синей изоляцией.

Увидев это, Суслик одобрительно хмыкнул и поднял вверх большой палец.

«Далеко пойдёт Джунгарик!»

Увидев развороченное пулей горло наёмника, мальчишка еле добежал до ближайших кустов — его вывернуло. Ноги сразу стали ватными, а лоб покрылся холодным потом.

Пока приходил в себя, Суслик с Хорьком куда-то пропали. Синдзи остался один.

Он вроде бы узнал район Кокуракита-Ку по домам, выстроенным в упрощённом малоэтажном стиле 20-го века, хотя и из современных материалов.

Где-то далеко бухали Слезы Аматаэрасу. Стрекот далёкого вертолётного шасси нервировал и тревожил ухо Джунгарика. Он опасался мага-дальновидца, который мог летать на этой вертушке и передавать координаты наёмникам.

Пошатываясь, добрал до развалин какого-то дома.

«Прекантуюсь пока тут. За мной же вернуться. Суслятина. Или Хорёк.»

Время шло, но никто знакомый так и не нарисовался. Перестрелка приближалась.

«Ну ладненько! Шца Минамото-младший покажет вам, где кто зимует!»

Страшно не было, скорее беспокойно. Вдруг, в конце улицы парень увидел какое-то шевеление. Сотворил короткое заклинание дальновидения:

«Ни фуа себе батон!»

Бабулька очень преклонных лет тащила на спине в неведомую даль здоровенную бамбуковую корзину.

«Гражданские в зоне боевых действий!» — тут же запаниковал маленький джунгарский хомячок где-то внутри Большого И Сильного Хомяка.

С другой стороны улицы Хомяк уже были слышны раскаты многочисленных выстрелов. Полуразрушенный район с маленькими строениями оказался засадой.

Матия были дешевыми и одноразовыми строениями, куда там до старинных самурайских синдэн-дзукури. Синдзи подозревал, что при желании некоторые стены можно было пробить и пальцем!

Не бросать же бабу, пусть и полоумную. Гражданских надо спасать!

Пригибаясь к земле, Хомяк рванул в сторону бабульки. Очень вовремя!

На улицу выехал БМП. Явно не императорской гвардии. Остановился в начале улицы. Настороженно замер, поводя из стороны в сторону пулемётом, как будто принохиваясь к жертве.

Хомяк мчался, чувствуя себя тем самым грызуном, чье почетное имя носил в кругу друзей и недругов. Он петлял, прижимаясь к земле. Огибал оставленные при эвакуации машины. Проскальзывал через декоративные изгороди, крепко прижимая к груди автомат. Пару раз даже пришлось вспомнить уроки паркура от друга Суслика. Слава Амаэрасу — он успел чему-то да научиться. Камуфляжка, казалось, стала второй кожей, а на берцах выросли шипы.

Не успел он перевести дух, добравшись до старушки с поклажей, как на них уже навелись из БМП.

Молнией мелькнули в голове все, что рассказывал сержант об эвакуации гражданских из зоны боевых действий. Но такое автор курса не предусмотрел.

«Ну и хрен! Сам придумаю! Не только же Суслику совершенствоваться!»

Решение нашлось быстро: подгоняемый выстрелами из крупнокалиберного пулемёта БМП, Синдзи тайфуном внес бабульку в соседнее, еще не разрушенное здание. Закрыл вход защитным щитом. Пули прошли тонкие стены дома, но бессильно застучали о щит. Магический резерв резко скакнул вниз. Ещё пару попаданий, и щит сдохнет. А Джунгарик со старухой последуют его примеру.

Незнакомка будто очнулась. Схватила мальчишку за руку и потащила внутрь здания. Казалось, что оно ей знакомо.

Оказавшись вне досягаемости БМП, они вместе, как по команде, осели на пол. При этом, Хомяк обнимал автомат, из которого так и не сделал ни одного выстрела, как любовь всей своей жизни. Бабулька же вцепилась свою корзинку так, как будто там лежали по меньшей мере сокровища Японии.

Внезапно бабулька заговорила:

— Как же зовут молодого господина, который спас недостойную?

— Минамото, — тяжело дыша, ответил мальчишка, — Минамото Синдзи.

— Позволь же, о Минамото-сан, преподнести тебе скромный дар за спасение жизни этой недостойной! — преувеличено возвышенно произнесла старушка.

Она открыла корзинку и стала там рыться. Из корзинки доносились подозрительные звуки. Бабулька издала радостный возглас и вытащила из корзинки белоснежного котёнка.

— Это — Маюми, — важно проговорила она, поднимая зверьку вверх обеими руками.

«Прямь Симба в «Короле-Льве», — пронеслось в голове Джунгарика.

— Береги её. Она будет надёжным спутником жизни, и, возможно, принесёт тебе счастье, которого ты и не ждал.

Завороженно смотря на совершенно белого котёнка, который не мяукал, а лишь пристально изучал самого Хомяка, Синдзи отбросил автомат и протянул руки к детенышу.

Он никогда не думал о том, чтобы завести домашнее животное. Все равно почти весь год жил к школе, где о таком и помыслить было нельзя. Но здесь, на грани жизни и смерти, всё казалось таким нереальным...

Котёнок в его руках внезапно заурчал, как маленький трактор и, по-детски беззащитно, прильнул к нему. У Хомяка ёкнуло сердце. Он понял, что никогда и никому, ни за какие деньги не отдаст свою Маюми.

— Прекрасное имя, — выдохнул он, прижимаясь щекой к пушистому боку малышки.

Синдзи собирался поблагодарить бабульку. И от растерянности открыл рот. На том месте, где мгновение назад она сидела со своей громоздкой корзиной, было пусто.

«О-фи-геть! Ушла. Ну и ладно!» — Хомяк прислушался: ни шагов, ни скрипа старых досок пола. Обалдело помотал головой. А котёнок перебрался за пазуху, продолжая урчать

«Ой, наверное, она голодная!» И все происшествия — БМП, стрельба, странная бабулька — внезапно вылетели из его головы. Главным стала маленькая белая кошечка, которая уютно урчала у него за пазухой.

Хомяк шёл и улыбался. Красиво. Котенок заснул за пазухой и тихо урчал во сне. Если не прислушиваться к далёкой стрельбе, можно подумать, что мирная жизнь уже восстановилась. Хорошая погода, солнышко, ухоженные клумбы, сакура цветёт...

Но ведь не сезон?

Хомяк пригляделся. Кровь. А вот и три трупа, один аж на куст насадили! Настроение снова упало. Его очень печалил вид мертвецов. Но он здесь не просто так, поэтому, нужно всё тщательно осмотреть. Бегло оглядев убитых, он понял, что все они были заодно, а убил их кто-то, кто решил не дожидаться, пока придёт он, Минамото-«Могучий Хомяк»-Синдзи. Все самураи для стимуляции мыслительного процесса либо принимали саке, либо садились под сакуру. Саке ему не дадут, так что он привалился к тонкому стволу дерева и начал думать.

Но прежде, чем прийти к какому-то выводу о том, могли ли фрейлины принцессы убить этих наёмников или нет, ствол под его небольшим весом неожиданно прогнулся и упал. Синдзи тоже упал. Он лежал на чём-то мягком и ошарашено смотрел в небо.

— Ты кто такой!? — Воскликнул девичий голос снизу.

Хомяк вскочил как ужаленный, и чуть не «словил суслика» — такой красивой ему показалась девушка, на которой он только что лежал.

— А где дерево? — пролепетал он.

— Я за него! Отвечай, кто ты и что здесь делаешь, или я буду вынуждена тебя обезвредить! — девушка-дерево выглядела очень недовольной и незащищённой.

— Кадет Минамото Синдзи, выполняю секретное поручение!

— Хомяк! Ты в порядке? — закричал ему Сёго, закончивший с осмотром своей территории.

— А это ещё кто? — всполошилась девушка.

— Тоже кадет, мы вместе выполняем поручение.

— Я восстанавливалась полтора часа. За это время она могла уйти куда угодно! — запрочитала девушка.

— Вы говорите о принцессе Айко?

— Откуда ты знаешь?.. А, вы её ищете?

— Ну, да. — Хомяк никогда не умел хранить секреты.

Такара кивнула и пошла в подвал. Гнетущая темнота ощущалась почти физически. Хомяк не рискнул следовать туда за девушкой. Да и девушка не стала заходить далеко.

— Акико! К нам прибыла помощь! Можно эвакуироваться! — крикнула она.

Фигура, ещё более тёмная, чем окружающая темнота, появилась перед Такарой, и та положила руки ей на плечи. Они сначала потонули в темноте, но постепенно та обрела плотность, и Хомяк разглядел ещё одну девушку, едва стоящую на ногах.

— Принцесса! Выходите! — снова крикнула Такара.

Суслик и Хорёк уже стояли рядом с ним, и с интересом всматривались в темноту. Айко вышла из подвала первой, за ней шла Токара, помогая второй фрейлине подниматься по лестнице. Принцесса встала перед тремя кадетами и замерла.

— Эти доблестные слуги вашего отца спасли вас, принцесса.

Примечание к главе 24

Сокровища Японии:

Считается, что в память о своём добровольном уходе от мира, и возвращении, богиня Аматаэрасу сохранила те предметы, с помощью которых боги выманивали её из грота. Бронзовое зеркало, яшмовое ожерелье и меч, подаренный Сусаноо сестре в знак примирения, называют «Три священных сокровища». Согласно преданию, великая богиня отдала их своему внуку — Ниниги, как знак правления. Он, в свою очередь, завещал эти сокровища потомкам. Эти Регалии японских императоров бережно сохраняются в Стране Восходящего Солнца до сих пор.

Император сидела в офисе мэра Китакою прямо под своим портретом. За окном догорал рассвет и несколько офисных зданий.

Офис был роскошен. Шелковые обои с ручной росписью, мраморные колонны, предметы интерьера из нефрита. Золотые статуэтки синтоистского пантеона. В нишах были установлены самурайские доспехи: «Не новодел,» — оценил Император. Одних только изображений императора в разных вариациях и материалах здесь было с десяток. Особенно Императору понравилось яшмовое панно «Император поражает Западных Демонов.»

Демоны получились маленькие и невзрачные, а сам император выглядел словно доспех самурая раннего средневековья.

«Определённо — раннее Эдо или поздняя Муромати»

На стенах висели работы старых японских мастеров, а на подставках покоились древние, и, от того невероятно дорогие, катаны, парадные тати, изукрашенные драгоценными камнями.

«Надо проверить, вдруг у него и унитаз золотой?» — подумалось императору ни с того ни с сего.

Напротив императора усиленно потел в позе догэза мэр. «Бывший мэр,» — решил император.

Решению способствовало несколько фотографий, на которых можно было не без труда различить мэра... бывшего мэра, в компании с различными личностями. К каждой из личностей была приведена справка — кто, из какого клана, борёкудан или западной компании, сколько денег передано, сколько обедов или ужинов организовано, и, даже, к немалому удивлению императора — поименно все гейши и элитные эскортницы (они же агенты борёкудан или иностранных разведок) побывали в постели мэра.

Суммы воображение не поражали, но давали хороший повод поставить на данное направление, ставшее опасным, своего человека.

Особенно Императора раздражала фотография, на которой бывший и уже почти почивший мэр был окружен красавицами из клана Оути — побочная ветвь, но всё равно, слишком много внимания обычному чиновнику, которых в Империи пруд-пруди.

— Ёсида-сан, — обратился император к начальнику своей СБ, который каменным столбом стоял у стены кабинета, обитой яркой парчой. — Обеспечьте господина мэра всем необходимым для сэппуку.

Император предпочел использовать официальный термин.

— Церемония состоится завтра утром, до восхода солнца, что бы не омрачать лик Аматаэрасу столь жалким зрелищем.

Извивающего и пищащего мэра под руки вынесли сотрудники СБ их кабинета. Ёсида Наримаса коротко глянул на Императора и на Пуму, стоявшую позади него с абсолютно индифферентным лицом, формально поклонился и последовал за мэром. Приводить приговор в исполнение, таким образом, было поручено непосредственно ему. Унижение.

— Сядьте, Минамото-сан, нам предстоит долгий разговор...

* * *

Такого наплыва специалистов широкого профиля Вал не видел даже в своей прошлой жизни, не то, что в этой, довольно скудной событиями жизни Кадзуо. Лежащих в лазарете «героев спасения рядовой Айко» исследовали все врачи и узкие специалисты, какие только могли существовать на свете.

Стоматологи, психиатры, травматологи, хирурги, микологи, окулисты, ЛОР-врачи, проктологи, урологи и даже пара спиритуалистов!

При осмотре проктологами и урологами офигел даже побывавший во всяких передрягах и «видевший некоторое дерьмо» Вал — остальные же вообще все процедуры оставались пунцовыми, как свежие помидоры. Ведь осмотры проводились прямо в общей палате, куда закинули их сборный отряд, а врачам ассистировали Ласка и две миловидных медсестры из военно-полевого госпиталя, развернутого прямо посреди Китокюсю.

Ласка довольно серьёзно ассистировали при осмотре её любимого Сусличка и на других внимание не обращала. По результатам осмотра выяснилось, что и она, и Суслик — могут быть довольны, как в плане здоровья, так и в размерах и мужской силе претендента на сердце и прочие внутренние, и не очень, органы Ласки. Кадзуо в такой ситуации было смутился, но Вал быстренько подметил не слишком-то и профессиональные, а, скорее, ласкательные движения девушки, и пунцовый румянец у нее на щеках. Это здорово повышало шансы лишиться девственности прямо в импровизированном госпитале.

Команда Хорька стойко перенесла осмотры, а сестрички были достаточно деликатны и профессиональны, что бы не сильно травмировать гордых самураев.

Зато остальная часть команды, бывалые СБ-шники, вовсю травили скабрзные байки и отпускали пошлости, лишь бы развеселить сестричек. Возможно — кому-то из них и повезет. Например, тому накачанному парню, с прошитым пулеметной очередью торсом, которого медики вытащили почти с того света. А он через день после операции уже лежит и балагурит, да и с реакцией на женщину него все в порядке!

Тяжелее всех процедуру перенес Хомячок. Рана у него была пустячная, по касательной задело мышцы бедра, поэтому он с утра уже успел поставить всю палату с ног на голову, куда-то все время озабоченный носился, где-то достал и схмятил несколько бутеров с тунцом.

А тут, при осмотре проктолога, из его глаз полились крокодильи слёзы, а губы задрожали от еле сдерживаемых рыданий.

Суслик не утерпел, и сморозил шутейку прямо из прошлых медосмотров Вала. Когда проктолог дошел до осмотра, он сделал скорбное лицо и сообщи пунцовому Хомяку:

— Извини, Синдзи-кун, никогда я уже не буду у тебя первый.

В палате сначала воцарилась мертвая тишина, а затем мужики-эсбэшники ревущим хохотом чуть не сорвали у палатки крышу. Улыбнулся даже врач, проводивший осмотр, а Хомяк посмотрел на друга такими глазами, что Суслик понял — еще не много, и друга у него не останется.

Он попытался успокоить деликатного мальчишку:

— Ты, главное, не чихай, а то сэнсей-доно зажмурится и будет у него еще один член гей-клуба!

Это окончательно порвало эсбэшников, медсестер, и даже доктор заулыбался и отшутился:

— Только у нас, проктологов, выражение «руки из жопы» означает конец рабочего дня!

Осмотр уролога Хомячок переносил стоически...

* * *

Смысл осмотра разъяснил им военврач в чине полковника:

— Равняйся, смирна! Отставить, орлы! — рявкнул могучий, для японца, дядька, с лицом перечерченным шрамом и даже чем-то похожим на рога, торчащие по бокам фуражки.

— Служим императору! — стройным хором ответили СБ-шники и даже подхорьки с Хомячком встроили в могучий рев свой писклявый юношеский фальцет. Суслик, Хомяк, и боец с перевязанной грудью благоразумно промолчали. Некоторые, особо ретивые, порывались вскочить, что бы отдать честь. На таких грозно шикали сиделки — мужики-СБшники из новой партии, которые охраняли раненых героев, спасших принцессу Айко. Повторное покушение было распространено — частенько гнев падал как на провалившихся исполнителей, так и на помешавших. Традиции!

— Это у него последствия проклятия, — прошептал Суслику Сёго. Хорёк-кун решил заняться просвещением Кадзуо, который, по его мнению, всегда был не от мира сего. — Была заварушка с корейцами, а они — мастера проклятий. Теперь Кокугато-доно стал почетным инвалидом и находится на военной пенсии в Императорской канцелярии. Из-за сходства с демонами за спиной его часто называют «Они».

— Ух, герои!.. — от избытка чувств Кокугато сжимал и разжимал кулаки и видно было, что ему чего-то не хватает. Как по волшебству, из-за спины у него возник адъютант с подносом, на котором стояла бутылка саке и плошка. Немедленно выпив наполненную плошку, полковник восстановил свои мысли и присутствие духа.

От избытка чувств полковника несло:

— Пуля дура, штук молодец!

— Какугато-доно! Лучше угостите! — весело ответил один СБ-шник.

— А то как же! Только здесь Оба-сан не достанет! Не унижит императорского слугу.

— Может не надо, — вступился адъютант. — Помните, как неловко прошлый раз получилось?

— Молчать! У меня ваш Ёсида-сан под Ханоем сортиры чистил! Пока я тараном китайский эсминец брал...

Тут оказалось, что у адъютанта с собой был ящик саке, который быстро разошелся по «инвалидам» и прочим «ранетым» и инструктаж перед прибытием императора быстренько превратился в попойку.

Когда все были хорошенько проинструктированы, пришел главврач и разогнал попойку. На что разгоняемый Кокугато своей мощной харизмой заставил слабо сопротивляющегося главнюка выпить с ним по плошке сакэ:

— На дорожку!

— За императора!

— За выздоровление раненых и покровителя врачей Окунинуси!

— За здоровье императрицы!

— За покровителя Окунинуси ещё раз!

— За героев спасения принцессы!

В общем, к пьянке присоединилось и главнокомандование госпиталя. В связи с экстренной необходимостью

были распечатаны запасы медицинского спирта и привлечены сотрудницы из младшего медперсонала. Дабы, по традиции, подливать старшакам и подносить закуски.

Всеобщее попойще закончилось далеко полночь.

Досталось даже несовершеннолетним пациентам, так как, по словам могучего полковника, самурай может быть любого возраста, если он взял катану и разит врагов во славу Императора, и никакие законы гражданских шафиров этому не помеха!

Непривычные организмы кадетов уже храпели от выпитого и вколото — пьянка-пьянкой, а процедуры никто не отменял! А Суслик страдал — чем больше пил, тем больше хотелось тесного общения с женским полом.

Когда Какугато и главврач отправились догоняться в ближайший ресторан, с маджонгом и гейшами, по затихшей палатке, где уже был погашен свет, начали раздаваться странные шевеления. Неясные тени ныряли под одеяла к некоторым воинам, раздавались тихие смешки, охи и ахи.

Суслик уже был готов пойти сам искать приключения, когда почувствовал, как к нему кто-то прильнул под одеялом. Он был готов поклясться, что еще секунду назад был совершенно один!

Приятные округлости, о которых он так мечтал, тесно прижались к нему, а нежные руки обхватили еще слишком тощее тело.

— Ах, мой самурай! — промурлыкал узнаваемый голос Ласки. — Позволь мне согреть в эту холодную ночь постель одинокому воину.

Суслик на это только сглотнул и яростно закивал, что делать лежа была крайне неудобно. Ласка хихикнула на столь яростные попытки согласиться.

Тонкие женские пальчики начали путешествие по телу будущего мужчины...

* * *

Что было ночью, Суслик плохо помнит, но осталось ощущение упругого женского тела и тепла, моря нежности и финального облегчения. Ласка спала с ним в белье, поэтому под утро, когда все еще крепко спали, она выскользнула из-под одеяла, оставила поцелуй на губах ещё сонного Суслика, накинула халат и исчезла из палаты.

Так же поступили и остальные медсестры, скашивавшие ночной покой героям из СБ. Но они были одеты заметно скуднее, поэтому Суслику удалось подглядеть не сильно эротичные попытки натянуть трусики или застегнуть лифчики некоторых красавиц. Самые отчаянные бросили это гиблое дело и, накинув медицинский халат на голое тело, так же испарялись от кроватей своих временных спутников.

Во время обхода главврач и его сопровождающие специалисты, которых вчера так же затащили на ночной обход ресторанов, были возмутительно бодры и свежи. Суслик рассудил, что либо организмы у них нечеловечески крепкие, либо существуют специальные процедуры детоксикации. Последнее предположение подтвердилось.

К каждому страждущему подошла медсестра, поставила в ягодичу укол янтарного цвета жидкости миллилитров на двадцать, всыпала в страдальца горсть медикаментов и дала запить полулитром фиолетовой, ядерно пахнущей бурды.

После такого лечения пациент срывался с места до клозета, возвращаясь зеленоватого цвета, но посвежевшим и с отсутствующими следами алкогольного воздействия. Затем на него накладывали светящиеся зеленым руки и окончательное выздоровление снисходило, словно божественное благословение!

То же самое постигло и выпивавших вчера кадетов. Суслик имел удовольствие понаблюдать, как вечно гиперактивный Хомячок срывается ракетой со своей кровати, зеленея прямо на глазах, а Хорек продемонстрировал совсем неблагородное расставание со вчерашним ужином прямо на глазах у всех в заботливо и вовремя подставленную утку.

Когда все пациенты были приведены в презентабельный вид, кровати перестелены и заправлены, СБ-шники одеты в чисто выглаженные униформы, а кадетам доставили парадку, главврач пояснил, что визита императорской семьи следует ожидать с минуты на минуту, и никто не расслабляется!

СБ-шников, конечно, никто на благонадежность проверять не стал — и так понятно, что такие герои сами кого угодно голыми руками заломают, лишь бы защитить микадо, но вот у команды Суслика после попадания в госпиталь состоялся неприятный разговор с главой Службы Безопасности, немолодым и суховатым мужчиной, который был прерван самим Императором и его дочерью, принцессой Айкой, стремившейся проведать своих спасителей. Они действительно были плохи после длинной череды городских схваток, а у Суслика еще и начался непонятный магический откат, хотя он мог поклясться вместе с Кадзуо, что никакой известной магией они не пользовались — просто не могли. Так что если что-то и было, то это что-то было абсолютно неизвестным науке

зверем и контролировать процесс они не могли. Естественно, сообщать об этом неприятному начальнику СБ Суслик не торопился, да и, глядя на Сёго, хоть и осторожничал, но вёл себя даже нагло, вины за собой не чувствуя, но ожидая, что СБ-шного главнюка, проворонившего заговор и покушение, по головке не погладят.

Поэтому Суслик ни капли не удивился, когда увидел вместе с Начальником СБ Ёсида-саном свою старую знакомую Пуму, которая щеголяла новыми погонами и знаками отличия. По её положению — почти наравне с начальником, он понял, что грядут большие перемены в службе.

Следом вошли и быстро рассредоточились по палатке упакованные по последнему слову техники и магии СБ-шники телохранители.

Последними входил сам император с императрицей и принцессой.

Принцесса сразу наплевала на все церемонии и этикеты и подбежала к группе Суслика, плюхнулась к моментально покрасневшему Хомяку на кровать и начала щебетать:

— Ах, Минамото-сан, Кагосима-сан — я так за вас переживала, так переживала! Я даже послала Такара к главврачу, чтобы справиться о вашем здоровье, но противный старикашка просто неуловим...

«Ещё бы, — подумал Суслик, — Делать ему нечего, кроме как персонально давать отчет фрейлинам о состоянии пациентов. Или он местные рестораны инспектировал в это время. Тоже вариант!»

Император громким кашлем в кулак прервал щебетание дочери и глазами показал на место рядом с матерью. Неформальность неформальностью, а пришел он сюда с определенной целью.

— Мои храбрые воины! Вы с честью выполнили свой долг и противостояли врагу многожды сильнее, еще раз показав, что императорский дом — это дом воинов, а не изнеженных придворных!

— Лично от себя благодарю юных воителей, не побоявшихся встать рядом и отбить приступы там, где мы совершенно не ждали, а также сыгравших критическую роль в обеспечении безопасности принцессы!

Движением руки император дал указание, и стоявшие сзади адъютанты поднесли каждому наградное оружие, медали, ордена, кому-то даже новые погоны с приказом о повышении...

Слово взяла императрица:

— Специальным императорским указом, все кадеты, участвовавшие в специальной операции, кроме медалей и орденов получают боевое звание младшего лейтенанта и вне конкурса переводятся в Высшую Военную Академию!

Принцесса снова восторженно запрыгала и захлопала в ладоши, получившие награды СБ-шники одобрительно зашумели, поздравляя новоявленных офицеров, а император и Императрица наконец расслабились и перешли к неформальной части — банкету. В палату сразу же ввезли на сервировочных столиках традиционные рыбные блюда, саке и крайне дорогое деликатесное Крымское вино, поставляемое напрямую ко двору микадо.

Для Суслика началась новая жизнь!

Больше книг на сайте - Knigoed.net